

НА ВОСПОМИНАНИЕ ИЗБАВЛЕНИЯ ЦЕРКВЕ
И ДЕРЖАВЫ РОССИЙСКІЯ ОТ НАШЕСТВІЯ
ГАЛЛОВ И С НИМИ ДВАДЕСЯТИ ЯЗЫК

Ты, Господи Боже, Щедрый и Милоспивый, Долгоперпеливый, и Многомилоспивый, и Истинный, и правду храняй, и пворяй милость в пвисящи, опъемляй беззаконя, и неправды, и грехи, на время мало оспавль нас, милоспию велиею помиловал еси, и посеппив жезлом неправды наша, якоже щедрит отец сыны, тако ущедрил еси нас. Призрел бо еси на скорбь нашу, и на попробление царспвующаго града Москвы, в немже от леп древних призвася имя Твое, и на моления наша, яже не на наша правды уповающе, повергохом пред Тобою, но на щедроты Твоя многія, Господи: и дал еси нам хребет нечеспивых супостапов, благочеспивое же воинство наше венчал еси оружием благоволения Твоего, да от лица Христа Твоего исчезающе исчезнут, яко дым, врази Твои, любящии же Тебе возсияют, яко воспок солнца в силе своей. Видехом, Господи, видехом и вси языцы видеша в нас, яко Ты еси Бог, и несть разве Тебе, Ты убиеш и живи сотвориши, поразиши и исцелиши, и несть, иже изметт от руку Твоею. Темже упвердися сердце наше во Господе нашем, вознесся рог наш в Бозе нашем, возвеселихомся о спасении Твоем. Благодарим Тя, Господи, яко наказуя наказал еси ны в мале, да не смерти во веки предаси нас. Дажь нам, Господи, память сего славнаго Твоего посещения пверду и непреспанну имепи в себе, яко да в Тебе упверждени сыновним спрахом и верою, и любовию, и Твоею крепоспию ограждени, вину, якоже днесь, поем и славословим имя святое Твое.

Упверди благословение Твое на Державе Россійспей, и Дух Твой Благий да почиет на ней вину. Подаждь пастырем Церкви Русскія свяпвню, правителем суд и правду, народу мир и пишину, законам силу и вере преспяние. О, Премилосердый Господи! пробави милость Твою ведушым Тя: но и неишущым Тебе явлен буди: еще же и врагов наших сердца к Тебе обрапи: и всем языком и племеном во Единем Истиннем Христе Твоем познан буди. Да от воспок солнца до запад, всеми убо языки, единем же сердцем, вси языцы восклицают Тебе гласом радования.

СЛАВА ТЕБЕ, БОГУ, СПАСИТЕЛЮ ВСЕХ ВО ВЕКИ ВЕКОВ.
АМИНЬ.

Духовный Совесѣдникъ

2013 №1 (63)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Высокопреосвященнейший СЕРГИЙ,
митрополит Самарский и Сызранский

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Епископ Никифор (ХОТЕЕВ)
Епископ Софроний (БАЛАНДИН)
Архим. Георгий (ШЕСТУН) — гл. редактор
Прот. Николай МАНИХИН
Прот. Николай АГАФОНОВ
Архим. Вениамин (ЛАБУТИН)
Прот. Олег АГАПОВ
Прот. Евгений ЗЕЛЕНЦОВ
Прот. Игорь МАКАРОВ
Прот. Димитрий ЛЕСКИН
Прот. Александр УРЬВСКИЙ
Прот. Рустик ГУЗЬ — секретарь ред. совета
Прот. Алексей БОГОРОДЦЕВ
Диак. Алексей ПОДМАРИЦЫН
Д.В. СИВИРКИН
Е.П. БЕЛЬЧИКОВА
Ю.В. ИЗЪЯТСКИЙ

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Мария ВИННИКОВА — редактор
Анна КОВАЛЕНКО — корректор
Галина Гражданкина — набор
Евгений Азимов — верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Почтовый адрес: 443110, г. Самара, а/я 12892.

Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-75-12.

E-mail: ds@samtel.ru

Электронная версия «ДС» в Интернете: www.sobesednik.orthodoxy.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

Молитва ко Господу..... 1

СВЯТИТЕЛЬСКОЕ СЛОВО

Митрополит Самарский и Сызранский
СЕРГИЙ

Защитим Россию от богоборцев..... 4

Жизнь митрополии..... 6

Трибуна русской мысли

Александр ПАНАРИН

Православная цивилизация
в глобальном мире..... 18

Валерий РАСТОРГУЕВ

«Два служения и один крест»..... 38

Историческая память

Виктор ТРОСТНИКОВ

Полиптик, опередивший время 42

Святая Русь

Прот. Николай АГАФОНОВ

«Спойте за веру недвижимо» 46

Глаголы жизни

Игумен Нектарий (МОРОЗОВ)

«Без нее очень трудно»..... 90

Старец Афонский Иосиф Исихаст

Письма о молитве 91

Жизнь во Христе

Митрополит Иларион (АЛФЕЕВ)

Архимандрит Софроний..... 96

Тайны Божии

Юрий ВОРОБЬЕВСКИЙ

Незримые старцы.....112

Пою Богу моему

Владимир ОСИПОВ

«Как радостно на белом свете». Спихи.....124

ФОТОГАЛЕРЕЯ

Достижения митрополии 134

ЗАЩИТИМ РОССИЮ ОТ БОГОБОРЦЕВ

Место и значение России в истории поистине уникально. Именно здесь веками определялся христианский, православный вектор развития человечества. Россия всегда подавала всем народам благой пример братской любви к ближним, сотрудничества, бескорыстной дружбы, милосердия и терпения. Наш народ отличался особо бережным отношением к святоотеческому наследию, коренным традициям, к памяти ушедших поколений, а великий русский язык был и остается важнейшим объединяющим фактором, наличие которого позволяет сглаживать политические просчеты, противостоять вражде, умиротворять конфликты.

Ныне мы повсеместно наблюдаем тревожные тенденции отхода от основных нравственных принципов, от всего, что было веками накоплено христианской цивилизацией. На Западе торжествует неоязычество в крайних формах. Под фальшивой личиной «прав человека», «толерантности» и «свободы выбора» преподносится, а лучше сказать, возводится в образец безудержное потребление, бездушный эгоизм, вседозволенность. В результате мы видим попальное одичание, сползание человечества в пропасть духовного и физического распада, грядущего небытия.

Не обошла эта напасть и нашу страну. Разворачивается разнуданная правля Матери-Церкви, Святого Православия, множатся попытки привнести разброд и шатания в церковную среду. В это тревожное время, как и всегда в годину испытаний, нам нужно крепко держаться своих исконных традиций, сугубо молиться о церковном единстве и спяжании «духа мирного», к которому призывает нас преподобный Серафим Саровский.

В эти дни мы празднуем 200-летие Отечественной войны 1812 года, во время которой наши предки дали оппор огромной армии во главе с богоборцем Наполеоном. Той страшной беде – «нашествию иноплеменных» — поже предшествовал глубокий духовный кризис. Во многих странах прошли кровавые революции, двойные стандарты господствовали в политике и морали. В России тогда, как и сейчас, поже наблюдались неспроения, а «в верхах» царила мода на все «западное». Но когда в пределы нашей Родины впорглись захватчики, народ в едином порыве вспал на защиту Отечества. Наибольшее негодование у русских вызывало глумление над святынями, их осквернение. Все – от дворян до крестьян – вспали тогда за веру Православную.

Неужели и сегодня нужна подобная беда, чтобы, наконец, объединить народ в борьбе за свои святыни, за собственное будущее в мире? Верю и надеюсь, что нам всем хватит зрелости и мудрости, чтобы, сохраняя мир и спокойствие, осмыслить и применить на практике уроки прошлого. Историческая память, верность традициям предков поможет многим и многим обрести Истину, а с ней и насоящую свободу, заповеданную Христом-Спасителем – свободу от греха.

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ
«ЗНАМЕНИЕ» КУРСКАЯ-
КОРЕННАЯ В САМАРЕ

Чудотворная икона Божией Матери
«Знамение» Курская-Коренная

Вечером 17 сентября в международном аэропорту «Курумоч» состоялась встреча чудотворной Курской-Корен-

ной иконы Божией Матери «Знамение». Образ был доставлен в Самару делегацией Русской Православной Церкви Заграницей во главе с архиепископом Берлинско-Германским и Великобританским Марком из Мюнхена.

В аэропорту великую святую встречали Митрополит Самарский и Сызранский Сергей, духовенство Самарской епархии и воспитанники семинарии. Владыка Марк вышел на трап самолета с образом Божией Матери «Знамение» и благословил им всех, встречавших святую. Хор пропел пропарт и кондак Курской-Коренной, затем владыка Марк передал святую Митрополиту Самарскому и

Встреча чудотворной иконы Божией Матери «Знамение» Курской-Коренной в международном аэропорту «Курумоч». 17.09.2012 г.

Архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк.
Литургия в Покровском кафедральном соборе. 18.09.2012 г.

Сызранскому Сергию, после чего состоялся краткий молебен.

Из аэропорта «Курумоч» икону перевезли в Покровский кафедральный собор Самары. У врат соборного храма чудотворный образ встречали епископ Кинельский и Безенчукский Софроний, духовенство Самарской митрополии, преподаватели и воспитанники СамПДС и многочисленные верующие. Владыка Сергей внес икону в храм и с солеи благословил ею верующих. Затем образ положили на аналой, установленный посреди храма, и опслужили перед ним молебен с акафистом.

Главная святыня Русского Зарубежья – чудотворная икона

Курская-Коренная – находилась в Самаре до 22 сентября 2012 года. Перед ней постоянно служились молебны, читались акафисты. Все, желающие поклониться образу, имели круглосуточный доступ к святыне, охраняемой представителями самарского казачества и полиции.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ И ДУХОВНЫЙ ПУТЬ РОССИИ: ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ»

В Самарском академическом театре оперы и балета 18 сентября 2012 года прошла международная научно-практическая конференция, посвященная 1150-летию

Молебен перед Курской-Коренной иконой Божией Матери «Знамение». Покровский кафедральный собор. 18.09.2012 г.

российской государственности, под названием «Исторический и духовный путь России: память

Чудотворная икона Божией Матери «Знамение» Курская-Коренная

поколений». Она также приурочена к 400-летию окончания в нашей стране Смутного времени и 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года. 2012 год – это Год истории России, год Минина и Пожарского, Патриарха Гермогена.

Организаторами форума выступили Самарская митрополия РПЦ, правительство Самарской области, министерство образования и науки Самарской области, Совет ректоров самарских вузов, межвузовская кафедра теологии и истории религий при СамГУПС.

В конференции приняли участие губернатор Самарской области Н.И. Меркушкин, Митрополит Самарский и Сыз-

Митрополит Самарский и Сызранский Сергей, архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк, епископ Анадырский и Чукотский Серафим.
Литургия в Покровском кафедральном соборе. 18.09.2012 г.

ранский Сергей, архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк, главный федеральный инспектор по Самарской области В.Н. Комаповский и глава г. о. Самара Д.И. Азаров. На пленарном заседании также присутствовали епископ Анадырский и Чукотский Серафим, епископ Отрадненский и Похвистневский Никифор, епископ Кинельский и Безенчукский Софроний, председатель совета ректоров самарских вузов Г.П. Копельников, духовенство Самарской митрополии, ректоры ведущих вузов города, преподаватели и студенты вузов области, учителя общеобразовательных школ. Среди

гостей конференции – ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Рязани, Оренбурга, представители Республики Беларусь, Греции и Германии.

Перед началом работы конференции в Покровском кафедральном соборе был отслужен молебен перед Курской-Коренной иконой Божией Матери «Знамение».

Открывая форум, Митрополит Самарский и Сызранский Сергей отметил, что 2012 год – год славных юбилеев: русской государственности и великой победы над Наполеоном. Сегодня мы должны соборно пробудить чувство ответственности у народа, чтобы укрепить русскую

Пленарное заседание международной научно-практической конференции «Исторический и духовный путь России: память поколений». 18.09.2012 г.

землю и сохранили в памяти поколений деяния наших подвижников, за которые они пролили кровь. Чтобы наши соотече-

ственники обратили взоры к своей вере, к своей славной истории. В этом наша сила, единство и упование на Божию милость.

Митрополит Самарский и Сызранский Сергей и архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк с духовенством митрополии и братией Свято-Богородичного Казанского мужского монастыря, с. Винновка. 18.09.2012 г.

Н. И. Меркушкин напомнил, что именно из истории мы можем почерпнуть все то доброе и позитивное, что помогло сохраниться нашей стране. Вера не раз спасала наше Отечество. Православная вера формировала национальный характер, внутренний стержень русского человека. Наши предки хорошо знали ту грань, которую нельзя переступать. И очень важно передать это понимание жизни, исконные традиции молодому поколению. Если мы сумеем устроить свою жизнь правильно, то будем жить достойно и благополучно.

«Всех христиан православных Заступление»

Затем перед собравшимися выступил гость из Мюнхена, представитель русского православного

Митрополит Самарский и Сызранский Сергей и архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк в Самарском Иверском женском монастыре. 19.09.2012 г.

Архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк в Заволжском мужском монастыре в честь Честного и Животворящего Креста Господня. 20.09.2012 г.

зарубежья архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк. Он сказал: «Русь Православная проспирается не полвко на историческое проспранспво Рос-

сии, но и на весь мир. Это последствия страшных событий начала XX века, которые привели к гражданской войне и к тому, что возникла большая опасность для Рус-

Митрополит Самарский и Сызранский Сергей и архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк в Детском епархиальном образовательном центре. 20.09.2012 г.

ской Церкви, когда многие русские люди были вынуждены покинуть свое Отечество. У беженцев не осталось ничего, кроме своей веры и любви к Родине, и они сохранили эту веру, эту любовь в себе и в своих детях. Так Русь Православная распространилась по всему миру. В большой мере, можно сказать, благодаря иконе Божией Матери, с которой мы вчера сюда приехали, – Курской-Коренной. Она называется “пупеводительницей Русского Зарубежья”, потому что вокруг нее собирались русские люди со всего мира. Мы уверены, что приносим большую радость православному народу России. Мы видели, как люди в тех городах, которые мы посещали вместе с иконой, принимали на себя огромный труд, чтобы приложиться к этой святыне. В Курске люди стояли в очереди по 25—26 часов и не отчаивались: ждали, молились.

Видя сегодняшнее собрание, озабоченное дальнейшими путями Русской земли, я мало что могу прибавить к этому. Перед вами стоят новые задачи, решение которых должно начинаться еще в детском саду, в основной школе. Когда человек не знает церковно-славянского языка, он не может понять свою мысль. Когда он не воспитывается в себе навык посещения храма, исповеди, покаяния, он не может быть культурным человеком. У нас с вами много задач».

В тот же день архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк в сопровождении Митрополита Самарского и Сызранского Сергия и духовенства митрополии посетил Свято-Богородичный Казанский мужской монастырь в с. Винновка. Владыка Марк ознакомился с жизнью монастыря и посадил вечнозеленое дерево как символ духовного процветания обители.

АРХИЕПИСКОП БЕРЛИНСКО-ГЕРМАНСКИЙ И ВЕЛИКОБРИТАНСКИЙ МАРК ПОСЕТИЛ ПОДГОРСКИЕ МОНАСТЫРИ

Накануне Рождества Божией Матери, 20 сентября, архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк посетил монастыри, возросшие за последнее десятилетие на правом берегу Волги близ села Подгоры. Сначала владыка побывал в Заволжском мужском монастыре в честь Честного и Живоворящего Креста Господня, ознакомился с жизнью насельников, посетил храмы обители, кельи настоятеля и нескольких монахов. Даже посидел возле того камня, где ногами за Россию молился приснопоминаемый схимонах Анастасий. Архиепископа Марка радушно принимал настоятель мужского монастыря с братией архимандрит Георгий (Шестун). Он рассказал, что здесь нет электричества,

Архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк в домово́й церкви в честь Святых Царственных Страстотерпцев при школе № 54. 20.09.2012 г.

и насельники попят обыкновенные печки и молятся при свечах. Архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк и его спутники были до глубины души пронуты оказанным приемом и не скрывали того, что их поразила тишина и благодарность подгорской земли. Выходя из храма Креста Господня, владыка Марк заметил: «Этот храм — Божие благословение».

Архимандрит Георгий представил владыку Марка насельникам обители: «Мы благодарим владыку, что по благословению Божией Матери он приехал в Самару, привез свяпую икону.

Мы рады, что владыка сегодня посещает нашу Богом заданную обитель. Позвольте Вам пожелать здравия, крепости духовной, многолетия. Надеемся, что это Ваше посещение Самары не последнее, и мы еще увидимся». В ответном слове владыка Марк сказал: «Мы рады, что Господь и Пресвятая Богородица привели нас сюда. Я особенно радуюсь, что сегодня мы посетили вашу обитель. Действительно, здесь вы подвизаетесь в благоприятном месте. В тишине, в уединении от суеты мира можно легко спастись. Конечно, это имеет свои трудности. Как и в любом

месте в любое время, когда люди тянутся к Богу, нечистый спарается ставить препятствия и препоны. Но я уверен, что вы преодолеете их и сможете подвизаться путь во славу Божию».

Архиепископ Марк побывал на святом источнике Илии Пророка и ознакомился с жизнью насельниц Заволжской Свято-Ильинской женской обители. Посетил храмы в честь Илии Пророка и сщмч. Константина Сухова, келью первой настоятельницы женского монастыря игумении Анастасии (Шестун). На прощание владыка сказал: «Мы будем молиться и о вас, чтобы Господь укрепил вас на вашем пути. Радуемся, что вы собрались в таком святом месте. Действительно, каждый уголок на земле может быть святым, если человек его освящает, и может быть скверным, если человек его оскверняет. Господь все создал для нашего спасения, важно, чтобы мы сами воспользовались теми возможностями, которые дал нам Бог».

Депутат Самарской губернской Думы Д. В. Сивиркин встретил владыку Марка в храме, который он построил в женской обители в честь своего прадеда сщмч. Константина Сухова. Он спросил владыку Марка, почему в РПЦЗ больше почитаются новомученики российские, чем на исконно русской

земле, на что владыка ответил: «Обычно человек не ценит то, что он имеет. А когда теряешь Родину, начинаешь ее ценить по-другому».

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ В КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОМ СОБОРЕ В ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

21 сентября 2012 года, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, Митрополит Самарский и Сызранский Сергей совершил Божественную

Архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк. Всенощная в Петропавловском храме г. Самары. 20.09.2012 г.

Литургия в Кирилло-Мефодиевском соборе г. Самары.
Рождество Пресвятой Богородицы. 21.09.2012 г.

литургию в крупнейшем храме Среднего Поволжья – Кирилло-Мефодиевском соборе г. Самары. Его Высокопреосвященству сослужили архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк, епископ Анадырский и Чукотский Серафим, епископ Отраденский и Похвистневский Никифор, епископ Кинельский и Безенчукский Софроний, протоиерей Виктор Ушапов – настоятель собора, секретарь епархиального управления; протоиерей Николай Манихин – настоятель Казанского собора г. Тольятти; протоиерей Григорий Коберник – настоятель Казанского собора г. Сызрани; архимандрит Георгий (Шестун)

– наместник Заволжского мужского монастыря в честь Честного и Животворящего Креста Господня; архимандрит Вениамин (Лабупин) – руководитель епархиального отдела образования и капелляции, духовенство Самарской митрополии. За богослужением пел сводный хор, в который вошли воспитанники семинарии, самарских вузов и депских епархиальных центров под управлением игумена Николая (Рапникова), проректора по воспитательной работе семинарии, и И.А. Печиной, доцента Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. На службе молились многочисленные прихожане и благотворители храма.

По окончании богослужения владыка Сергей приветствовал делегацию РПЦЗ во главе с архиепископом Берлинско-Германским и Великобританским Марком и поблагодарил всех участников богослужения за совместную молитву в день праздника. Затем гости в сопровождении настоятеля собора протоиерея Виктора Ушапова посетили духовно-просветительский центр «Кирилица», где пообщались с преподавателями и воспитанниками.

По завершении мероприятий в Кирилло-Мефодиевском соборе Митрополит Самарский и Сызранский Сергей и архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк прибыли на место строящегося на пересечении Московского шоссе и проспекта Кирова храма в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Строительство храма началось в апреле 2012 года. Завершение строительства планируется в 2013 году. На сегодняшний день построен цокольный этаж и возведена часть стен. После совершения молебна с водоосвящением владыка Сергей и владыка Марк подписали закладную грамоту. Затем она была помещена в специальную

Митрополит Самарский и Сызранский Сергей зачитывает закладную грамоту у строящегося храма в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в г. Самаре. 21.09.2012 г.

капсулу и положена в алтарную стену будущего храма. В церемонии закладки капсулы принял участие депутат Самарской губернской Думы А.К. Ушамирский. Архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк отметил: «Нам радостно, что спроектирован храм. Думаю, что те люди, которые будут здесь работать в церковную жизнь, в дальнейшем тоже будут строить храм».

Александр Сергеевич Панарин ушел из жизни в сентябре 2003 года. В разгар избирательной кампании его безвременной кончины многие не заметили – особенно среди тех единомышленников ученого, которые были за будущее России проппартий эпохи ельцинизма. Немногие узнали о смерти учено-

го из вскользь прозвучавшего объявления по телевидению. Далеко не все, кто должен был, пришли на панихиду.

Последние годы Александр Сергеевич Панарин – самый яркий политический философ современной России – работал, несмотря на болезнь, подрывавшую его силы, чрезвычайно интенсивно – публикуя несколько монографий в год. Каждая из них была фундаментальным вкладом в российскую политическую науку.

Александр Сергеевичу пришлось пройти непростой путь в науке – от либерального диссидента до русского национального мыслителя. Свои основные труды А.С. Панарин опубликовал именно в спатупсе традиционалиста, русского консерватора, а не либерала. Судьба предоставила Александру Сергеевичу возможность стать одним из тех гигантов науки, на плечах которых может подняться (и поднимается) целая плеяда русских ученых, носителей консервативного мировоззрения.

Панарин А.С. (26.12.1940–25.09.2003) – русский философ, критик глобализма. Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и аспирантуру, достиг значительных высот в научной сфере: доктор исторических наук, заведующий отделением теоретической политологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, директор Центра философских исследований Института философии РАН, действительный член 5 академий, в том числе Нью-Йоркской Академии Наук.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

То, в чем нам по-настоящему отказывают сегодня, – это в наличии особой цивилизационной идентичности. Нашу специфику пытаются подать в сугубо отрицательных терминах – как традиционализм, отсталость, нецивилизованность. И это несмотря на то, что общественная наука давно уже не отождествляет цивилизованность с одним только Западом, признавая множество сосуществующих цивилизаций на земле. Сегодня мало-мальски образованные люди не скажут, что Китай и Индия – это варварские страны, на том основании, что они отпадают от Запада.

Наряду с западной цивилизацией принято говорить о мусульманской, индо-буддийской, конфуцианско-буддийской (китайской) и других. И только наше отличие от Запада подается как изгойский знак отверженности и отсталости, исторической незадачливости и культурной несостоятельности. Наши западники обречены презирать Россию, ибо, отказывая ей в специфической цивилизационной идентичности, они прилагают к ней западный эталон и винят за несоответствие этому эталону.

Некоторые из них уже готовы выдвинуть дилемму: либо России удастся стать западной страной, либо она недостойна существовать вообще, так как в своем традиционном виде представляет вызов «цивилизованному человечеству», а также, надо полагать, собственному «цивилизованному» меньшинству. На этом же основании западнические радикалы в России желали поражения собственной страны в войнах с Западом. Пятая колонна западных радикалов (и левых, и правых) дважды на протяжении XX века подготовила поражение России в мировых войнах: первый раз – в 1917–1918 годах, перед лицом «передовой Германии», второй раз – на рубеже 80–90-х годов, перед лицом «демократической Америки».

Таким образом, вопрос о цивилизационной идентичности России, о ее праве быть не похожей на Запад, иметь собственное призвание, судьбу и традицию, на наших глазах превращается в вопрос о нашем праве на существование вообще, о национальном бытии как таковом.

А. С. Панарин написал более 250 научных работ, в т.ч. 18 крупных монографий и книг. Наиболее значимые из них: «Политология», «Глобальное политическое прогнозирование», «Православная цивилизация в глобальном мире», «Агенты глобализма» (позднее эта работа целиком вошла в книгу «Искушение глобализмом», за которую учёный удостоился Солженицынской премии), и, наконец, «Стратегическая нестабильность в XXI веке».

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛИЗМ

И здесь мы запрагиваем другую сторону анпинии российского бытия – национальную идентичность и национализм. Легче всего заключить от противного: если мы не Запад, следовательно, нам предстоит подняться на щип нашу русскую национальную самобытность и исключительность, прочесть свою судьбу как этнически чистый текст. Но при этом сразу же обнаруживается, что чистота этого текста изначально замутнена реальной историей и географией. Россия, с одной стороны, никогда не была моноэтническим государством, с другой – она, начиная, по крайней мере, с реформ Никона и Петра I, постоянно интегрировала западные идеи в свою социокультурную систему, то есть не была монокультурной. Поэтому последовательным поборникам спрогой национальной идентичности предстояло бы переписать заново всю нашу историю и географию и во всяком случае вынести за скобки последние при века российской истории.

Историческим референпом русского национализма, с которым он пыгается сверять свой компас, является московский период – от конца папаро-монгольского ига до начала петровских реформ. Однако при внимательном взгляде на московское царство мы обнаруживаем, что в нем нет никакого этноцентризма, никакой моноэтнической доминанты. Российская идентичность московского периода была вовсе не этнической, а конфессионально-цивилизационной. Русские люди московского периода мыслили себя как православный народ – хранитель и защитник великой святоотеческой традиции, представленной не русскими, а греческими именами таких святых, как Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов. Не племенное чувство и не имперская гордыня скрепляли идентичность русских людей московского периода, а православный идеал священного царства, основанный на высшей правде и жертвенном служении святой апостольской вере.

Таким образом, наши западники (как и их наставники на самом Западе) допускают сразу две подмены, приписывая нашей идентичности по комплекс этноцентризма, то «азиатчину» и «папарщину».

Драма нашей идентичности связана с тем, что она с самого начала носила не натуралистический характер, не довольствовалась наличностями этнического, географического и административно-державного полка, а являлась по преимуществу ценностно-нормативной, духовной. Само греческое, восточно-христианское исповедание к тому времени, когда Московская Русь обрела государственную самостоятельность, утратило географическую и цивилизационную привязку по причине гибели Византии и стало восприниматься как священное наследие, находящееся в опасности и нуждающееся в срочной защите.

те. Наша идентичность в качестве Святой Руси и определилась в XV веке в форме народа – защитника православного идеала, который больше некому охранять. Речь, таким образом, идет об идеократической идентичности, основанной на привязанности к священному идеалу — тексту — и на аскезе, необходимой для того, чтобы этому идеалу соответствовать и сбросить его от посягательств.

В этом могут усмотреть патологию: остальные народы живут реальной жизнью, адаптируясь к особенностям своего пространства-времени, а русские подчиняют жизнь тексту и в этой вымученной ортодоксальности теряют чувство реальности и способность адаптироваться к ней. Это возражение вряд ли состоятельно, ибо человек как культурное существо воспринимает действительность сквозь призму культурного текста и свое поведение строит не по бихевиористской схеме (стимул – реакция), а на основе непрекращающихся герменевтических процедур, при которых факты действительности интерпретируются на основе предварительной смысловой схемы, а сама эта схема по и дело реконструируется и корректируется под давлением новых фактов.

Таким образом, всякая человеческая жизнь представляет собой культурную драму, в которой на каждый вызов внешней действительности человек отвечает не «непосредственно», а с позиций определенной культурной идентичности, которая воспроизводится как более или менее целостный текст, корректируемый, но опнюдь не ломаемый и отбрасываемый под давлением «сырых» фактов. Такая «текстуальность» человеческого существования сегодня осмысляется самыми разными науками в общей парадигме постмодернизма, ключевой установкой которого является понимание социального бытия как совокупности постоянно реинтерпретируемых культурных текстов.

Особенность русской культуры не в том, что она опосредует восприятие человеком реальности некоторыми нормативно-аксиологическими текстами, – это делает любая культура, – а в том, что она, во-первых, больше других тяготеет к «монокстуальности» (пронизанности всех практик единым центральным смыслом), во-вторых, ее процедуры подведения действительности под нормативный текст требуют значительно большего внутреннего напряжения в силу той изначальной дистанцированности ортодоксального греко-православного текста от эмпирической реальности, которая связана с ранней гибелью материнской цивилизации — Византии. Разумеется, это не значит, что цивилизационная идентичность базируется исключительно на конфессиональной основе — на великой письменной традиции — Великой Книге, объединяющей этнос в едином сакральном пространстве. Человек живет не только небом, но и землей, и территориально-географические детерминанты в немалой

степени ответственны за склад характера, образ жизни и миро-чувствия народов, живущих в определенной части ойкумены. Здесь мы сталкиваемся со сложной проблемой соотношения осознанного и проговариваемого, с одной стороны, и лапентного и аффицирующего из каких-то глубин нашей перцепции – с другой.

Сакральнйй, прудовой, бытвой и другие пипы народного опыта опнюдь не всегда легко укладываются в некую целостность; чаще всего они представляют разнокачественность, преодолеваемую напряженной работой нормативно-ценностного характера. Евреям пришлось сорок лет скипаться по пустыне, прежде чем Моисей решил, что народ его достоин вступить в землю обетованную. Не-что подобное произошло и с русским народом. Хороша и обильна была земля Киевская, но депский эгоизм князей и народа, вовлеченных в усобицы, привел к краху Киевскую Русь. Уже Андрей Боголюбский, перенесший столицу на север, во Владимир, выполнил моисееву роль, осознав несоответствие умонастроения народа споявшим перед ним державным задачам. В русской душе до сих пор сохраняется ностальгия по Киеву, и в каких-то своих инфантильно-подсознательных глубинах она, душа, до сих пор не в состоянии примириться с этой переменной месторазвития, с суровостью московского периода, пак контрастирующего с золотой юностью Киева.

Петр I, наш первый державный западник, в определенном смысле выполнил роль Андрея Боголюбского и Ивана Калиты, когда перенес столицу из Москвы на прибалтийские болота. Это сейчас, после большевистского тоталитарного опыта, петербургский период вспоминается как «цивилизованно-западнический» и потокающе-эмансипаторский. Петра I, напротив, московская жизнь возмущала своим «спонтанным», расслабленно-сонливым характером, эгоизмом быта, не готовым на державную жертвенность. Он нарочито выбрал для новой столицы на редкость неудобное место – с нездоровым климатом, с болотным ландшафтом, в котором не было и признаков уютного природного раздолья, где славянская душа привыкла справлять свои языческие праздники. Территориальный проект Петра I имел мобилизационно-аскетический замысел – новой суровой школы для расслабившегося народа.

КОНФЛИКТНЫЕ ЛИНИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Анализируя драматические циклы российской истории, замечаешь, что ее самые болезненные срывы и разрывы случаются в топ самый момент, когда общество достигает долгожданного равновесия и происходит натурализация на местной почве и традиции всех блуждающих социальных элементов, всех заимствованных на спороне экстравагантных идей, наконец-таки теряющих свою экстра-

вагантность. Тут бы, кажется, и успокоиться, закрепить достигнутое, окончательно консолидироваться. Вместо этого в обществе нарастает раздражение «сонным царством», «застоем», благолепием, которое представляется фальшивым, стабильностью, в которой усматривается что-то засасывающее. Неожиданный прескриж и влияние получают неистовые криптики, революционеры сверху или снизу, непримиримые оппоненты сложившегося спатус-кво.

Две конфликтные линии по и дело взрывают российскую историю. Во-первых, это проповостояние орподоксальной аскетики и быта, который перяет легипимацию со стороны сакрально-теократического начала по мере того, как спановится все более легким и успроенным; во-вторых, проповостояние универсального, всемирного и местного, доморощенного. Последнее периодически оказывается заподозренным в профанности и подвергается жестокой ревизии. Таким образом, проповостояние идеи (текста) натуре пронизывает всю историю нашей цивилизации и образует источник ее напряженно-драматической динамики. Обычно, когда говорят о том или ином мировом регионе в парадигме «плюрализма цивилизаций», подразумевают нечто спатическое, некий устойчивый сплав истории и географии, ценностей и уклада, в которых воплощен передаваемый из поколения в поколение кристаллизованный опыт. В случае нашей православной цивилизации более уместна метафора локапора, наспроенного на то, чтобы улавливать зазоры, с одной стороны, между нормативным священным текстом и повседневными общественными практиками, с другой – между универсалиями вселенского высшего, «передового» опыта и местническими уклонами «почвы».

Таким образом, православный мировой регион характеризуется своеобразным сплавом цивилизационных и формационных механизмов; он характеризуется перманентной полемикой с местными особенностями (то есть с самим собой) во имя движения к сакральному и универсальному.

Как только в мире появлялась очередная планетарная иллюзия относительно чего-то самого совершенного и безукоризненного, наши восторженно-фанатичные прозелиты брали ее на вооружение, с максималистским пылом претворяли в жизнь и – обнажали тем самым и для самих себя, и для окружающих ходульность и неосновательность очередного проекта.

Первый планетарный проект, который похоронила Россия, испытал его на себе и затем судорожно «исплюнув», был проект кочевнической империи. Правда, татаро-монгольский имперский проект предстал перед Русью вначале не в качестве добровольно взятого образца, а в качестве трагедии иноземного завоевания, но в логику

цивилизационно-формационного цикла, характерного для России, он вписался. Это сегодня с кочевничеством ассоциируется нечто дикое, изгойски-маргинальное, нелегитимное. А в известное время (на исходе средневековья) и в известном регионе (на рубеже Леса и Степи в Евразии) кочевник на коне выглядел аристократом по сравнению с копошащимся в земле пахарем. Революция воинов-кшаприев, имевшая место в Евразии много тысяч лет назад, надолго оставила свой след в нравственном сознании народов, в оценках героического и приземленного, воодушевляющего и рупинного, вольного и подневольного.

Кочевник-всадник был аристократом степи – как и средневековый рыцарь, постоянно готовый к походу и набегу. Русь, на протяжении двух с половиной веков испытывавшая на себе опыт ига и сбросившая его, вполне могла обрести свою идентичность в качестве ханской державы. Вместо этого она стала олицетворением земледельческой альтернативы кочевничеству и закрепила свою победу над ним в качестве всемирно-исторической (формационной). Это отметил А. Тойнби в своем «Постижении истории». В России, пишет он, впервые за всю историю цивилизаций оседлому обществу удалось «не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников и даже не просто побить их (как когда-то побил Тимур), но и достигнуть действительной победы... изменив лицо ландшафта и преобразовав в конце концов кочевье пастбища в крестьянские поля, а степибища – в оседлые деревни»*.

Архетип кшаприя неожиданно стал волновать сознание арийских народов в XX веке. Социализм жертвенный, сострадательный, чуткий к нуждам униженных и оскорбленных постепенно преобразуется в идеологию военно-милитаристской «потопальной организации» общества. Профессиональные революционеры все явственнее превращаются в касту кшаприев, отбирающих свои трофеи у богатых и раздающих их бедным – на условиях безропотного послушания. Сам социалистический (затем коммунистический) интернационал все явственнее обретал черты эзотерического союза касты кшаприев, кочующей по миру в поисках «слабого звена», пригодного для военно-революционного штурма. Вместо языка братства и солидарности эта каста усваивает лексику сверхчеловека – неподсудных «железных людей», призванных перепряхнуть запхлый порядок и внедрить героическую эпiku взамен мещански-буржуазной.

Характерно, что эта каста профессиональных революционеров, живущих «организацией и пропагандой» и презирающих методические трудовые усилия наряду со всеми другими «приземленными практиками», так и не растворилась в народе, не стала органической частью

---

* Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. С. 140.

нации. Она огородила для себя особое пространство «спецраспределителей» и вела особое, «конспиративное» существование, заботясь о том, чтобы и тайны власти, и сам образ жизни властвующих не стал достоянием профанной общественности.

Полной натурализации этой касты на нашей российской почве так и не произошло. Некоторый сдвиг натурализации произошел тогда, когда революционный кочевнический имперационал был подвергнут жестокой чистке, а оставшаяся его часть спала активно рядымя под «пахарей» – «исконно трудовой элемент». Однако внутренний цивилизационный конфликт, выражающийся в том, что организаторы нового строя так и не нашли настоящего признания и прибежища ни в нашей культурной традиции, ни в сознании народа, так и не был разрешен – вплоть до кончины советского строя в России. При новом, «демократическом» перевороте, на рубеже 80—90-х годов, либеральные идеологи этого процесса ожидали торжества мещанина (бюргера) над кочевниками «военно-феодальной» (административно-командной) экономики. Но действительность вскоре изобличила их иллюзии (или их ложь). «Новые русские», заполучившие всю бывшую государственную собственность в результате властной приватизации – набега на экономику во всеоружии властных допехов и номенклатурных привилегий, – еще больше отличались от добропорядочных мещан-накопителей, чем бывшие социалистические «командирь производства». Даже архаичная — по меркам брежневского застойного времени — фигура комиссара с маузером, олицетворяющая революционное экспроприаторство, менее походила на образ дикого кочевника, разоряющего покоренную страну и вывозящего из нее все ценности, чем современная диаспора новых олигархов и группирующаяся вокруг них хищно-вороватая среда, не признающая никаких цивилизованных норм. И снова ощущается явный эффект отторжения этой среды местным населением – новое проявление внутреннего цивилизационного конфликта.

Пора обозначить основные его параметры:

– Во-первых, противопоставление укорененного архетипа «пахаря», в поле лица добывающего свой хлеб и обуспраивающего свою землю, хищному кочевничеству. Тот факт, что такое кочевничество может являться не только в облике внешней силы, но и в облике внутреннего колониализма, ростовщической диаспоры, дела не меняет.

– Во-вторых, противопоставление аскетической жертвенности, связанной с верностью священному завету – божественной распущенности и безответственности, экстремизму телесного начала, утратившего свое истинное назначение – служить вместилищем и орудием высших духовных энергий.

– В-претвѣх, пропивопоствавление соборного начала индивиду-ально-эгоистическому, глухому к судьбам всего рода человеческого. Ибо соборность в нашем цивилизационном контексте – это вовсе не общинность в ее локально-местническом и патриархально-заскорузлом смысле, а духовное единство, объемлющее весь род человеческий. Как учил св. Григорий Нисский, образ Божий «не в части естества, но на весь род равно простирается таковая сила...»*.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СУТЬ ГЛОБАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

И здесь мы переходим к глобальным темам. Дело в том, что указанный внутренний цивилизационный конфликт в России развертывается, в сущности, не по классовому или этническому принципу, а вбирает в себя глобальный конфликт Запада и Востока, является квинтэссенцией его. В России сталкиваются планетарные силы, нередко маскирующиеся и спилизующиеся по под «борьбу классов», по под борьбу этносов против империи. Сегодня это проявляется со всей очевидностью. Еще недавно могло казаться, что в мире в самом деле идет борьба демократии с тоталитаризмом. Но когда тоталитарный СССР был повержен, Запад отнюдь не ослабил свой написк на Россию и страны, сохраняющие свою православную идентичность (Сербия). Напротив, стала обнажаться другая – не идеологическая, а цивилизационная суть глобального конфликта, прежде идеологически спилизованного. Не случайна та реконструкция самого понятия «тоталитаризм», которая сопутствовала победе Запада в холодной войне. Прежде тоталитаризм интерпретировался как этнически и цивилизационно нейтральное понятие – как зло, источники которого – в прагматиках истории, в соблазнах политики и идеологии, но отнюдь не в расовых, этнических и цивилизационных особенностях, разделяющих людей. Разве война с тоталитарной Германией не велась сообща, двумя фронтами – альянтической коалицией совместно с СССР?

И разве германский фашизм оценивался как органический продукт немецкой культуры, немецкого менталитета? Нет, он оценивался в парадигме просвещения – как заблуждение ума, а не этнической природы или культуры, как выверт человеческого сознания вообще, преодолеваемый терапией просвещения. Но этот этнически и цивилизационно нейтральный (универсалистский) просвещенческий дискурс неожиданно отбрасывается после победы Запада в холодной войне. Теперь тоталитаризм интерпретируется в духе культурологического и этнического расизма – как специфический продукт русской

---

* Киприан (Керн), архим. Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. 10.

ментальности, русской культуры, а в самое последнее время – как продукт православия. Надо сказать, точно такими же расистскими «культурологами» зарекомендовали себя основатели постсоветского режима в России. Они попому и постарались вывести Россию из состава СССР, что не верили в демократический потенциал «внутреннего Востока», как не верили и в потенциал просвещения, равно преобразующего умы и сердца людей, безусловно к их этнической и цивилизационной принадлежности. Если бы речь шла о демократизации как этнически и цивилизационно нейтральном процессе, незачем было бы ломать Советский Союз. Следовало бы, на основе демократического сдвига, ожидать перехода от тоталитарного союза к демократическому союзу. Но наши демократы, с подачи своих западных наставников, мыслили иначе.

Благородную открытость просвещения они заменили эзоперикой «демократического» расизма, связанного с убеждением в том, что демократия имеет свой цвет кожи и свой тип ментальности, характеризующий европейского «белого человека». Страхась демографического взрыва в республиках Средней Азии, они были убеждены, что СССР демократически непробуеваем – по причине преобладания «неевропейского населения».

Эти расистские фобии наших «демократов» преопределели выход России из состава СССР в 1992 году: демократический и антикоммунистический радикализм они измеряли этническими критериями. «Случайно ли парламент России оказался радикальнее парламента СССР, а парламент Литвы радикальнее парламента России?.. Характерно, что одной из причин гибели первого Рима (Западной Римской империи) считается его чрезмерное углубление на Восток. Из-за него сенаторы – италийцы, то есть классические римляне, по прошествии времени оказались обладателями лишь 35–40% мест в Сенате»*.

Тогда, в начале 90-х годов, мало кто обратил внимание на тот факт, что «новые демократы» мыслят по-расистски, отказываясь от установок христианского и просвещенческого универсализма. Прошло совсем немного времени, и эффект бумеранга достиг новой России. С середины 90-х годов в демократических СМИ, политической публицистике, а также в зарубежных публикациях, посвященных России, все явственнее звучит тема «демократического недоверия» к России как таковой. Характерно, что «азиатский» образ Верховного Совета СССР, где пон задают «пюбетейки», стал проецироваться

---

* Орешкин Д. Между Востоком и Западом. Размышления географа о роли и месте России//Диалог. 1991. №1. С. 78.

на Государственную Думу Российской Федерации с ее «красно-коричневым большинством». Красный цвет коммунизма и коричневый цвет нацизма, казалось бы, никак не могут сливаться – между ними кровь Великой Отечественной войны. Да и КПРФ, кажется, не давала никакого повода заподозрить ее в пронацистских симпатиях. Процедура слияния этих непримиримых идеологических противоположностей осуществима лишь при условии этнического или цивилизационного прочтения коммунизма – как специфического продукта русской общности или православной соборности. Привязав коммунизм к русской традиционной идентичности, можно поставить перед Россией дилемму: либо она должна полностью отказаться от своей идентичности, выкорчевать самые корни собственной культуры, либо ее удел – противостояние всему демократическому миру. Эта радикализация темы коммунизма, заставляющая «копать глубже» – за идеологическим коммунистическим сознанием разглядеть коллективно-бессознательное русского духа – формирует качественно новую атмосферу: климат расовой войны «демократического» Запада и «демократической» элиты в самой России против русского народа и православной цивилизации. Вся концепция прав человека и другие правозащитные стратегии определяются таким образом, чтобы в поле зрения правозащитного сознания попадало что угодно, но не устрашающие факты нового геноцида. Задержание журналиста, являющегося российским гражданином, но работающего на радио «Свобода» и освещающего события в Чечне явно в антироссийском духе, вызвало не только бурю негодования в «демократических» СМИ, но и дало толчок массовой защитной кампании. Напротив, невиданные за последние несколько столетий экспроприация и люмпенизация большинства населения – когда минимальная заработная плата в двадцать раз ниже реального прожиточного минимума, равно как и ежегодный вывоз десятков миллиардов долларов из обескровленной страны не удостоиваются не только кампании протеста, но даже статуса простой газетной сенсации. Это возможно только при совершенно определенной – расистской презумпции: голодание и вымирание миллионов людей «местного пипа» – ничто по сравнению с какими-либо неудобствами людей высшего, демократического типа.

Пожалуй, меня обвинят в том, что я произношу недопустимо жесткие, громкие слова, но я убежден, что именно инициаторы и исполнители преступления заинтересованы в том, чтобы все шло впихую и приручение общественности к двойным стандартам происходило постепенно, под аккомпанемент демократически-благонамеренных речей.

ИЗБРАННИКИ И ПАСЫНКИ ПРОГРЕССА

Отметим теоретико-методологические аспекты вышеозначенных проблем.

Итак, мы констатируем изменение парадигмы господствующего западного дискурса. Еще недавно вопрос о переходе от авторитарно-попалитарных форм устройства к демократическим мыслился на основе формационного универсализма – закономерной общественной эволюции, не считающейся с какими бы то ни было расовыми, этническими, географическими барьерами. Теперь возобладала цивилизационная парадигма, открывающая дорогу монопольного присвоения понятий «демократия», «свобода», «гражданское общество» западной цивилизацией в качестве их единственного аутентичного истолкователя и носителя. Демократическое неприятие попалитаризма обернулось неприятием не-западных цивилизаций как находящихся на подозрении в силу самой их природы. Природу же, как известно, не изменишь: изгнанная в дверь, она вернется через окно.

Вопрос состоит в том, преодолим ли современный «демократический расизм» и на основе каких теоретико-методологических презумпций можно вернуться к гуманистическому универсализму, к концепции всеобщности спасения, единства исторических судеб человечества? И перед каким выбором это ставит нас, наследников православной цивилизации, над которыми нависла угроза оспракизма и изгойства под предлогом нашей неисправимой цивилизационной наследственности?

По сути дела, мы сталкиваемся с изменением самого временного горизонта, куда нас поместили вместе с наиболее «безнадёжной», претривмировской частью человечества. В прежнем горизонте прогрессивного (формационного) эволюционизма категория «прошлого» не носила характера некоего генетического кода или устойчивой субстанции. Прошлому давались сугубо отрицательные определения – как чему-то временно отличаемому от настоящего и будущего, куда оно выносятся неудержимым гераклиповым потоком. Сегодня, в рамках цивилизационной парадигмы, прошлое получает субстанциальное определение чего-то устойчивого, генетического (в смысле культурологической генетики ментального «кода»), способного существовать рядом с современным и мешать ему. Борьба современности с прошлым обретает форму борьбы цивилизаций, одна из которых олицетворяет модерн, остальные – устойчивую и агрессивную архаику, не содержащую никаких имманентных предпосылок желаемой общественной эволюции.

По-видимому, сегодня практически нет шансов снять установку цивилизационного плюрализма, которая вытеснила прежнюю,

универсалистско-оптимистическую систему ожиданий единого человечества, движущегося к заранее заданному счастливому финалу истории. Не только нынешние избранники прогресса и победители в холодной войне ощутили свою цивилизационную уникальность, предопределившую все их успехи и победы; среди менее счастливого большинства планеты тоже утверждаются ценности культурной и цивилизационной идентичности, ранимая впечатлительность в отношении своей этнической, религиозной, культурно-исторической традиции, которую надлежит сберечь как ценнейшее коллективное достояние.

На Западе до сих пор не заметили определенного противоречия: если демократические ценности, как и ценности материальной достижительности, секуляризма и эмансипации, в самом деле субстанциональным образом (на уровне генетического культурного кода) связаны с одной только западной цивилизацией, то не угрожает ли им (этим ценностям) перспектива превращения в «символ веры» западного меньшинства человечества по мере того, как не-западное большинство становится все больше проникаться сознанием драгоценности своего культурно-ценностного наследия и своей идентичности?

Исповедуя идеологию нового избранничества (концепцию «золотого миллиарда», приватизировавшего перспективу постиндустриального общества перед лицом большинства, путь которому туда заказан), Запад тем самым провоцирует сепаративные стратегии спасения и в других частях планеты. Когда скоро прогресс (и такие его атрибуты, как демократия, права человека, право повелевать природой и миром во имя процветания отдельной личности) оказался столь ненадежной, ускользающей от большинства ценностью, то не надежнее ли вернуться к своим исконным ценностям, которые были несправедливо забыты и развенчаны под влиянием западного подспрекапельства?

Приходится признавать, что такая логика все больше срывается в оспальном мире, почувствовавшем себя пасынком западного прогресса.

Итак, на одной стороне мы имеем тенденцию к обособленности западной цивилизации, сменившей оптимистическое великодушное Просвещение, сформировавшее гуманистические универсалии общечеловеческого будущего, на культурологический пессимизм и расизм, сообщающий некогда обезличенному прогрессу специфический цвет и запах «белого человека».

На другой стороне – тенденция специфического цивилизационного самоопределения со стороны тех, кого больше не пускают в европейский дом и в постиндустриальное общество по соображениям

плохо скрывае­мой сегрега­ции. Здесь пока что еще не совсем ясно, имеем ли мы дело с демократической тенденцией защиты своего достоинства, заставляющего искать свой путь в будущее не на основе заемной, а на основе собственной цивилизационной программы (более или менее реконструированной в духе времени), или с тенденцией обмена ненадежного будущего (приватизированного Западом) на свое надежное прошлое – в духе всепроникающего спила «репро».

СЕПАРАТИСТСКИЕ СТРАТЕГИИ ЗАПАДА ПРОТИВ НАСЛЕДИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСАЛИЗМА

Зададимся вопросом: а возможен ли новый синтез формационной и цивилизационной парадигм – общечеловеческий прорыв в будущее не на основе культурного разоружения и обезличивания, а с сохранением культурно-цивилизационного многообразия человечества? Положительное решение данного вопроса возможно при условии, если мы оп­тимально такую цивилизацию, которая не имеет никаких по­ло­жительных решений проблемы сепаратным образом, вынося за скобки всю мировую проблематику (в том числе западную) и сосредоточившись на своей исключительности. Не отвечает ли указанному критерию российская цивилизация? Будучи отличной от Запада и сознающей свое отличие (о западных элитах мы здесь не говорим), она тем не менее никогда не обнаруживала склонности ни к сепаратному обустройству, ни к тому, чтобы свалить с себя ответственность за судьбы мира. Славянофилы, впервые выразившие ее самосознание на современном философском языке, никогда не были ни изоляционистами-почвенниками, ни националистами!

Вместо того, чтобы отворачиваться от Европы, они воспринимали кризис европейской культуры как планетарное явление, нуждающееся в планетарном же мироустроительном ответе. Славянофилы никогда не рассуждали о России как о замкнутом территориальном образовании, выступающем демаркационную линию вокруг внешнего, иноязычного и иноконфессионального мира. Напротив, они были совестливыми глобалистами, убежденными, что проблемы, не решенные в одном месте, станут язвой всего человечества, и что кризис, развернувшийся на Западе, нуждается в общечеловеческом решении.

Славянофильская парадигма восприятия европейского кризиса необычайно поучительна для нас сегодня. Речь идет об умении интерпретировать понятие европейского кризиса, осознавать его как собственную проблему и задачу, не решив которую, невозможно жить дальше.

Сегодня возобладали совсем другие тенденции. На одной стороне обособилась партия апологетических западников, не видящих на Западе никаких изъянов и кризисов и манихейски поделивших мир на

светлое западное начало и темное восточное. На другой стороне (как ответ на эпох вызов) начинает обособляться партия почвенников-националистов, которые в свою очередь не видят двойственности Запада и трудный жанр имманентной критики (на основе анализа внутренних противоречий Запада) подменяют легким жанром радикального внешнего отрицания. Инициатором здесь выступил сам Запад, который после своей победы в холодной войне предпочитает идеологему «монолитности», внутреннего единства и безупречности риску творческой самокритики.

Все это весьма напоминает печально известные стратегии правящего коммунизма, совершившего свой «безупречный», не подлежащий никакой критике спор. Чем меньше готовности к творческой самокритике, тем более вероятна консолидация критических сил и позиций извне – эпох закон, на себе испытанный советским коммунизмом, судя по всему, предстоит испытать и Западу, сегодня склонному к высокомерной оспраненности и самовозвеличению.

Надо сказать, отказ от марксизма и переход на позиции либерализма резко ухудшил возможности дискурса и статус нашей правящей элиты в ее диалоге с Западом. Современный либерализм на Западе – это идеология победителей со всеми ее характерными особенностями: догматической самоуверенностью, неумением прислушиваться к другим, нетерпимостью к критике и неспособностью к самокритике, в которой усматривается грех самообнажения перед «чужими».

Я не призываю заменить эпох либеральный монолог победителей марксистским монологом побежденных, безграничную веру в Запад – новой революционной эсхатологией, пророчащей ему неминуемый конец.

Но достоин внимания тот факт, что отвратительная в своем догматическом самомнении (или в своем подобострастии – как у наших западников) идеология победителей сформировалась именно на базе либерализма. Потенциал творчески продуктивной самокритики, в той мере, в какой он еще сохраняется внутри Запада, проявляется в основном не в Америке, а в Европе, в печениях, продолжающих вести творческий диалог с марксизмом, – в левых вариантах неотрейдизма, постструктурализма, экзистенциализма, герменевтики. Только в этих печениях сохраняется наследие европейского универсализма – установка на осмысление проблем и противоречий современности в качестве универсальных, общечеловеческих, а изъяснов бытия – как имманентных, а не вызванных кознями «варварской периферии» и давлением «неполноценных» рас. (Как знаменательно, что официальное коммунистическое манихейство, подменяющее им-

манентно-критическую позицию поисками внешних врагов, не умерло вместе с коммунизмом, а было воспринято победившим либерализмом, неожиданно обнаружившим агрессивно-милитаристские черты «единственно правильной идеологии».)

С позиций таких же сепаратистских стратегий воспринимаются ныне на Западе глобальные проблемы современности. Еще недавно, после первых докладов Римского клуба, была характерна их оценка в парадигме гуманистического универсализма. Перед их лицом выступали не люди разных цивилизационных регионов, в одиночку подсчитывающие свой потенциал и возможности выхода из проблемной ситуации, а планетарный человек, сполна осознавший бремя человеческой судьбы и заново осмысляющий свой статус в космосе. Такая установка предвосхищена отцами Восточной Церкви.

«Эпо имеют одинаково все: и явленный при первом устройении мира человек, и поп, который будет при окончании Вселенной; они равно в себе носят образ Божий. Поэтому целое наименовано одним человеком»*.

Парадигма христианского (и просвещенческо-гуманистического) универсализма перед лицом глобальных проблем строится на следующих презумпциях:

– Глобальные проблемы затрагивают не какой-то аспект человеческого существования, подлежащий отдельному пересмотру, а все наше бытие, ставшее проблематичным. Не найдя ответа на вызов глобальных проблем, человечество не сможет выжить. Здесь корни новой эсхатологии, поразительно перекликающейся с первохристианской.

– Глобальные проблемы образуют собой не конгломерат не связанных друг с другом вызовов, а некую систему, требующую системного же решения.

– Такое системное решение требует объединенных усилий всего человечества, впервые выступающего как осознанно действующий планетарный субъект.

Выраженный здесь имманентно-критический и универсалистско-гуманистический подход подвергся неожиданному пересмотру после победы Запада в холодной войне. Официозный либерализм как идеология победителей оказался на удивление глухим к свидетельствам глобального экологического, демографического, социокультурного, продовольственного и прочих кризисов. В противовес прежней критической рефлексии, пребывающей качественного пересмотра сложившихся установок и практик технической цивилизации и вскормленного ею потребительского общества, официозный либерализм взял на вооружение следующие подходы:

---

* Киприан (Жерн), архим. Указ. соч. С. 10.

1. По возможности отодвинуть «пределы роста» и другие глобальные ограничения за счет подключения дополнительных ресурсов оказавшейся беззащитной не-западной периферии мира, пополненной огромными перрипориями бывшего «второго мира».

2. Приписать происхождение глобальных проблем не западному модерну с его нигилистически-разрушительным отношением к природе, культуре и морали, а азиатскому традиционализму. Глобальные проблемы решено было экспортировать с благополучного Запада на неблагополучный Восток не только в идеологическом плане – посредством приписывания их давлению оставшей и неприспособленной ментальности, но и в практическом – путем вывоза токсичных технологий, отходов, а также пеньвых социальных практик в незащищенное периферийное пространство.

3. Соорудить догматически-самоуверенную концепцию всеразрушающего «монизма». Если коммунистическая идеология приписывала чудодейственную способность автоматически разрешать все проблемы «общественной собственности на средства производства», то официальный либерализм приписывает аналогичную способность рыночной системе, якобы не нуждающейся ни в какой коррекции, ни в каком вмешательстве политической и моральной воли в действие всеразрушающего рыночного автоматизма.

Синтезировать все при подходе и признана была новая доктрина «глобального мира». Незаметная подпасовка – семантическое соскальзывание с крипического глобализма, озабоченного планетарными вызовами, к апологетическому глобализму нового мирового порядка, устанавливаемого и контролируемого победившим Западом, – несомненно, предусматривалась разработчиками новой доктрины. Чтобы отвечать всем трем вышеперечисленным подходам, конструкция «глобального мира» должна соответствовать свойствам закрыто-открытой, асимметричной системы. Для того, чтобы Запад мог отодвигать для себя пределы роста, расширяя ресурсную базу своей технической и потребительской цивилизации, нужно, чтобы другие страны и цивилизации открыли для него все свои ресурсы. Отсюда – концепция глобального «открытого общества» и «открытой экономики», где национальные государственные границы объявляются устаревшими, а сама попытка защищать местные экономики от международного хищничества оценивается как проявление агрессивного национализма и традиционализма, которые должны немедленно пресекаться и наказываться. Но для того, чтобы уберечь пространство демо-

кратического модерна от давления «агрессивной архаики» и от инфильтрации ее элементов с неблагоприятного Юга на благополучный Север, необходимы двойные стандарты. Западные страны имеют право интегрироваться, создавая единое экономическое, политико-правовое и информационное пространство, а не-западные (в особенности Россия со своими соседями и партнерами в постсоветском пространстве) – нет, ибо это вызывает подозрение в попытках возрождения «блокового мышления», русского империализма, антизападного милитаризма. Западные страны имеют право на протекционистскую защиту и своей экономики (на это направлено так называемое антидемпинговое законодательство в США), и своего чистого в социальном и расовом отношении пространства, тогда как попытки протекционистской защиты своей экономики или своей культуры со стороны стран не-Запада оцениваются как фобии традиционалистского мышления и предосудительная тактика обороны от прогресса.

Как ответить на вызовы нового глобального миропорядка? Велик соблазн ответить на эти двойные стандарты самоизоляцией (национальной или континентально-цивилизационной). Но это означало бы, что мы, вместо того, чтобы по-своему овладеть современностью, наложив на нее свою творческую печать, просто отвергаем ее, предоставив другой стороне монополю формировать ее по своему усмотрению. Глобализация – в смысле тенденции к сокращению барьеров и расстояний и образованию единых экономических, информационных и прочих пространств – реальность нашего времени. И именно потому, что мы признаем эту реальность и воспринимаем ее всерьез, мы претендуем на то, чтобы в ней звучал и наш собственный голос, чтобы ее формирование не прошло без нашего участия. Это только прежняя идеологическая и научная догматика настаивала на детерминистской однозначности и предопределенности тех или иных «объективных тенденций» и «непреклонных закономерностей». Современное состояние науки позволяет говорить о многовариантности, альтернативности, поливалентности любых новых тенденций общественной жизни. Тот, кто настаивает на той или иной одновариантности, избочивает свою заинтересованность в определенном сценарии развития, приписывает своим субъективным устремлениям статус непреклонной объективности, одновременно объявляя устремления других злым и неразумным своеволием.

Именно с таким подходом мы сегодня сталкиваемся в практике глобализации. То, что именно Запад лидирует в этом процессе, бесспорно. Менее бесспорно его право монополично присваивать себе позитивные возможности глобализации, а негативные следствия ее перекладывать на плечи других. Там, где Запад (речь идет в первую очередь о США) рассчитывает извлечь максимум пользы от ослабления бывших границ и барьеров, он настаивает на принципе глобального «открытого общества». Глобальная «открытая экономика» означает беспрепятственную экспансию наиболее развитых стран, разоряющих более слабые экономики, лишённые привычной национальной защиты. Аналогичные эффекты мы имеем в случае глобального информационного общества, глобальной массовой культуры. Но когда речь идет о движении рабочей силы с бедного Юга на богатый Север или о конкуренции более дешевых товаров, идущих из Азии в Европу, то принцип «открытого общества» тут же с легкостью отбрасывается Западом, выстраивающим все новые демаркационные линии. Достаточно упомянуть Шенгенские соглашения (1995), посредством которых интегрированная Западная Европа продемонстрировала решимость защищать свое благополучное пространство от пришельцев извне.

В целом «открытое глобальное общество», как оно интерпретируется сегодня на Западе, означает откровенный социал-дарвинизм – глобальное пространство ничем не сдерживаемого «естественного отбора», в котором более слабые экономики, культуры, этносы обречены погибнуть, уступив планету сильным и приспособленным.

И это подается как высшее откровение современности! Но разве вся мировая эволюция культуры не вела в прямо противоположном направлении – от естественного отбора к режиму благоприятствования более слабым, но и более рафинированным, от пенденции к однообразию, которой чреват «естественный отбор» в обществе, к шадящему разнообразию человеческих типов, от диктата материально-экономической необходимости к признанию самоценности высших форм опыта? Сегодня спорная, чувствующая явное превосходство в материальной силе – экономической, технической и военной, – стремится убедить всех, что там, где сила, там и правда, что естественный отбор как торжество силы перечеркивает все другие критерии, которые выработала человеческая культура в ходе трудных побед разума над инстинктом, морали и справедливости – над культом силы, духа – над материей.

Не вправе ли мы полагать, что на сегодня главный вопрос, касающийся всей глобальной проблематики, состоит в том, как в новых условиях глобального мира заново утвердить приоритеты культуры и морали, защитить право так называемых «неадаптированных» (а к ним относится большинство человечества) на существование, скорректировать социал-дарвинистскую стихию рынка процедурами, позволяющими сохранить разнообразие человеческих практик, в особенности относящихся к высшему «постматериальному» пипу. <...>

Сегодняшние вершители судеб глобального мира склонны отказывать другим цивилизациям (нашей – в особенности) в праве участия в формировании облика глобального мира и коррекции его нынешней, американоцентристской одномерности. По-видимому, они рассчитывают на то, что глобальный мировой порядок может быть едва ли не навечно закреплен в том виде, в каком его ныне формируют «наиболее приспособленные». Но история показывает, что вечных порядков не бывает. Если новый глобальный порядок окажется очевидно несправедливым и одномерным, он будет пересмотрен в какой-то следующей фазе мирового исторического цикла, которая станет ответом на нынешнюю американоцентристскую фазу.

Вероятно, мы бы существенно выровняли такую драматическую цикличность мировой истории в духе более благополучно-линейного (в той мере, в какой это доступно в нашем грешно-несовершенном мире) эволюционизма, если бы уже на ранних стадиях глобальной эволюции нам удалось расширить число планетарных субъектов глобализации, партнерски выверяющих ее экономические, политические и культурные «балансы». Вот почему сегодня так важно реабилитировать «маргиналов» современной глобализации, обрекаемых на пассивность и молчание, на роль объектов чуждой мироустроительной воли. Необходимо, с одной стороны, не заниматься догматической апологетикой глобализации, как она складывается сегодня, под односторонним воздействием известных мировых сил, смело вскрывать ее изъяны и пороки, а с другой – раскрывать потенциал иных цивилизационных субъектов и культур, способных скорректировать опасные одномерности глобализма в случае собственного более активного участия в формировании грядущего миропорядка и в процессе принятия глобальных решений.

«ДВА СЛУЖЕНИЯ И ОДИН КРЕСТ»

Слово о Панарине

Александр Сергеевич Панарин — выдающийся русский мыслитель, философ, политолог. Профессор Московского государственного университета, который в юности был изгнан из альма-матер за свободомыслие, но через много лет вернулся в его стены и вернул гуманитарным факультетам дух академической свободы. Многочисленные научные звания и бесчисленные свидетельства общественного признания говорят меньше, чем написанные им книги. Его книги остаются с нами.

Творчество Панарина поистине уникально: не только масштабом созданного и не только безоглядой смелостью. Как говорил Жан Жак Руссо, кто хочет быть свободным, тот действительно свободен. Более свободного человека, чем Александр Сергеевич, я не знал и часто говорил ему: «Вам, видимо, суждено при любом режиме оставаться диссидентом». И он соглашался: не умел лукавить, не хотел подлаживаться, не мог опуститься от своего призвания. Но есть в его книгах одна пайна, которая всегда будет привлекать пытливые умы: каждая строка узнаваема, каждая мысль самобытна. Читаешь текст, но слышишь живую, раскованную речь, видишь открытую, незащищённую душу. Его идеи не только вплетены в русскую культуру и мировой социокультурный контекст, но и воспринимаются как органичная составляющая, образец высокой культуры. Для современной науки это даже не редкость, а исключение из правил.

О статусе учёного часто судят по индексу цитируемости его трудов. Александр Сергеевич Панарин — едва ли не самый цитируемый автор. Но красноречивей всего о нём говорят не ссылки и не цитаты, а умолчания... Не каждый осмелится и сегодня не то чтобы признать правоту его суждений и точность прогнозов, но даже повторить многие нелицеприятные оценки российской политический жизни и того тонкого социального слоя, который именуется себя национальной политической элитой, не испытывая при этом к собственному народу ничего, кроме презрения. Впрочем, за жёсткой критикой политической верхушки не скрывалось иного желания, кроме одного — излечить застарелый недуг, выправить власть. В

эпои связи вспоминаются известные слова: друг у власти — потерянный друг. Хочется верить, что уже наступает время, когда российская властная элита очистится от скверны, выйдет из пропивоестественной оппозиции к народу. Тогда будет восребован и потенциал творчества Александра Панарина, но нам спанет ещё болней от масштаба потери, от осознания того, что мы не смогли вовремя оценить его пророческого дара. Имя Панарина дорого каждому, кто любит Россию и знает, сколь велик вклад учёного в становление отечественной и мировой политической науки. Может быть, с годами боль упраты утихнет, а труды, достойные того, чтобы войти в свод лучших произведений русской философии, останутся.

Господь дал Александру Панарину два дара служения — истине и России. Соединить эти дары дано не многим: умом Россию не понять, аршином общим не измерить... Для этого нужно любящее и крепкое сердце православного человека. Его сердцу были открыты душа и будущность русского народа, а ещё — горизонты мировой политики, её тайные пружины и страшные язвы. Пророческое сердце отзывалось болью каждый раз, когда сбывались пророчества. А они сбывались и, увы, будут сбываться. Теперь это сердце остановилось.

Только православный человек, беззаветно любивший Россию и видевший в заревах грозной истории земного отечества свет отечества небесного, мог узреть за явным нежеланием русского общества приспособиться к тотальному рынку, где всё продается и покупается, не столько слабость, сколько великую жертву и высшее призвание. Россия способна выстоять и пропивостоять новому язычеству, ибо «приспособленным, успешным и удачливым недосуг говорить и думать о новом мире». Даже по закону естественного отбора они обречены. «Лежащей в основе западной морали успеха презумпции доверия к сильнейшему — наиболее приспособленному — мы... пропивоопоставляем нашу презумпцию доверия к слабейшему. В этом — наш исторический и метаисторический мистицизм, вполне вписывающийся в Христово обетование нищим духом, которые наследуют землю».

В своей лекции, прочитанной при вручении ему премии А. И. Солженицына, Панарин говорил, что может быть, сам русский народ и является в мире той загадочной исторической инстанцией, которая остановит глобальное крушение. Может быть, русскому народу «дано защищать те ценности, которые заведомо нерентабельны и

попому преследуются рыночниками. И, может быть, когда-нибудь история воздаст ему за это... никакой рынок не будет содержать Большой театр, ...фундаментальную национальную библиотеку, ...создавать спойную систему высшего образования». Они нерентабельны.

Продолжим эту мысль: и безграничные просторы великой России, и её многовековое стремление сохранить в истории все народы и культуры, когда-либо доверившие России свою судьбу, тоже нерентабельны по меркам голого расчёта... Вместе с тем, именно политическое тело исторической России тысячелетиями закрывало и защищало одну шестую планеты — с её великими реками и озёрами, уникальными природными и этнокультурными регионами, от состояния которых зависит не только качество жизни на планете Земля, но и сама возможность эту жизнь сберечь.

Александр Панарин отдал много сил проблемам глобального политического прогнозирования и лучше многих знал, что политика — это действительно искусство возможного. Но знал он и другое: возможность — не вседозволенность. Ибо первое — от Бога, второе — от лукавого. Всё дозволено лишь для тех, кто не признаёт Бога. В сотворённом мире вседозволенность сужает спектр возможного, лишает человека рассудка, народы — энергии жить и выступать, а саму жизнь — высшего смысла.

Так называемый прогресс, который на наших глазах преобразается в расистскую категорию, делящую людей на приспособленных и неприспособленных, заставляет нас, по словам Панарина, капитулировать перед современностью, отречься от всех прежних ценностей, традиций и памяти, даже от своей идентичности. Задача, которую ставил перед собой Александр Панарин, — реабилитировать традиционалистов и сам русский народ, который сегодня «находится на большом подозрении в глазах передового общественного мнения, ...в рискованной ситуации нелюбимого. Его не любят собственные правители. Его не любят экономические элиты, его не любят властные элиты... Нелюбовь властвующих, нелюбовь тех, кто принимает решения, в значительной мере объясняет те катастрофические поражения, ту катастрофическую разруху, которые сегодня у нас произошли». Внутренняя опасность кроется в «нарушении принципа разделения духовной (символической) и экономической власти, новое слияние которых чревато "экономическим популизмом"».

Исследования Панарина в области политической глобалистики были поистине пионерскими. В этом ряду стоят его известные

монографии: «Глобальное политическое прогнозирование», «Искушение глобализмом», «Православная цивилизация в глобальном мире», «Стратегическая нестабильность в XXI веке» и десятки, сотни других значимых работ. Он трактовал глобализацию как деконструкцию суверенных национальных государств и национальных сообществ, открывающую возможность выхода элит из системы национального контроля. Глобализация по Панарину, — вызов демократическому суверенитету народа, которому всё чаще приходится подчиняться наднациональным инстанциям. Выход — не только в «альтернативном глобализме», интернационализации демократических институтов, способных обуздать глобальный экономический популизм, но и в верном следовании долгу.

А свой долг он понимал широко. Это, прежде всего, непрерывная, с полной самоотдачей работа со студенческой молодёжью и аспирантами в МГУ, Институте философии РАН и Государственной академии славянской культуры, в создании которой он деятельно участвовал, воспринимая славянский мир как историческую основу развития Православной цивилизации. Более того, по мнению Панарина, именно «теперь, когда после распада советской сверхдержавы православие подвергается практически ничем не сдерживаемому напору мусульманских сил с Востока и Юга, протестантских сект с Запада, оно незаметно проникается этническим регионализмом — осознаёт себя в качестве славянской или даже русской церкви».

Александр Панарин видел свой долг и в том, чтобы поддержать любой росток национального самообретения. Он не принимал сердцем той железобетонной стены, которая на наших глазах была искусно возведена политиками между народами и отделила от России наших соотечественников, волей или — куда чаще — неволей оставшихся на чужбине. Нормой его жизни была напряжённая, ежедневная публицистическая деятельность, которую он почти не отделял от научной — и там и здесь поиск, жажда истины, бескомпромиссность. Его статей ждали многие отечественные журналы и газеты: «Москва», «Трибуна русской мысли», «Литературная газета»... Не перечислишь его друзей, издателей и — главное — умных читателей, число которых растёт и будет расти.

Два служения были даны Александру Панарину. Два служения и один крест. Но крест этот был ему по силам: по таланту, по его духовной мощи, по вере, — ибо не бывает креста выше сил человеческих.

ПОЛИТИК, ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ

О благоверном великом князе Андрее Боголюбском

Когда обращаешься мыслью к какому-то конкретному столетию отечественной истории, первыми возникают в воображении не события, а люди, олицетворяющие это столетие. Это и понятно: события – плоть истории, люди – её дух, а ведь сказано: Дух животворит; плоть не пользует нимало (Ин. 6, 63). Наше прошлое – не нагромождение фактов, а жизнь предков, которая мгновенно переносится в настоящее, как только мы начинаем о ней думать. И все происходившие в России внешние события были производными от внутренней жизни населяющих её людей, в особенной, иногда решающей степени от людей великих, оставшихся в нашей памяти в качестве символов своего времени.

Обычно столетие имеет несколько символов. Скажем, для четырнадцатого века это преподобный Сергий Радонежский, преподобный Стефан Пермский, благоверный князь Димитрий Донской; для восемнадцатого века – Пётр, Елизавета, Екатерина, Ломоносов, Суворов. Но было в нашей истории такое столетие, которое ассоциируется с одним-единственным именем, поскольку другие замечательные деятели, жившие в ту

пору, по сравнению с тем, кто носил это знаковое имя, второстепенны. Имя его было Андрей Боголюбский, оно и символизирует для нас двенадцатый век.

Ход нашей истории есть не что иное, как реализация замысла Всевышнего о России, который, в свою очередь, представляет собой часть великого и таинственного процесса, называемого Божественным Домостроительством. Хотя конечная цель этого процесса от нас скрыта, не может быть никакого сомнения в том, что он имеет смысл, ибо Бог и бессмысленность несовместимы. А это значит, что специфика каждого периода истории Руси логически обусловлена спецификой предвещающего периода. Двенадцатое столетие не было исключением – его духовная доминанта созвучна доминанте столетия одиннадцатого. Она вполне очевидна: это был век интенсивного усвоения русским обществом принятой в предвещающем веке христианской веры. Недаром его символами стали просветитель митрополит Иларион, спастоперцы Борис и Глеб, ревностные насаждители православия благоверные князья Ярослав Мудрый и Владимир Мономах (креститель

ТРОСТНИКОВ Виктор Николаевич — по образованию физик, математик; разрабатывает проблемы теоретической и прикладной философии и богословия; кандидат философских наук. Родился в 1928 году в Москве. Окончил физико-технологический факультет МГУ в 1953 году. Работал в Ленинграде, затем вел преподавательскую деятельность по высшей математике в различных вузах Москвы. Был доцентом кафедры высшей математики МИИТа. Имеет ряд публикаций по вопросам физики и математики, в том числе монографии по математической логике. В 1970 стал кандидатом философских

Руси Владимир, умерший в 1015 г., относился к десятому веку). Приобретение народного организма к новой религии происходило в первую очередь в сфере сознания, но в начале XII века настал момент, когда накопившиеся за сто лет изменения в мировоззрении и менталитете должны были породить иной взгляд на то, как надо устроить коллективную жизнь, т.е. явить новую концепцию ГОСУДАРСТВА. Эта концепция возникла в голове Андрея Боголюбского и овладела всем его существом.

Концепция, собственно говоря, была новой только для Руси. До принятия христианства у восточных славян исходными единицами политического устройства были племя и род, а государство мыслилось ими как союз племён и родов. Рюриковичи были приглашены к нам всего лишь как наёмные администраторы, организующие сложную работу этого союза, которых местное собрание (вече) в любой момент могло прогнать (что часто и происходило). Но христианскому миропониманию ближе совсем другие представления о государстве, а именно – как о союзе, скреплённом не администрацией, а верховной властью, которой все безоговорочно подчиняются. Причина здесь в том, что христианин хочет видеть в земном жизнеустройстве образ небесного, а в нём

Святой благоверный князь Андрей Боголюбский. Стенная роспись Успенского собора Княгинина монастыря во Владимире. 1647–1648 годы

существует спорогая вертикаль власти, исходящая от Бога и идущая вниз через иерархию девяти ангельских чинов. Там – Царь Небесный, значит, тут должен быть царь земной. Там единоначалие – и тут единоначалие. В этой системе ценностей наилучшим политическим

наук. Труды Тростникова в 90-е годы, кроме лекционной деятельности, книг и статей по «научной апологетике», знаменуются постепенным переходом философа от апологетики к экзегетике и от космологии к сотериологии. Центральной темой в них становится тема спасения. В этой связи Тростников ставит вопрос о природе и происхождении нашей цивилизации, считая, что она целенаправленно препятствует делу спасения, и вводит в свои произведения размышления эсхатологического порядка. Кроме того, важной темой он считает проблему спасения в браке.

устройством видится монархия, а идеалом – православная монархия, где между государством и Церковью устанавливается взаимовыгодное сотрудничество, называемое «симфонией», — государство защищает Церковь и помогает ей материально, а Церковь воспитывает для государства законопослушных граждан и спасает их души для вечности.

Как раз такой взгляд на государство выработал в себе с ранних лет Андрей Боголюбский и поставил целью всей своей жизни привести полилическую действительность Руси в соответствие с этим взглядом. Почему эпим загорелся именно он, а не кто-то другой из Рюриковичей? В нём многое сошло для этого: незаурядный интеллект, душевная чуткость, пламенный патриотизм, глубокая религиозность, вера в своё великое предназначение. К этому надо добавить блестящее образование, данное ему (как и всем другим сыновьям) его отцом Юрием Долгоруким. Биографы князя к словам «блестящее образование» обычно добавляют фразу «по тому времени», подразумевая, что тогда оно всё-таки не достигало до современного. С этим распространённым заблуждением давно пора расстаться. Современная система образования отводит массу времени на подробное изучение свойств твёрдой материи (физику и химию), знание которых нужно только специалистам, а прочими людьми быстро забывается, ничем не обогащая внутреннюю жизнь школьников, вызубривших эти предметы только ради того, чтобы сдать экзамены. На уроках же естествознания, которые могли бы стать настоящим гимном Творцу, учащихся убеж-

дают в вопросе бредовой теории эволюции Дарвина. Что же касается действительно важных проблем философии и богословия, то эти отрасли науки преподаются лишь на особых отделениях университетов, так что с ними знакомится лишь ничтожная доля получивших дипломы. Андрей же Боголюбский был взращён на таких источниках истины, важных для человека, как Ветхий и Новый Заветы, жития святых, святоотеческие творения, античная поэзия, которую он читал в подлиннике, владея и греческим, и латинским языками, как русским, а также на философии Платона и Аристотеля. Всё это способствовало достоянием его ума и сердца, так что ни один день его занятый не был потерян напрасно. Пройдя такую школу, княжеский сын Андрей Юрьевич сформировался как человек более мудрый и более духовный, чем нынешние профессора и академики. И благодаря этим качествам он понял: исторический императив состоит в том, чтобы удельно-княжескую Русь превратить в православную монархию. Возможно, путь сыграло свою роль и происхождение: ведь дед Андрея (отец Юрия Долгорукого) был женат на дочери византийского императора Константина Комнена, и каждая четвертая капля текущей в его жилах крови была царской.

Судьба дала ему высокое положение, позволяющее надеяться на осуществление задуманного им преобразования. Его отец был одним из самых авторитетных князей рода Рюриковичей. Он прославился твёрдым единоличным правлением в своём ростово-суздальском уделе, принесшим богатые плоды: край при нём быстро

укреплялся в хозяйственном отношении и припятивал «сходцев» со всей Руси, под конец же своей жизни Юрий Владимирович дотянулся своей длинной рукой до самого почётного удела и спал великим князем Киевским, по естество «первым среди равных». Унаследовав от отца суздальский стол, Андрей приступил к реализации своей программы в региональном масштабе. Он начал с того, что стал решительно ломать сложившуюся ещё со времён родового уклада иерархию влияния и власти, которая с государственной точки зрения была незаконной и, как бы мы сказали сегодня, «коррупционной». Чтобы расшевелить это болото, князь Андрей перенёс столицу удела из Суздаля в захолустный Владимир, где, по его замыслу, должна была начаться новая жизнь края. Второю мерою была постоянная «ропация» подчинённых ему князей. Этими мерами он давал всем понять, что в доме является единственным хозяином. Но Андрей Боголюбский не намеревался ограничиться лишь местными нововведениями, и вскоре получил шанс распространить их на всю Русь. В результате сложных междуусобных интриг группа князей пришла к решению прогнать с киевского стола правящего там Мстислава и посадить на него Андрея. Последний дал на то своё согласие, но киевляне воспротивились, желая оставить Мстислава. Тогда князь Андрей направил на Киев огромное войско. Город был взят и, с дозволения Андрея, подвергся двухдневному разграблению. Кажется невероятным, как мог благочестивый христианин, известный своей благопорицательностью, постами и молитвами,

быть столь жестоким. Соловьев даёт этому простое объяснение: «Этот поступок Андрея был событием величайшей важности, событием поворотным, от которого... начинался на Руси новый порядок вещей... впервые высказывается возможность перехода родовых отношений в государственных». Сурово наказав киевлян за самоуправство, Андрей Боголюбский возвестил всему народу, в чём будет теперь заключаться «новый порядок вещей»: опныне все должны знать, что источник верховной власти в ней самой, а не в князях и земле.

Попытка святого благоверного князя Андрея Боголюбского создать уже в двенадцатом веке православную империю не удалась. В 1174 году в результате заговора он был убит. Это произошло 4 (17) июля. Поразиительно, что в тот же самый день через 744 года был убит Николай Второй. Слишком крупно Андрей ломал старые порядки, слишком понадеялся на силу самой идеи, и поэтому пренебрёг тем искусством, которым в следующем столетии блистательно владел другой гений из Рюриковичей — Александр Невский — искусством дипломатии.

Убийство князя замедлило движение Руси к самодержавию, но не могло его остановить. Как пишет Л.А. Тихомиров, идея Андрея «продолжала развиваться, только более осторожно, у (его) преемников. Это была политика объединения земли и государственной власти в руках великого князя и его семейства, вопреки преобладанию родовой удельной системы».

Сегодня, отмечая юбилей благоверного князя, мы чтим его как одного из зачинателей нашей государственности и нашей великой цивилизации.

«СТОЙТЕ ЗА ВЕРУ НЕДВИЖИМО»

к 400-летию со дня кончины и 100-летию со дня прославления
сщмч. Ермогена, патриарха Московского и всея Руси

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

I. ИЗБРАНИЕ НА ПАТРИАРШЕСТВО

Неизвестно, присутствовал ли Ермоген в Москве на коронации Лжедмитрия, но известно, что вместе с другими иерархами Церкви Казанский митрополит получил звание сенатора и имел право заседать в Сенате, преобразованном Самозванцем из Боярской Думы. Осенью 1605 года Ермоген прибыл в Москву, чтобы участвовать в заседании Сената по вопросу о том, может ли царь жениться на католичке Марине Мнишек. Патриарх Игнатий в этом вопросе был полным сторонником Лжедмитрия и его духовных опекунов – опцов иезуитов. Прочие архиереи, подражая патриарху и опасаясь царского гнева, так же были согласны во всем попать царю. Но не таков был Ермоген, митрополит Казанский. Памятуя об архиерейской присяге – не допускать браков православных с латинянами, Ермоген решительно восстал против намерения Лжедмитрия. Непреклонный в компромиссе о делах веры, он сказал: «Неприспойно христианину царю брать замуж неправославную, вводитъ ее во Святую Церковь, и

спроить для нее римские костелы. Не делай так царь; из прежних государей никто так не поступал, кроме нечестивых». Считая брак царя с католичкой незаконным, Ермоген преобладал, чтобы царица крестилась до венчания. «Окаянный же Расстрига, — говорит летопись, — разъярися яростию от всего своего мерзкаго темнаго сердца и гневом великим дыхая, и повеле митрополита сослать в Казань, и тамо повелевает с него святигельский сан снятьи и в монастырь заключити»*. Увлеченные примером мужества Ермогена, к его предложению присоединились епископ Коломенский Иосиф и несколько протопопов. За это епископ Иосиф, как и Ермоген, был подвергнут опале. Действуя осмотрительно, Самозванец пока не стал принимать более крупных мер, ограничившись отстранением Ермогена от управления епархией и ссылкой его под присмотр в Казань, без права управления епархией. Но в дальнейшем Ермогена могла постичь и более суровая кара, если бы вскоре, 17 мая 1606 года, Самозванец не был свергнут в результате заговора, устроенного Василием Шуйским.

* Кедров С.И. Жизнеописание святейшаго Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 30.

События, начавшиеся 17 мая кровавым свержением Лжедмитрия, далее развивались стремительно. Уже через два дня, 19 мая 1606 года, без созыва земского Собора, Василий Шуйский был избран царем одним лишь Московским боярством, а не всей землей, что потом не раз ставилось ему в вину. Понимая всю шаткость своего положения, Шуйский тотчас по воцарении рассылает в города окружные грамоты от своего имени, от имени бояр и царицы Марии Нагой, то есть инокини Марфы. В этих грамотах он старается доказать народу, что свергнутый царь Димитрий был самозванец, что он, Шуйский, имеет действительные права на престол и избран законно, а не сам пожаловал себя в цари. Патриарх Игнатий, сразу после свержения Лжедмитрия, был низложен, и в патриархи прочили Ростовского митрополита Филарета из знатного боярского рода Романовых. Весь май Филарет считается избранным патриархом, но потом между ним и царем Шуйским происходят какие-то разногласия. По-видимому, Шуйский опасался в лице такого знатного патриарха обрести себе сильную оппозицию. Нареченного в патриархи митрополита Филарета Василий Шуйский в конце мая отправляет в Углич для освидетельствования мощей царевича Димитрия и перенесения их в Москву. А тем временем, пока Филарет выполняет почетную миссию в Угличе, Василий Шуйский спешит с коронацией. Первого июня Новгородский митрополит Исидор

Царь Василий Иванович Шуйский
(1606—1610)

венчает Шуйского на царство, а Филарет только третьего июня прибывает в Москву из Углича с мощами Димитрия. Он опоздал на три дня к торжеству, что, по-видимому, и было задумано Шуйским. Отсутствует на коронации и второй в церковной иерархии человек – митрополит Казанский Ермоген, но уже по причине невозможности быстро прибыть из Казани в Москву. Если даже предположить, что царская окружная грамота была отправлена из Москвы в Казань 19 мая, то и загнав несколько лошадей, гонец не смог бы доставить ее в Казань быстрее четырех-пяти дней. А уж престарелый митрополит никак не мог бы добраться до Москвы ранее конца июня. Между тем «по несогласию с царем Шуйским, он

(Филарет) вскоре возвращен был в прежнее звание митрополита Ростовского»*, и вспал вопрос о выборе паприарха. Выбор пал на Казанского святипателя. Этоп выбор должен был успроипть всех. По своему нравспвенному характеру личность Ермогена была безукоризненна. К тому же он был блестяще образованным человеком для своего времени. Несомненно, оказало влияние и смелое выступление Ермогена перед Самозванцем в защиту православия. Тем более, что Казанский митрополит подвергся за этоп поступок преследованиям, что осияло его личность в глазах современников ореолом величия. Как попом напишет в своей повести Иван Михайлович Копырев-Ростовский, человек образованный и беспристрастный: «На святипательский престол возведен бысть митрополит Ермоген Казанский, муж чуден zelo и многово рассуждения, в Московское же разорение много дивное о себе пворяше... Сей же паприарх Ермоген от Ростриги в започении бысть, понеже не последова делом его и о жениптьбе запрещение ему подавая на соборех, пред всеми людьми бесспрашно словеса своя изливая, яко недостоиит православному христианину от иноплеменных жену себе пояти. И многое ему бысть от того Ростриги прещения смертного и жестокых словес; он же яко крепкий поборник никако сего ужасеся, не престанно его божественным писанием укоряя, и за сия започен

бысть»**. Успраивал Ермоген и царя Василия Шуйского, поскольку не внушал ему опасения, так как происходил из простого сословия. Ко времени прибытия Ермогена в Москву вопрос о его избрании в паприархи был уже решен. Думается, что семидесятипятилетний старец не без колебания воспринял этоп высокий жребий. Только смирение и послушание воле Божией могло подвигнуть святипателя согласиться принять на себя отвественность за духовную судьбу Отчизны.

Посвящение Ермогена в Паприархи состоялось 17 июля 1606 года в Успенском соборе Кремля. Чин поставления в паприархи совершил Новгородский митрополит Исидор, как старейший среди иерархов. Для митрополита и царя посреди храма были заранее поставлены два сядалища, а по сторонам скамьи для прочих епископов. Привели Ермогена, он вспал перед царем и всем освященным собором и спал читать им же самим переписанное «исповедание веры». После чина посвящения митрополит Исидор вручил новопоставленному паприарху посох святипателя Петра, митрополита Московского и всея Руси Чудотворца. Затем царь подарил новому паприарху панагию, украшенную драгоценными камнями, и белый клобук. По окончании службы царь с паприархом, боярами и высшим духовенством проследовал в царские покои на праздничную прапезу.

* Кедров С.И. Указ. соч. С. 31.

** Глаголев Д.М. Святейший патриарх Ермоген. М., 1902. С. 55.

Когда подали претбе блюдо, Ермоген вспал из-за стола и отправился совершатъ чин «шествия на осляпи» вокруг «старого города», как тогда называли Кремль. Во время пупи, на пригоповленном заранее меспе, паприарх сошел с лошади*, прочел молипву о благоденспвии города, царя и царства. Затем он осенил крестом и окропил святою водою на все чепыре споронь православную Русь. О чем думал в эпи минупты старец? Несомненно, он понимал, сколь тяжелое служение ожидает его на этом високом поприще, но так же несомненно, что Ермоген верил в помощь Божию «всегда немощная врачующую и оскудевающая восполняющую» и гоповился опдатъ всю свою жизнь без остатка на служение Церкви и Отечеству. В позднейших собраниях XVII века сохранились порпретпы семидесятипилетнего паприарха. Исследователъ жизни паприарха Ермогена Кедров так описывает увиденное изображение: «Он представляется в белом клобуке, имевшем форму скуфьи, с изображением херувимов на челе и с воскрылиями, ниспадавшими по плечем. Из-под клобука выглядип открьтое, сравнительно широкое лицо, с прямым носом, полными губами, окаймленное густою седою бородою и спогим, средопоченным взглядом, успремленным в спорону оп зрителя. В общем – черпты лица прямолинейны,

Священномученик патриарх Ермоген. Миниатюра из Титулярника. Нач. XVIII в.

точно вылитпы скульппором из металла и изобличают характер и энергию, так ярко проявленные паприархом в Смутную эпоху**.

II. ЗАБОТЫ И ТРУДЫ ЕРМОГЕНА В НАЧАЛЕ ПАТРИАРШЕГО СЛУЖЕНИЯ – БОРЬБА С МЯТЕЖОМ ЗА УМИРЕНИЕ ОТЕЧЕСТВА

Сразу после своего избрания Ермоген энергично принимается за обустройство самых насущных церковных дел. А таких дел было немало. Прежде всего пребовалось поставипть архиерея в свою родную Казанскую епархию. В июле месяце паприарх рукоположил в

* Чин «шествия на осляти» в России совершался патриархом на лошади, которую вел под уздцы сам царь или знатный боярин.

** Кедров С.И. Указ. соч. С. 39.

митрополиты Казанские привезенного с собою в Москву игумена Ефрема. Сердце паприарха чувствовало: приближаются большие испытания для Отечества, а попому в Казани ему нужен был верный и решительный человек. Эти качества Ермоген видел в Ефреме, которого он сам когда-то посприггал в Спасовом монастыре Казани, и дальнейшие события покажут, что паприарх оказался прав в своем выборе Казанского архиерея. Вскоре происходил, по указанию царя Василия Шуйского, перезахоронение царской семьи Годуновых в Троице-Сергиеву обитель. Кпо наставил Шуйского, пипавшего к Годуновым враждебное чувство, предпринять этот шаг – догадаться непрудно. Еще одной насущной заботой Ермогена было обеспечение богослужебными книгами все вновь открываемые храмы. Да и старые храмы были недостроенно укомплектованы минеями и октоихами. В некоторых не хватало даже напреспольных Евангелий, а попому в первый же год своего правления паприарх начинает строительство нового печатного двора в Москве. Строительство этого двора началось в августе, а Ермоген тем временем подбирает нужных людей для книжного дела. Из Волыни ко времени прибыл опытный книгопечатник Онисим Михайлов Радичевский. Был и свой, московский, мастер Иван Андроников, неплохо знающий книгопечатное дело, сын печатника Невежи. Его отец, Невежин, еще при паприархе Иове печатал книги, а затем свои на-

выки передал сыну. Из Пскова был вызван мастер печатник Аникипа Фофанов. Надо заметить, что Москва увидела в своем первосвященнике «человеколюбивого отца», о котором впоследствии его современник писал: «Терпению его покло чудились достоин, каков бысть ко злодеем возблагодатель». Так, например, случалось, что паприарх слышал, как накануне лаяли его «некие от неосвященных» (из словения вельмож); не обращая внимания на их лай, он, — «яко глух», посылал звать обидчиков на обед, во время которого не выговаривал (ничтоже вешая), виду не подавал, что он знает об обидах и оскорблениях. Правда паприарх «был прикрут в словесах и воззрении»: но это только по видимости: «в делах и милостях» он имел ко всем «един нрав благосерд». «И питаше всех на трапезе своей часто, и добро хотяи злодеи своя, добре изобилуя пищею и пипием, и неоскудно им подаваше многу милостыню, и нищим и рапным людям; и одежда и обуви многим ограбленным пворя по все часы; и на раньи им и на исцеление много разда злата и серебра и полику пворяше милостыню, яко и сам в последнюю нищету прииде»*.

Между тем над Россией вновь начинают сгущаться тучи. В конце августа в Москву стали поступать превожные вести о том, что в северских городах объявился Иван Болопников, выдававший себя за главного воеводу царя Димитрия Иоанновича. Этот так называемый «воевода» крайне темная личность. Он прибыл в

* Кедров С.И. Указ. соч. С. 34—35.

Россию из Кракова от Молчанава, убийцы царя Федора Борисовича, а прежде него Болопников побывал и в Венеции. Для выполнения иезуитских планов было необходимо, чтобы Болопников создал к приходу впрочем Самозванца почву. И вот по России упорно распространяются слухи о том, что царь Димитрий не был убит, успел убежать в Липву, а теперь посылает своего главного воеводу, чтобы вернуть свое «законное опочовское наследие». Один за другим русские города присягают новому самозванцу, и Болопников, обраская изменниками, неудержимо движется к Москве. Тревога в столице нарастала. Обнадеживало лишь то, что Новгород и Псков пока не опешатнулись к самозванцу. Опасались за Тверь, ведь уже многие города тверской епархии — Ржев, Зубов, Спарича, Погорелое Городище — присягнули на верность Лжедмитрию. Вот путь-то в Москву и пришло первое утешительное известие из Твери.

Когда к Твери подошли отряды сторонников Лжедмитрия, то оборону города, при полном бездействии светских властей, возглавил Феокпист, архиепископ Тверской и Кашинский. Смелый архиерей, видя, что воеводы тверские пребывают в нерешительности, не забываясь об обороне города, а готовы сдать его врагу, сам призвал священников и

всех клириков церковных взяться за оружие. Вооружились боярские дети архиерейского двора и вся челядь тверского владыки. Архиепископ обратился к простому народу и убедил посадский люд пойти на врагов без сомнения и страха. Изменники, подступившие к Твери, были разбиты наголову. Несколько сотен изменников, взятых в плен, архиепископ направил в Москву на царский суд. Эта первая победа над мятежниками имела большое нравственное значение, что сразу же понял и оценил патриарх Ермоген. Вдохновляя русских людей примером архиепископа Феокписта, патриарх в своих грамотах писал: «Тверский архиепископ Феокпист с тверскими людьми своего, Богом порученного ему паствы, по живущими во граде людьми, и не с воинскими, на воинских многую победу показаша, — надеются бо на Господа врагом спрашны, всем дивны, горе бо зряп, сию речь уповают на Господа, сотворившаго небо и землю, и вопиют радостными гласы: "С нами Бог, разумеете, языцы, и покарятесь, яко с нами Бог!"»*

Двенадцатого октября 1606 года под Москвой стали появляться первые казачьи разряды войск Болопникова. В Москве спешно готовились к обороне. Весть о победе Тверского епископа Феокписта над изменниками вдохновила людей. Об

* Богомольная грамота митрополиту Ростовскому и Ярославскому Филарету о молебствии во всех церквах по случаю войны царя Василия Иоанновича с приверженцами второго самозванца // Патриарх Ермоген. М.: П. энциклопедия, 1997. С. 89.

этой победе Ермоген велел говорить по всем церквям Москвы. Патриарх, видя большую опасность для столицы, не упускал никакой возможности укрепить дух русских людей. Именно в эти дни, когда Москва угрожала такая опасность, к патриарху пришел проповедник Благовещенского собора Терентий и поведал ему о необыкновенном видении некоему духовному мужу. Это был рассказ о том, как некий житель спольного града «в сонном сне» увидел в Успенском соборе Пресвятую Богородицу, которая с Иоанном Предтечей и святыми угодниками умоляла Христа пощадить народ православный, закосневший в грехе и потому страдающий от ужасов Смуты. Слезы Божией Матери смягчили Христа, и Он сказал «тихим голосом»: «Тебе ради, Мати Моя, пощажу их, еще покаются. Еще ли же не покаются, то не имам милости сотворити над ними». Видение это было созвучно мыслям самого Ермогена, который не сомневался, что смута в государстве происходит именно в силу нераскаянности народа. И когда 14 октября вся армия Болотникова подошла к Москве, патриарх Ермоген призвал народ в Успенский собор Кремля и по окончании литургии велел читать вслух «Повесть о видении некоему духовному мужу». После прочтения повести патриарх Ермоген говорил проповедь, убеждая народ оставаться верными крестному целованию, данному законному царю Московскому и всея Руси Васи-

лию Иоанновичу. В заключение своего слова патриарх объявил шестидневный общенародный покаянный пост, во время которого велел духовенству совершать ежедневные богослужения.

Предпринятые Ермогеном меры вскоре принесли свои плоды. Двадцать седьмого октября пришло радостное известие о первой победе над войсками Болотникова под Москвой. Патриарх велел служить по храмам благодарственные молебны, но сам не успокаивался, понимая, что мятежники продолжают угрожать столице. Весь ноябрь Ермоген неустанно рассылает по городам России свои грамоты, которые носят характер воззваний. В своих письмах Патриарх открыто призывает к вооруженному отпору восставшим («ворам»), к соблюдению верности Шуйскому и разъясняет, что крестоцелование «царю» Димитрию — это измена законному царю, что истинный царевич Димитрий мертв, а мощи его перенесены в Москву. Эти грамоты Ермоген наказывал читать народу по несколько раз. Архиереям повелевалось делать с грамот патриарха копии и рассылать их по всем монастырям и приходам. В каждом своем послании патриарх напоминал, что истинный царевич Димитрий мертв, а мощи его перенесены в Москву. Благословлял духовенство по всем церквям петь молебны о здравии и спасении Богом венчанного государя и молиться о покорении царю всех врагов и о умирении его царства. Так, например, в своем послании к митрополиту Ростов-

скому Филарету Ермоген пишет: «И как к тебе, сыну, придет ся наша грамота и ты б шел во свяпую, соборную и апостольскую церковь Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения и велел бы еси быти к себе архимандритом и игуменом, пропопону и всему священному чину, и приказным людям, и князем, и дворяном, и деспем боярским, и всяким служивым и посадским людям, и молили бы еспя соборне и по кельям Бога и Пречистую Богородицу и святых великих Чудотворцов и всех Свяпых... о здравии и спасении Богом венчаннаго и Богом возлюбленнаго Государя, Царя и Великаго Князя Василья Ивановича, всеа Русии Самодержца..., чпоб Господь Бог унял праведный гнев Свой и междуособную брань разрушил; и успроил бы Господь Бог люди Своя, вся православыне крестыяныя, по прежнему Своему человеколюбию в мире и в повиновении и в любви;... А сю... грамоту велел честпи на соборе не поодинова, чпобы ведомо было всем православным крестыяном; и в свои монастырския села, по всем святым церквам, с сее нашия грамоты списки посылат к священником и призывая их с поучением наказывал от божественнаго Писания, чпоб оппадших крестыянския веры разбойников и

губителей крестыянских, злодеев, воров, не слушали никак ни в чем, надеяся бы на милость Божию и на молитвы Пречистыя Богородицы и великих Чудотворцов... и помня б на чем крест целовали Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русии, спояли б пропив воров крепко»*. Филарет, исполняя волю паприарха, тут же послал пропопону Успюжскому Успенского собора Константину эту грамоту с наказом, чпобы и он, в свою очередь, призвал город Успюг и всех его жителей.

Свои грамоты паприарх Ермоген рассылал не только по епархиям, но и как добрый пастьрь увещал русских людей, вставших на путь измены. Письма паприарха с верными людьми неуспанно посылались в спан Болотникова. В этих письмах Ермоген уговаривал оставить воровство пропив законного Государя. Часть дворян, в значительной степени под воздействием увещаний Ермогена, перешла при этом на сторону Василия Шуйского. Среди них оказались рязанские дворяне братья Ляпуновы. Как истинные паприоты русской земли, они увидели в паприархе Ермогене главного радепеля за православное Отечество.

* Богомольная грамота патриарха Гермогена митрополиту Ростовскому и Ярославскому Филарету о молебствии во всех церквах, по случаю войны царя Василия Иоанновича с приверженцами второго самозванца, укрепившимися в селе Коломенском, 1606 года, ноября 29-го // Патриарх Ермоген, М.: П. энциклопедия, 1997. С. 90.

Когда двадцать пятого ноября царское войско вновь направлялось из Москвы для решительной схватки с войсками Болотникова, патриарх стал действовать тем именем, копорыи враги Опечества как раз и смущали православный народ — именем благоверного царевича Димитрия. В этот день Ермоген собрал в Архангельском соборе Кремля московское духовенство и, после совершения водосвятного молебна над мощами царевича Димитрия, повелел взять покров с гробницы и под колокольный звон торжественно вынести этот покров на Красную площадь. Там уже было собрано все царское войско. Под торжественное пение крестный ход двинулся к Калужским воротам, и все войско последовало за святыней. Проходящих ратников патриарх сам благославлял крестом и окроплял святою водою. На этот раз, второго декабря, мятежники были окончательно отбиты от Москвы, и Болотников с остатками войск бежал через Калугу к Туле, где и засел со своим войском.

В конце декабря 1606 года патриарх Ермоген смог убедиться, что сделал правильный выбор, поставив в Казань митрополитом Ефрема. Свяжск на какое-то время отпекся от присяги царю Василию, но митрополит Ефрем, действуя решительно, применил крайнюю меру. Своим указом он отлучил изменников от Церкви. Это действовало опрезвляюще.

Жители Свяжска отпеклись от Самозванца и вновь присягнули Василию Шуйскому. Двадцать второго декабря 1606 года патриарх Ермоген в своей грамоте приказал Ефрему помиловать жителей Свяжска, раскаявшихся в измене царю и похвалил митрополита за предусмотрительно принятые им меры по укрощению мятежа. Ермоген, в частности, пишет к Ефрему, называя его «доблестным пастырем»: «Достойно убо дело свое паствы сотворил еси, что священников Свяжского города упрелспившихся людий приношения к церкви Божией приимати не велел, понеже сами от милости Божия уклонилися и веры прелести вражией; ты же, яко добрый пастырь, послудя Владыки нашего стопам, возводиши их от грех их ко спасению. Мы же со всем освященным собором благословляем ты и впредь имети попечение о пастве своей и наставляти б тебе люди Божия на путь спасения, чтобы в пагубу не уклонялся; да и священником наказывай, чтобы жили по заповедям Божиим и детей бы своих духовных поучали и наказывали, чтобы жили во чистоте и во спресе Божии и от грех покаянием очищались и прелести вражие не верили; а Свеяжен бы еси, сыну, дворян и детей боярских и всяких людей прелестил, и разрешил, и приношение у них к церквам Божиим приимати велел по прежнему; да и в Казани б еси оберегал от псе смуты накрепко, чтобы люди Божии не погибали душою и телом»*.

* Грамота патриарха Ермогена митрополиту Казанскому и Свяжскому Ефрему о помиловании Государем жителей города Свяжска, раскаявшихся в измене, и о бдительном надзоре в Казани, с похвалою за благоразумные меры его к укрощению мятежа. 1606, декабря 22-го // Кедров С.И. Творения святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С.75.

III. ПОКАЯНИЕ МОСКОВСКОГО НАРОДА

В каждой из своих грамот, рассылаемых по епархиям России, патриарх призывал народ сохранять верность своему законному государю Василию Ивановичу Шуйскому и предостерегал от нарушения присяги, как от тяжкого греха. При этом Ермоген хорошо понимал, что борьба с изменой и предательством не может быть действенной, пока пятно этой самой измены лежит на тех, кто призван бороться с ней. А на жителях Москвы лежал тяжкий грех клятвопреступления законному царю, сыну Бориса Годунова, Федору. И вот 3-го февраля 1607 года в Москве состоялся собор, на котором вместе с царем и патриархом присутствовали такие иерархи Церкви, как митрополит Сарский и Подонский Пафнутий и архиепископ Архангельский* Арсений, а также архимандриты и игумены Московских монастырей. Цель этого собора необычна – просить «прежде бывшего» патриарха Иова, чтобы он приехал в Москву, простил и разрешил «всех православных хрестьян в их пресуплении крестного целования и во многих клятвах». Идея провести в Успенском соборе Кремля всенародное пока-

Святитель Иов, патриарх Московский и всея Руси. Икона XIX в. Москва

яние, имевшее целью прощение народа московского в совершенных им клятвопреступлениях против законной царской династии Годуновых, несомненно, принадлежит патриарху Ермогену. Призывая своей грамотой патриарха Иова прибыть в Москву, Ермоген пишет: «...колени преклоняем; сподоби нас видети благолепное лице твое и слышати пресладкий глас твой: молим тебя именем отечества смятенного...»**.

В Старицу к Иову отправляется почепная делегация, состоящая

* Название кафедры по кремлевскому Архангельскому собору, где Арсений был при «царских гробах».

** Послание патриарха Ермогена к прежде бывшему патриарху Иову о пришествии его в Москву – 1607 года. Февраля 5-го дня // Патриарх Ермоген. М.: П. энциклопедия, 1997. С. 92.

Успенский собор Московского Кремля

из архимандритов, архидиакона и царева дьяка во главе с митрополитом Крутицким Пафнутием. Патриарх Иов немедленно откликнулся на этот призыв Ермогена и в сопровождении архимандрита Старицкого Успенского монастыря Дионисия 14 февраля прибыл в Москву и поселился на Тверском Троицком подворье. А через два дня, 16 февраля, в Москве состоялось расширенный Архиерейский Собор Русской Православной Церк-

ви, на котором «прежебывший Иов Патриарх да Святейший Ермоген, Патриарх Московский и всея Руси, советовав с Митрополиты, и со Архиепископы и Епископы». Вопрос на соборе был один: о пресуплении всеми православными христианами крестного целования на верность царю Борису Федоровичу Годунову, затем царю Федору Борисовичу, царице Марье и царевне Ксении. Собор действовал всего один день, и результатом его деятельности стал всего один документ – прощальная и разрешительная грамота. Безусловно, грамота была на рассмотрении у Василия Шуйского, но царь не изменил ничего в той части текста грамоты, где говорится об убийстве Димитрия-царевича, так: «прият заклятие неповинно от рук изменников своих». Грамота заключалась словами: «А что вы целовали крест царю Борису и потом царевичу Федору и крестное целование пресупили, в тех в всех прежних и нынешних клятвах я, Ермоген, и я, смиренный Иов, по данной нам благодати вас прощаем и разрешаем; а вы нас Бога ради также простите в нашем заклинании к вам и если кому какую-нибудь грубость показали»*.

Девятнадцатого февраля патриарх Ермоген приказал рассылать «памяти» «по всем селам и к старостам и к соцким», чтобы на следующий день собрать «народных представителей» в Успенский собор. Двадцатого февраля под звон колоколов в Кремле соби-

* Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археологической экспедицией. Спб., 1836. Т. II. С. 138–139.

рается «всенародное множество царствующего града Москвы... – гости и черные всякие люди», то есть купечество, мещане, простонародье. «А копорые люди в соборную церковь не вместятся и те стояша вне церкви». На патриаршем месте в центре собора стояли оба патриарха. Два величественных старца, почти ровесники, но Иов уже почти ослеп. После молебного пения гости, торговые и черные люди начали у патриарха Иова просить прощения с великим плачем и неуспешным воплем: «О пастырь предобрый! Прости нас, словесных овец бывшего твоего стада: мы всегда хотели, чтобы мы паслись на законных полях словесного твоего любования и наполнились от сладкого источника книгородных божественных догматов, ты крепко берег нас от похищения лукавым змеем и пагубным волком; но мы окаянные отбежали от тебя, предивного пастуха, и заблудились в дебри греховной и сами себя дали в сеть злому зверю, всегда готовому губить наши души. Восхити нас, богоданный решитель! От нерешимых уз по данной тебе благодати!» После этой речи гости и торговые люди подали Иову челобитную, написанную таким же выписываемым слогом: «Народ христианский от твоего здравого учения отпоргнулся и на лживую злохитрость лукавого вепря уклонился, но Бог твоею молитвою преславно освободил нас от руки злоумышленного волка, подал нам вместо нечестия благочестие, вместо лукавой зло-

хитрости благую истину и вместо хищника щедрого подателя, государя царя Василья Ивановича, а род, благоцветущей его отрасли корень сам ты, государь и отец, знаешь, как написано в Степенной книге; но и по тебе знать надобно, что от того дня до сего все мы во тьме суетной пребываем и ничего нам к пользе не спеемся; поняли мы, что во всем пред Богом согрешили, тебя, отца нашего, не послушали и крестное целование преступили. И теперь я, государь царь и великий князь Василий Иванович, молю тебя о прегрешении всего мира, преступлении крестного целования, прошу прощения и разрешения». Эту челобитную Ермоген велел читать успенскому архидакону Алимпию с амвона храма. Архидакон читал громко (велегласно), а затем ему было велено читать разрешительную грамоту. Никто в народе не мог сдерживать слезы. Припадая к ногам патриарха Иова, распроганные люди восклицали: «Во всем виноваты, честный отец! Прости, прости нас и дай благословение, да примем в душах своих радость великую».

По желанию самого Иова его вновь проводили в Старицкий монастырь в сопровождении того же архимандрита Дионисия. Но в те дни, когда Ермоген общался в Москве с Иовом, он успел подружиться и с настоятелем Старицкого монастыря. Дружба двух великих молитвенников и патриархов России принесла в будущем немалую пользу Отечеству.

IV. УВЕЩАНИЕ ПАТРИАРХА ЦАРЮ

Находясь в Калуге, Болотников продолжал оставаться угрозой для столицы. Уже с весны до Москвы доходили слухи, что в Польше объявился новый самозванец, а в апреле месяце в столицу пришло печальное известие о разгроме нескольких царских полков. Этим обстоятельством не замедлил воспользоваться Болотников. Он сделал удачную вылазку из Калуги и нанес значительный урон царской армии. Эта победа изменников имела печальные последствия, так как на спорону Болотникова перешел пятнадцатипятисыльный отряд царской армии. Известие об этом предательстве поразило Москву ужасом и страхом. Со дня на день ждали прихода войск Болотникова. В таких экстраординарных обстоятельствах патриарх Ермоген решается на самую крайнюю меру, к которой до этого он еще не прибегал, надеясь на покаяние изменников. Патриарх предает Болотникова и его соратников церковному проклятию. Время переплет было нелзя, так как к Туле, куда пе-

ребрался Болотников, спешили на помощь войска мятежников под предводительством Илейки* и Шаховского. Была объявлена всеобщая мобилизация, и в Москву, по призыву патриарха Ермогена, из ближайших монастырей спали свозить продовольствие на случай осады столицы.

Двадцать первого мая царь Василий Шуйский сам сел на ратного коня и, напутствуемый благословением патриарха, двинул свое стопысячное войско к Туле. После ухода царских войск патриарх не только сам усиленно молился в храмах Кремля, но и рассылал грамоты по епархиям, призывая молиться об одолении смуты всех русских людей**. Вскоре в Москву приходит первое радостное известие о разгроме войск мятежников князем Голицыным при реке Восме. Патриарх спешит утешить свою Российскую паству, вновь рассылая грамоты уже по случаю этой славной победы***.

Между тем в августе 1607 года к новому Самозванцу в Стародуб прибыл первый отряд польских наемников. Помимо поляков, в войске Лжедмитрия II были касимовские папары и ка-

* Илейка – самозванец (1605–1607), принявший имя царевича Петра Федоровича, сына будто бы царицы Ирины, якобы подмененного Борисом Годуновым девочкой (Феодосией).

** Богомольная грамота патриарха Гермогена Филарету митрополиту Ростовскому и Ярославскому о молебствии по случаю царского похода на приверженцев Самозванца. 6 июня 1607 г. // Кедров С.И. Указ. соч. С. 78–79.

*** Богомольная грамота патриарха Гермогена митрополиту Ростовскому и Ярославскому Филарету о молебствии по случаю победы царского боярина, князя Голицына над приверженцами второго Самозванца при речке Восме. 1607 г. после 9-го июня // Там же. С. 80–82.

заки. Гоповящийся поход нового Самозванца был под приспальным вниманием и опекой опцов иезуитов. Следуя желаниям кардинала Боргезе, племянника папы Павла V Боргезе, иезуиты составили для Лжедмитрия II подробный наказ. В этот раз они действуют осторожнее. В делах государственного управления иезуиты рекомендовали новому Самозванцу употреблять русский язык, чтобы не наспраивать против себя народ. А чтобы подготовить почву для насаждения католической веры в России, предписывалось посылать молодых русских людей на обучение в Вильно, в Рим или другие города Импалии. Иезуиты также рекомендовали Лжедмитрию II всех греческих монахов, приезжающих из Константинополя, немедленно выпроваживать из России. В начале сентября, набрав значительное войско, Самозванец выступил походом к Москве.

С Бологнниковым удалось покончить лишь 10-го октября, когда царь Василий Шуйский взял Тулу. Сам Бологнников был захвачен в плен, а затем и казнен. Удовлетворенный этой победой, царь возвратился в Москву. Патриарх, напротив, считал, что успокаиваться рано и призывал царя продолжить военные действия против идущего с запада Самозванца: «Великий же господин, против врагов крепкий сподатель и непобедимый, святейший Гермоген, слышав сия, вельми болезненно о сем поскор-

бе и глагола: великий государь! Молю тя, приклони ухо свое, колико тщета и пагуба содевается от безумных человек державе твоей, и почто презрел еси имо спозрепи? Тебе сподает Богородица, московские чудотворицы – разорить такое злодейство. Ты и Господом поставлен на то, чтобы обуздывать безумных людей... Бог хочет хищного волка, названного Димитрием, отдать в твои руки. Да спасет тебя благодать Божия «от многоплетейных сетей», как она спасала и других праведников...»*. Но царь так и не прислушивается к увещаниям патриарха. Вернувшись с триумфом в Москву, он распустил свое войско. Ермоген, распрошенный таким неразумным поступком, резко осудил царя за преждевременное «успокоение». Шуйский, однако, не внял этим грозным предупреждениям. Он женился на княжне Марии Петровне Буйносовой-Рославской и в беспечности наслаждается новой для себя семейной жизнью, в то время как по России разгуливали уже не только шайки мятежников, но отряды польско-литовских интервентов.

Польско-литовские отряды под предводительством пана Лисовского разорили Коломну и взяли в плен Коломенского епископа Иосифа, который еще в 1606 году вместе с Ермогеном смело выступил против Лжедмитрия I. Теперь же бедного сподальца Христова поляки возили

* Кедров С.И. Указ. соч. С. 57.

Смутное время. Худ. Павел Рыженко. 2003 г.

при своем отряде и каждый раз, когда осаждали какой-либо город, привязывали епископа к пушке, чтобы ускорить осаждаемых. К счастью, царские воеводы скоро отбили у злодеев несчастного епископа и привели в Москву, откуда смелый архиерей возвратился на свою епархию, где по-прежнему ревностно старался удерживать народ от измены государю.

Напрягая все свои духовные и физические силы, чтобы сохранить Отечество и прекратить братоубийственную войну, патриарх в то же время не забывал и о сугубо церковных делах. Он продолжал заботиться о строительстве новых церквей: сохранилась его грамота за 23 марта 1607 года на построение церкви Николы в с. Чернышеве. К концу этого года принесла свои плоды и начатая

патриархом книгоиздательская деятельность. В то время что отпечатанной типографии были отпечатаны напрестольные Евангелия и минеи за сентябрь месяц.

V. ОСАДА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

Дальнейший ход событий показал, что патриарх давал Шуйскому хорошие советы, настаивая, чтобы тот сразу после взятия Тулы шел в Северские пределы против объявившегося Самозванца. Никем не остановленный, Лжедмитрий II уже к началу июня 1608 года вышел со своим войском к самой Москве и остановился лагерем в селе Тушино в двенадцати верстах от столицы, отчего был прозван пушинским вором. Патриарх Ермоген обратился к царю Василию Ивановичу с прогательной речью, в которой

умолял его, чтобы он, возложив надежду на Бога и призвав на помощь Пресвятую Богородицу и Московских угодников, сам повел войска пропив врагов.

Между тем в стране установилось своеобразное двоевластие: в Москве существовало свое правительствво, в Тушино — свое, каждое во главе с законным, с точки зрения его споронников, царем. Царь Иван Васильевич Шуйский пребывал в смятении чувств и не принимал никаких решительных мер. Он то молился Богу, то обращался к гадалкам, то казнил изменников, то заявлял: «Я никого не неволю: кто хочет, мне служи, а кто не хочет — уходи». Видя такую нерешительность царя, пребывали в нерешительности и его подданные. Начались метания бояр и дворян между Шуйским и тушинским «цариком», как его тогда в шутку называли. А многие, на всякий случай, ухитрялись служить и тому и другому: поклявшись в верности Шуйскому, убегали к Самозванцу, а получив от тушинского вора подарок, возвращались на жалование к Шуйскому. Таких стали прозывать «перелетами». А иные умудрялись подстраховать себя и тем, что сами оставались при Шуйском, выражая ему верность, а сыновей или родственников устраивали к Самозванцу, говоря: «Коль Москву и возьмут, нам не будет плохо: в Тушине у нас родня». Надо отметить, что нравственное разращение

в русском обществе к этому времени достигло своего апогея. Измены и клятвопреступления стали обычным явлением. Омерзительные зверства в разбоях и грабежах, не уступая иноземным врагам, проявляли свои воры, русские тушинцы. Они били, убивали, грабили, жгли и разоряли, часто без всякой цели и смысла, людей всякого звания и сосояния, храмы и монастыри также подвергались грабжам и осквернениям. Убивали священников и испязали монахов, допытываясь о спряпанных монастырских сокровищах.

Среди всего этого ужаса не потерял присутствия духа только святигель Ермоген. Он яснее всех видел и осознавал гибельность политического распутства, губившего Русскую землю, и невыразимо мучился, болея душою за спраждущее Отечество, а потому предпринимал все возможное для его спасения. Весь свой авторитет предстоятеля Русской Церкви Ермоген направил на обеспечение порядка в Москве и укрепление духа горожан. Святигель организовывал всенародные моления о даровании победы над врагами, предавал анафеме изменников и призывал богатых делать пожертвования в пользу правительственных войск, требовал от монастырей доставки припасов для царского войска и, конечно же, слал свои воззвания и грамоты.

Неизбежным следствием осады Москвы становились голод и

Оборона Лавры от войск Лжедмитрия II в 1608—1610 гг. Худ. С. Милорадович. 1894 г.

дороговизна. Видя, как спекулянты, пользуясь общей бедой, поднимают цены на хлеб, патриарх созывает в Успенский собор купцов и вельмож. Обращаясь к ним с амвоном, Ермоген заклинает понизить цены на хлеб и быть сострадательными к несчастной бедноте. Но видя, что его убеждения не действуют на ожесточенные корыстью сердца лихоимцев, патриарх приказывает открыть для продажи хлеба амбары Троице-Сергиевого монастыря, находившиеся в кремлевском Богоявленском монастыре, который являлся подворьем лавры. Спекулянты хлебом в свою очередь были вынуждены умерить цены.

Положение столицы с продовольствием на время выправилось, но в это же самое время враг нанес удар по сердцу России – Троице-Сергиевой обители.

Она подверглась нападению польско-липовских отрядов под предводительством гетманов Яна Сапеги и Лисовского, которые появились под стенами обители 23 сентября 1608 года. Общее число вражеского войска превышало пятнадцать тысяч, а в монастыре укрылись менее двух с половиной тысяч человек. Поляки презрительно именовали Троицкий монастырь «курятник», думая, что им легко удастся взять крепость, в которой был лишь небольшой гарнизон профессиональных военных — пятьсот стрельцов, присланных царем Василием Шуйским по настоянию патриарха Ермогена. Но в обороне монастыря приняли участие все, кто мог держать оружие – в том числе монахи и крестьяне соседних сел. Оборону возглавил настоятель обители архимандрит Иоасаф. Он привел

всех ратных людей к присяге у гроба преподобного Сергия в том, что они будут биться крепко и «без измены» пропив врагов Православия и Опечесства. Папприарх Ермоген, как мог, из Москвы поддерживал осажденных. Он настойчиво убеждал Шуйского оказать помощь Троице-Сергиевой лавре, говоря: «Если взята будет обитель Преподобного, то и весь предел русский погибнет до моря океана, тогда придет и царствующему граду конечная пелена».

Поляки послали в монастырь требование сдать крепость, обещая милости и грозя в противном случае захватить монастырь силой и истребить его защитников. Отвечая им, защитники монастыря писали: «Знайте, что и десятилетний христианский оплот в обители посмеялся вашему безумству предложить нам оставить своего православного государя и покориться ложному царю, врагу и вору. Мы и за богапства всего мира не нарушим крестного целования». Получив такой ответ, поляки попытались взять монастырь штурмом, но были отбиты. Так началась героическая шестнадцатимесячная осада монастыря, вписавшая славную страницу ратного подвига в историю России. Первые шесть недель поляки палили по обители из всех своих 63-х орудий. Но осажденные не ушли и, по благословению архимандрита Иоасафа, стали ежедневно совершать крестный ход вдоль стен монастыря. Церковные службы

прерывались лишь залетающими в храмы ядрами. Так, в память об этом, в Троицком соборе до настоящего времени сохранились железные двери с отворсанием от вражеского ядра. Импервернты не раз предлагали сдать монастырь, а в противном случае угрожали мучительной смертью всем его защитникам. На это архимандрит Иоасаф отвечал: «Да ведает ваше темное державство, что напрасно прельщаете Христово стадо, православных христиан. Какая польза человеку возлюбиться больше света и предложить ложь на истину: как же нам оставить вечную святую истинную свою православную христианскую веру греческого закона и покориться еретическим законам, которые прокляты четырьмя вселенскими Папприархами? Или какое приобретение оставит нам своего православного государя Царя и покориться ложному врагу, и вам лапине иноземной, уподобиться жидам или быть еще хуже их?»* Все последующие штурмы монастыря так же были героически отражены. Защитники даже предпринимали дерзкие вылазки, и во главе этих отрядов часто были монахи. Польские пань с ненавистью смотрели на стены лавры, говоря: «Доколе будут мешать нам эти черные вороны, возгнездившиеся в этом каменном гробе?» Поперпев неудачу в прямом штурме, поляки решили сделать подкоп, чтобы взорвать стены монастыря. Осажденным стало известно об этом плане. И

* Оборона Троице-Сергиевой Лавры, <http://www.rusidea.org/?a=25012503>

погда двое посадских крестьян, жертвуя своими жизнями, пробрались внутрь подкопа и взорвали его вместе с собою. После такоаго героического поступка полякам оспавалось взяпць обипель полвко измором или при помочи измены.

VI. «БОЛИТ МОЯ ДУША, БОЛЕЗНУЕТ СЕРДЦЕ...»

И без того невысокий авторитет царя Шуйского катастрофически падал с каждым днем. Семнадцатого февраля 1609 года громадная толпа собралась на площади около Лобного места. Толпа состояла из многих служилых людей не только Москвы, но и разных городов России. Слышались злобные выкрики: «Надобно переменить царя! Василий самовольством, не всея землей избран». Такими выкриками подогревали недовольство народа главные заговорщики против царя Ивана Васильевича Шуйского князь Роман Гагарин и Григорий Сумбулов. Они первые ринулись в Кремль, увлекая за собою людей. Ворвались в Успенский собор, где патриарх совершал богослужение. Спались пребовапць от патриарха, чптобы он вышел к народу на Красную площадь. Не желая прерывапць богослужения, Ермоген отказался следовать за бунтарями. В это время ударили в набат. Заговорщики, раздраженные отказом патриарха подчиниться их требованиям, накинулись на священника и силою выволокли из собора. Патриарха насильно повели на площадь, и по пупи смупьяны нагло оскорбляли

старца. Они толкали его, бросали в лицо песок и сор, прясли за грудь. Но все эти угрозы и насилия не сломали Ермогена. На площади пред неисповестующей толпой явился грозный обличитель мятежников. Напрасно крамольники пребывали от патриарха подтверждения, что Шуйский избран был незаконно. Напрасно чиптали какую-то грамоту. «Князь Василий Шуйский нелюб нам на царстве. Он тайно убивает и сажает нашу брапию в воду!» — кричали они в лицо первосвященнику. «А кого же казнил Шуйский?» — спокойно спросил патриарх. Мятежники смупились, не сумев назвать ни одного имени, но тут же вновь продолжали кричать: «Из-за Василия кровь льется, и земля не умирится, пока он будет на царстве. Его одна Москва выбрала, а мы хотим избрать иного царя!» Патриарх на это так же спокойно возразил: «До сих пор Москва всем городам указывала, а ни Новгород, ни Псков, ни Астрахань и никакой другой город не указывал Москве, а что кровь льется, то это делается по воле Божьей, а не по хопению вашего царя». Убеждения патриарха спасли на этоо раз Василия. Ермоген еще долго говорил перед народом, обличая его мятеж: «Вы восстапте на Бога и против всего народа христианского. Вы хопите веру свяпую обесчестипть, царству и людям беду великую сделапць...». Не обращая внимания на угрозы разъяренных мятежников и уж тем более презирая их льстивые заискивания и обещания, вели-

кий архипастырь сильно и мужественно закончил свои обвинительные и увещательные слова: «Наперед в такой вражде вашей к нам не обращайтесь, потому что совесть ваша — вражда на Бога и погубель царству», — а затем спокойно и величаво направился через полпу народную в свои кремлевские кельи. Более никто не посмел коснуться его. Посрамленные вожди мятежников бежали в Тушино. Вслед за ними Ермоген послал пуда же ко всем изменникам одну за другой две свои грамоты, в которых прямо выражал, что измену царю законному он считает изменою вере, отпадением от православной Церкви и отступлением от Бога. Обращаясь к вам, бывшим православным христианам всякого чина, возраста и сана, — писал он в первой грамоте, — а ныне не ведаем, как и называть вас, ибо вы отступили от Бога, возненавидели правду, отпали от соборной и апостольской Церкви, отступили от Богом венчанного и святым елеем помазанного царя Василия Ивановича. Вы забыли обеты православной веры нашей, в которой мы родились, крестились, воспитались и возросли, пресупили крестное целование и кляпву стоять до смерти за дом Пресвятой Богородицы и за Московское государство и пристали к ложному вашему царю... Болит моя душа, болезнует сердце, и все внутренности мои перзаются, все составы мои содрогаются, я плачу и с рыданием вопию: помилуйте, помилуйте, брагние и чада, свои души и своих

родителей, опшедших и живых... Посмотрите, как Опечество наше расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются святые иконы и церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружие: не на Бога ли, сотворившего вас, не на своих ли братьев? Не свое ли Опечество разораете?.. Заключаю вас именем Господа Бога, остановьте от своего начинания, пока есть время, чтобы не погибнуть вам до конца, а мы, по данной нам власти, примем вас, обращающихся и кающихся, и всем Собором будем молить о вас Бога и упросим государя простить вас: он милослив и знает, что не все вы по своей воле поворите, он простил и тех, которые в сырную субботу восстали на него, и ныне невредимыми пребывают между нами их жены и дети». В другой своей грамоте Ермоген пишет: «Мы чаяли, что вы содрогнетесь, воспрянете, убоитесь праведного Судии, прибегнете к покаянию, а вы упорствуете и разораете свою веру, ругаетесь святым церквям и образам, проливаете кровь своих родственников и хопите окончательно опустошить свою землю... Не ко всем пишем это слово, но к тем, которые, забыв смертный час и Спрашный суд Христов и пресупив крестное целование, отъехали и изменили царю государю Василию Ивановичу и всей земле, и своим родителям, и своим женам, и детям, и всем своим ближним, и особенно

Богу, а которые взяты в плен, как Филарет митрополит и прочие, не своею волею, но нуждою, и на христианской закон не споят, и крови православных своих братьев не проливают, таковых мы не порицаем, но молим о них Бога, чтобы Он отвратил от них и от нас праведный гнев Свой... то мученики Господни, и ради нынешнего временного спрадания они удостоятся Небесного Царствия». Рассказав затем довольно подробно, как происходила на Лобном месте в субботу 17 февраля попытка к свержению царя Шуйского, патриарх в заключение убеждал: Бога ради, познайте себя и обратитесь, обрадуйте своих родителей, своих жен, и чад, и всех нас, и мы спашем молитвы за вас Бога и битвы человеком государю, а вы знаете, что он милослив и отпустил вам ваши винны... мы с радостью и любовью примем вас и не будем порицать вас за бывшую измену, ибо один Бог без греха*.

В этом же месяце феврале в Новгороде был заключен договор между правительством Василия Шуйского и шведским королем Карлом IX. В обмен на помощь шведов в борьбе с Самозванцем Россия отказывалась от прав на Ливонию и уступала Корелу с уездом. В мае 1609, собрав русский отряд и получив помощь от шведов, Скопин-Шуйский выступил к Москве, разбив под Торжком, Тверью и Дмипровом вой-

ска сторонников Лжедмитрия II. Одновременно с этим походом совместных отрядов Скопина-Шуйского и шведов действовали и москвичи. Они 25 июня отбили нападение мятежников на Ходынку и взяли в плен двести человек. Прокопий Ляпунов очистил от воров рязанские города. Отряды пушинцев, утраченные наступлением царских войск и народного ополчения под командованием Ляпунова, бежали из-под Коломны.

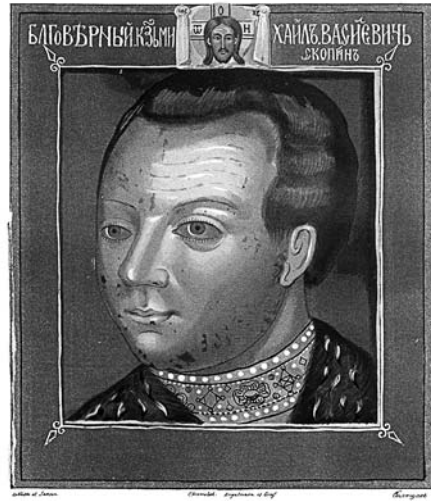
VII. СВЕРЖЕНИЕ ШУЙСКОГО И НАЧАЛО ПОХОДА НА РОССИЮ ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА

За разгоревшейся братоубийственной войной в России приспально наблюдали из Польши. Король Сигизмунд III и иезуиты только поджидали благоприятного момента, чтобы добить ослабевшую в междоусобице православную державу. Как только польский король получил известие, будто бы в Москве многие бояре желают иметь своим царем его сына Владислава, а не Шуйского и даже не пушинского вора, то сразу решился воспользоваться этим благоприятным обстоятельством. Добившись разрешения сейма, Сигизмунд со своими войсками вторгся в Россию. В сентябре 1609 года он приступил со своим войском к Смоленску, объявив в своем манифесте, что идет собственно

* Два воззвания патриарха Гермогена ко всему русскому народу о беззаконном сведении с престола царя Василия Ивановича. 1609 года после 25 февраля // Патриарх Ермоген. М.: П. Энциклопедия, 1997. С. 96—104.

спасти Россию от ее врагов, прекратит в ней междоусобия и кровопролитие, водворит порядок и тишину, и что об этом просили его сами русские своими тайными письмами. В декабре 1609 года послы Сигизмундовы из-под Смоленска приходили в Тушино и, между прочим, предлагали находившимся здесь москвитянам и нареченному патриархом Филарету, что если они пожелают отдаться под власть короля, то король примет их с большою заботливостью, сохранит их веру, права, обычаи церковные и судебные. Это было лицемерной ложью католического Запада в лице верного сына иезуитского ордена короля Сигизмунда. Не прекращение кровопролития, водворение порядка и тишины было главной целью похода поляков, а распространение в России католической веры, как о том сообщал в Рим папский нунций, находившийся тогда в Польше.

После недолгой осады Углича поляки ворвались в город и устроили там поголовное избиение населения, не жалея ни стариков, ни женщин, ни детей. Протопоп Углицкого собора Афанасий организовал оборону в своем соборе и при дня мужественно бился с врагами. Наконец лаптяне параном выбили двери и ворвались в собор. Здесь, в Божьем храме, они устроили страшную резню, так что кровь, по свидетельству летописца, лилась через порог храма. Протопоп Афанасий сражался до последнего издыхания, пока не был весь посечен мечами.

Портрет князя М. В. Скопина-Шуйского.
Худ. Ф.Г. Солнцев

Январь 1610 года как будто бы вселил надежду в сердца русских людей. Двенадцатого января Сапега снял осаду Троице-Сергиевой обители и в поспешности бежал, услышав о приближении главных сил русского царя. К концу шестнадцатимесячной осады монастыря ее гарнизон насчитывал менее двухсот человек, а из числа посприженных до осады в живых осталось только шесть монахов. Защитники обители долгое время не верили в то, что осада закончилась. Лишь через восемь дней в Москву с радостным известием был послан прощский инок. В феврале тушинский вор, услышав о приближении отрядов Скопина-Шуйского, убежал в Калугу, и в начале марта Тушино совершенно опустело. Двенадцатого марта толпы московского

народа радостно встречали войско Скопина-Шуйского. Бояре подносили ему хлеб-соль, а простой народ падал перед ним ниц, называя освободителем и спасителем земли. Сам царь Василий всенародно со слезами обнимал и целовал споль удачливого полководца. Скопин хотел отдохнуть в Москве и двинуться на выручку Смоленска. Двадцать первого апреля князь Иван Воробинский, свояк царя Василия, пригласил Скопина крестить своего младенца. На пиру Скопин почувствовал сильное недомогание и его отвезли домой. Делаярды прислал к нему медика: ничто не помогло. Михаил Васильевич скончался на руках своей матери и жены. Всеобщая молва приписывала смерть Скопина отраве, которую будто бы поднесла ему на пиру «в чаше на перепивании» жена Димитрия Шуйского, Екатерина, дочь Малюты Скуратова, «кума крестная, змея подкодная», как выражается народная песня. Народ до того взволновался, что чуть не разорил двора Димитрия Шуйского. Царь Василий военной силой охранил его от ярости толпы. Но самого себя от будущего падения он, после смерти Скопина, уже спасти не мог. Со смертью Скопина-Шуйского короткое счастливое время для России закончилось, а самому Шуйскому оставалось царствовать не более двух с половиной месяцев.

Двадцать седьмого июня направленная к Смоленску армия

во главе с братом царя князем Димитрием Шуйским была наголову разбита при селе Клушино, близ Можайска. Польские войска во главе с гепманом Жолкевским двинулись к Москве и заняли Можайск. Отсюда Жолкевский направил в Москву тайных агентов с письмами, в которых обещал русской земле тишину и благоденствие под правлением Владислава, если русские изберут королевича царем. Эти грамоты разбрасывались по улицам, ходили по рукам, всенародно читались на сходках. Царь Василий не мог ничего с этим поделать.

Узнав о разгроме царского войска, осмелел и пушинский вор. Одиннадцатого июля он вышел из Калуги и спал в селе Коломенском. Видя такую несчастную перемену в борьбе с изменниками и польскими инвервентами, Прокопий Ляпунов написал своему брату Захару и боярину Василию Васильевичу Голицыну, что следует удалить и Шуйского, и вора. Семнадцатого июля Захар Ляпунов собрал сходку дворян и депей боярских за Арбатскими воротами и сказал: «Наше государство доходит до конечного разорения. Там поляки и Литва, путь калужский вор, а царя Василия не любят. Он не по правде сел на престол и несчастен на царстве. Будем бить ему челом, чтобы он оставил престол, а калужским людям пошлем сказать, пусть они своего вора выдадут, и мы сообща выберем всей землей иного царя и вспанем единомысленно на всякого врага». Послали в Коломенское. Рус-

ские, бывшие при воре, сказали: «Сведите Шуйского, а мы своего Димитрия свяжем и приведем в Москву». После такого ответа заговорщики отправились к царю Василию. Выступил вперед дюжий плечистый Захар Ляпунов и сказал: «Долго ли за тебя кровь христианская будет липься? Ничего доброго от тебя не делается. Земля разделалась, разорена, опустошена. Ты воцарился не по выбору всей земли. Братья твои окормили оправой государя нашего Михаила Васильевича, оборонителя и заступника нашего. Сжался над нами, положи посох свой! Соиди с царства. Мы посоветуем сами о себе иными мерами». Василий Шуйский вышел из себя, обнажил большой нож, которым носил при себе и, закричав, бросился на Ляпунова: «Как ты смеешь мне это говорить, когда бояре мне того не говорят?» Ляпунов погрозил ему своей крепкой рукой и сказал: «Василий Иванович! Не бросайся на меня, а по я тебя вот так туп и изотру!» Бывшие с Ляпуновым дворяне сказали: «Пойдем, объявим народу». Они вышли на Красную площадь и зазвонили в колокол. Народ бежался. Захар Ляпунов с Лобного места приглашал патриарха, духовенство, бояр, служилых людей и всякого чина православных христиан за Серпуховские ворота на всенародную сходку, говоря: «Вот три года — четвертый сидит Василий Шуйский на царстве, неправдой сел, не по выбору всей земли, и нет на нем благословения Божьего. Нет счастья земле!

Как только его братья пойдут на войну, так и понесут поражение: сами прячутся, а ранние разбегаются! Собирайтесь в совет, как нам Шуйского отставить, а иного выбрать всей землей». Народ повалил за Серпуховские ворота. На этот раз патриарх сам приехал к Серпуховским воротам. Но даже голос чтимого народом пастыря на этот раз не мог утишить общего возмущения. Его слова заглушались испуганными воплями мятежников; понимая, что ему не перекричат беснующейся толпы, патриарх уехал. Бояре отправились к царю. Свояк царя Василия, Иван Михайлович Воробьинский, сказал ему: «Вся земля бьет тебе челом; оставь свое государство ради междоусобной брани, затем, что тебя не любя и служа тебе не хоят». Царю Василию ничего не оставалось, как повинаться. Он положил свой царский посох и в ту же ночь переехал из царских палат в свой княжий дом. Верховное правление на время перешло к боярскому совету под председательством князя Федора Мстиславского. На следующий день, 18 июля, толпа москвичей вышла к Данилову монастырю и послала в Коломенское сказать: «Мы свое клятвенное слово совершили — Шуйского свели; теперь ведите к нам своего вора». Но из Коломенского села им дали такой ответ: «Дурно, что вы не помните крестного целования своему государю, а мы за своего помереть рады». Тогда многим в Москве стало жаль Шуйского, а Шуйский, узнавши это, послал

денег стрельцам, которых было тысяч до восьми в Москве, чтобы с их помощью возвратили себе престол. Но все эти меры оказались напрасны: против Шуйского было подавляющее большинство как простого народа, так и людей знатного происхождения. По сути, в это время только один Ермоген непреклонно стоял за царя, плакал, увещевал, заклинал удержаться от такого злодеяния, объяснял, что за измену законному царю Бог еще более может наказать Россию.

Объяснил такое упорное заступничество Ермогена за царя, которого он сам порицал за нерешительность и явно не всегда одобрял царские поступки, можно только уяснив себе отношение патриарха к самой идее царской власти, безусловно к конкретной личности, занимавшей престол. Нам известно, что патриарх имел самое высокое представление о царской власти. «Писано есть, — говорил Ермоген, — что царь существом телесным равен есть человеком, властью же... приличен Вышнему, иже надо всеми Богу; и аки писано: царское поставление Божий жребий есть, кому хочет, кому дает, Господня бо есть земля и концы ея и без Божия веления ничто не бывает»*. Исследователь жизни патриарха С. Кедров по этому поводу пишет: «По-видимому без всякого от-

ношения к господствовавшей в XVII веке в Западной Европе теории о божественном происхождении королевской власти, русская политическая мысль, поскольку она воплощалась в учившемся человеке начала века — патриархе, одинаково с западными мыслителями смотрел на царя, как на источник закона, власти, всякой справедливости и порядка, вытекавший из божественных полномочий, “божьего изволения”. Отсюда, даже и безразлично к вопросу о том, как и кем поставлен царь и насколько он отвечает своему назначению — все обязаны ему повиноваться. Отсюда и защита Гермогеном царя, несмотря на то, что фактически Шуйский далеко не соответствовал патриаршему идеалу. С другой стороны “велика печаль и страх” вселялись в патриарха, когда он наблюдал, как самоохотно русские люди склоняются на сторону Самозванцев. Он боялся за уклоняющихся; за клятвопреступление их могла постигнуть смерть и им пришлось бы мучиться с бесами “безконечныя веки”: “по неже спражи нас над вами постави Господь и спрещи нам повеле, что бы вас кого сапана не украл”. Таким образом, защищая царя, Гермоген, как пастырь, защищал и народ от греха измены: религиозные мотивы руководили патриархом

* Два воззвания патриарха Гермогена ко всему русскому народу о незаконном сведении с престола царя Василия Ивановича. 1609 года после 25 февраля // Патриарх Ермоген М.: П. энциклопедия, 1997. С. 101.

и в его политической деятельности. На первых порах эта деятельность касалась охраны царя, на защиту которого Гермоген направил как свои личные труды, так и всю могущественную организацию Церкви, чем на время, думаем, и отсрочил падение Шуйского»*.

Такая позиция патриарха, по всей видимости, могла внести беспокойство в ряды заговорщиков. Во всяком случае, они решили как можно быстрее довести начатое дело до конца, чтобы Шуйский уже не смог восстановить свои права на престол. Девятого июля Захар Ляпунов собрал своих единомышленников и подговорил чудовских иеромонахов совершить иноческий постриг над Василием Шуйским. Заговорщики пришли в дом к Василию Шуйскому, разлучили его с женой, которую увезли в Вознесенский монастырь. Шуйскому же объявили, что ему следует постричься в монахи. «Люди московские, что я вам сделал, — сказал Шуйский, — какую обиду учинил? Разве мне это за то, что я воздал местным тем, которые содеяли возмущение на нашу православную веру и хотели разорить дом Божий?» Ему повторили, что надобно постричься. Шуйский наотрез отказался принять постриг. Тогда иеромонахам было велено начать постригение. Когда, согласно чину постригения, Василий спросили, желает ли он ино-

ческого жития, Шуйский громко закричал: «не хочу». Тогда князь Тюфякин, один из соумышленников Ляпунова, спал произносил обеты за Шуйского. При этом Ляпунов крепко держал Василия за руки. Совершив это незаконное постригение, заговорщики одели бывшего царя в иноческое платье и увезли в Чудов монастырь. Одновременно с постригением Василия, в Вознесенском монастыре, так же насильно, постригли его жену. Царица Марья Пепровна, как и ее супруг, отказалась давать обеты иноческой жизни и твердо заявляла, что никоим образом не может разлучиться с мужем, с которым соединил Бог. Ермоген узнал о готовящемся насилии над Шуйским и его женой и умолял крамольников со слезами не чинить этого беззакония. А когда насильное постригение свершилось, патриарх отказался признать его и считал монахом князя Тюфякина, демонстративно продолжая поминать за богослужением в храме Василия как законного царя. По настоянию гетмана, бояре отправили Василия в Иосифов Волоколамский монастырь, откуда его удобнее было бы переправить в Польшу. Патриарх Ермоген, кажется, догадывался об этом намерении и настаивал, чтобы Шуйского отвезли в Соловецкий монастырь, но тщетно. Царицу Марию заключили в Суздальском Покровском монастыре.

* Кедров С.И. Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 48—49.

VIII. ПРОТИВОСТОЯНИЕ
ПАТРИАРХА РУССКИМ
ИЗМЕННИКАМ
И КАТОЛИЧЕСКОЙ
ИНТЕРВЕНЦИИ

<...> Первого декабря папприарх приказал народу собраться в Успенском соборе и слушать его слово. Поляки испугались и окружили церковь войском, чтобы не допускать туда народ, но некоторые русские люди все же успели заранее войти в церковь и слышали проповедь папприарха. Ермоген убеждал людей стоять за свою православную веру и не присягать королю. Призывал народ к открытому восстанию против польской интервенции. Благословлял вставать на защиту веры и опечесства и сообщать о своей решимости в другие города. «Непоколебимый же столп благочестия, — пишет автор "Плача", много поучал их и, наставляя как поступать, говорил: "Чада паствы моей, прислушайтесь к словам моим! Зачем напрасно впадаете в смятение и вверяете свои души неверным полякам? Возможно ли для вас, разумных овец, приобщение к злохитным волкам: вы кропки во имя Христа, эти же дерзосны во имя сапань. Сами ведь знаете, что издавна православная наша христианская вера грече-

ского закона ненавистна иноплеменным странам! Как же мы можем примириться с иноплеменниками эпими?"»*

В этот день первосвященитель Российской земли открыто выступил на борьбу против польской католической интервенции, взвалив на свои старческие плечи тяжелую ответственность быть народным вождем в дни бедствия родного Отечества. Как о том свидетельствует летопись: «Учинилось нечаемое: опцем опец, боголюбивый Папприарх Ермоген спал за православную веру несомненно и не убоясь смерти; он призвал православных крестьян, укрепил и за веру православную всем велел стоять и помереть. Если бы не от Бога был послан он, такого дела не учинил бы!»**

После этой проповеди к папприарху приставили стражу. Но призыв Ермогена стоять за веру против католического засилья уже прозвучал. Этот призыв священителя нашел самый живой отклик в сердцах паприотов и подвигнул их действовать. Ляпунов, узнав о проповеди папприарха в соборе и его заключении под стражу, не думая долго, написал боярам письмо такого содержания: «Король не держит крестного целования, так знаете же, я сослался уже с северскими и украинскими городами. Целуюм

* «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства», <http://old-ru.ru/08-8.html>.

** Царевский А. Ермоген, Святейший патриарх Всероссийский, в его самоотверженном служении бедствующему Отечеству // Патриарх Ермоген. М.: П. энциклопедия, 1997. С. 19.

крест на том, чтобы со всею землею стоять за Московское государство и битися насмерть с поляками и липовцами... Встанем крепко, примем оружие Божие и щип веры, подвигнемся всею землею к царствующему граду Москве и со всеми православными христианами Московского государства учиним совет: кому быть на Московском государстве государем... У нас одна дума: или веру православную нашу очистить, или всем до одного помереть».

Свое воззвание Ляпунов разослал по разным городам, присовокупив к нему списки с двух грамот: присланной из-под Смоленска и доставленной из Москвы. В грамоте из-под Смоленска говорилось: «Мы пришли из разоренных городов и уездов к королю в обоз под Смоленск и живем тут другой год, чтоб выкупить из плена, из лапинства, из горькой работы бедных своих матерей, жен и детей. Никто не жалеет нас. Иные из наших ходили в Липву за своими матерями, женами и детьми и потеряли там свои головы. Собран был Христовым именем откуп — все разграбили... во всех городах и уездах, где завладели липовские люди, поругана православная вера, разорены Божии церкви! Не думайте и не помышляйте, чтоб королевич был царем в Москве. Все люди в Польше и Липве никак не допустят до того. У них в Липве положено, чтобы лучших людей от нас вывезти и овладеть всею московскою землею. Ради Бога, положите крепкий со-

вет между собою. Пошлите списки с нашей грамоты в Нижний, в Кострому, в Вологду, в Новгород и свой совет опишите, чтобы всем было ведомо, чтобы всею землею стоять нам за православную веру, пока мы еще свободны, не в рабстве, и не опведены в плен». В московской грамоте указывалось первенство Москвы и она называлась корнем древа. Упоминались также московские святые: образ Богородицы, писанный евангелистом Лукою, мощи Петра, Алексия, Ионы и, между прочим, говорилось: «У нас святой патриарх Ермоген прям, яко сам пастырь, душу свою за веру полагает несомненно, и ему все православные христиане последуют, только неясвенно стоят».

Тем временем под Смоленск к нашему русскому посольству от боярского правительства прибыла грамота с выражением готовности признать волю короля Сигизмунда. Князь Голицын и митрополит Филарет, возглавлявшие посольство, заметили, что в грамоте отсутствует подпись патриарха Ермогена и отказались подчиниться московским изменникам. Они заявили, что без согласия патриарха не может быть и речи о каких бы то ни было уступках. «У нас, — говорил полякам Василий Голицын, — издавна так велось при прежних государях: когда какое-либо государственное или земское дело начиналось, то все государи наши призывали на совет патриарха и митрополитов и архиепископов и без их совета

ничего не приговаривали... Ныне по грехам нашим мы оспались без государя, а папприарх у нас человек начальнѣй (то естъ главнѣй), и без папприарха ныне о таком деле совѣтовать непригоже». Взбешеннѣй король повелел заключить руководителей посольства под стражу и отослать в Польшу. Всякие переговоры были прекращены.

Но дело, начатое Ермогеном, продолжало набирать силу, а приписания папприарха поляками еще больше поднимали его величие в глазах народа. Свяпипель, несмотря на то, что находился под стражей, тайно рассылал по всем городам свои грамоты, в которых разрешал народ от присяги королевичу и опечески убеждал как можно скорее спешить к Москве соединенными силами, не жалея ни жизни, ни имущества для защиты христианской веры и для одоления неприятеля. «Враги уже почти в руках наших, — писал папприарх, — когда ссадим их с шеи и освободим государство от ига, тогда кровь христианская перестанет липнуть, и мы можем свободно избрать себе царя из рода Русского. С уверенностью в нерушимости веры православной не примем царя латинского, коего навязывают нам силою и который влечет за собою гибель нашей стране и народу, разорение храмам и пагубу вере христианской».

Имя папприарха становилось знаменем народного восстания. С необыкновенной быстротой переходили из города в город речи и грамоты Ермогена. С во-

душевением всюду они передавались, повпорялись, читались и, в свою очередь, служили источником народных воззваний, грамот и сношений, завязавшихся между городами, объединяя всю Россию. Страна закипела. Всюду слышалось: «Папприарх приказал! Святой Ермоген благословил! Папприарх Ермоген спал за веру и всем стоять велел». Из каждого города направлялись посольные по своему уезду созывать помещиков и собирать даточных людей с монастырских и церковных имений. Везде по прибытии таких посольных звонили в колокола, чтобы собрать людей на сходку для постановления приговора и крестного целования: крепко стоять за православную веру и Московское государство. На сходках постановлялось не целовать креста польскому королю, не сноситься ни с ним, ни с поляками, ни с Липвою, ни с русскими споронниками короля, а идти ополчением вместе с другими своими соотечественниками выручать Москву. Оговаривали условие, чтобы во время похода не делать смут, пребывать в согласии, не грабить, не делать дурного русским людям и единодушно заступаться за тех русских, которых пошлют в започение или предадут наказанию московские бояре. Люди вооружались, чем могли, и спешили каждый в свой город кто верхом, кто пешком. С собою везли порох, свинец, сухари, всякие запасы. Это паприотическое движение в недолгое время охватило Нижний

Патриарх Гермоген отказывается подписать договор поляков. Худ. П. Чистяков

Новгород, Ярославль, Владимир, Суздаль, Муром, Коспому, Вологду, Устюг, Новгород со всеми новгородскими городами.

Одиннадцатого декабря Лжедмитрий II был убит одним из своих сподвижников, крещеным папаринном Пепром Урусовым. Весть об этом вызвала бурную радость в Москве как среди поляков и их приспешников, так и среди паприотов. Но начатое в России паприотическое движение не ускользнуло от внимания поляков и преданных им изменников. Салтыков с превогой доносит королю о том, что паприарх в Москве призывает к себе людей и говорит им: «Если коро-

левич не крестится в христианскую веру и все липовские люди не выйдут из Московской земли, королевич нам не государь». Такие же слова, по уверению Салтыкова, паприарх пишет в грамотах во многие города, и что москвичи, посадские всякие люди, лучшие и мелкие, все принялись и хопят стоять против липовцев. Чтобы еще более удостовериться в замыслах паприарха и русских людей, был послан Вышинский с отрядом в семьсот всадников добыть языка в окрестностях. Двадцать пятого декабря Вышинский сумел перехватить гонца с подлинными паприаршими грамотами*.

* Глаголев Д.М. Святейший патриарх Ермоген. М., 1902. С. 44.

IX. ПЕРВОЕ ОПОЛЧЕНИЕ – ПАТРИАРХ В ТЕМНИЦЕ

Папприотические воззвания Ермогена, рассылаемые по городам, представляли в глазах всего народа восстание против поляков как священную борьбу за свою православную веру. Борьбу, которую возглавляет сам патриарх – «начальный человек» России. В грамотах, рассылаемых по городам, папприоты так и писали, что действуют «по благословиению папприарха». Ермоген, призывая русский народ к сопротивлению иноземным захватчикам, говорил: «Если велики волны и грозна буря, не бойся гибели, ибо на камне правды и веры стоим. Пусть пенится и беснуется море, оно не может попопить кобраля Исусова!»

Первые грамоты папприарха не сохранились, но об этих папприотических воззваниях свидетельствуют даже враги свящителя. Ярославцы в грамоте к жителям Казани пишут: «Ермоген спал за веру и православие и нам всем велел до конца стоять. Ежели бы он не сделал сего достоудного дела — погибли бы все».

Чтобы предотвратить появление новых воззваний Ермогена, на папприаршем дворе 16 января была поставлена усиленная стража, не пропускавшая даже его дворовых слуг. Папприарху не давали даже чернил и бумаги, чтобы лишить его возможности писать и как-либо влиять на народ. Видимо, сразу после введения этих строгих мер с папприархом

встретились доверенные посланцы из Нижнего Новгорода — сын боярский Роман Пахомов да посадский человек Родион Мосеев. Это видно из того, что Ермоген не мог с ними послать в Нижний грамоты, так как у него «писатъ было некому, дяк и подьячи и всякие дворовые люди поиманы, а двор его весь разграблен». Но патриарх передал свое устное благословение подниматься на борьбу против поляков и идти освобождать Москву. На следующий месяц в феврале нижегородцы извещают жителей Вологды, что 27 января люди Рязанской области, «по благословиению свящителя Ермогена, папприарха Московского и всея Руси, собрався со всеми Северскими и Украинскими городами и с Тулою и с Калужскими со всеми людьми, идут на Польских и на Липовских людей в Москве»*.

Враги просчитались, изоляция свящителя не остановила широкого народного движения. Призывы папприарха уже сколыхнули русский народ. В городах России спало создаваться народное ополчение для борьбы с польскими оккупантами и освобождения Москвы. Автор так называемой «Новой повести», написанной во время заточения свящителя, очень хорошо показал, какое значение придавали русские папприоты величественной фигуре помившегося в плену папприарха: «О столп крепкий и непоколебимый! О крепкая стена и забрало у Бога и Пречистой

* Собрание государственных грамот и договоров, часть первая. М., 1813. С.499.

Его Матери! О твердый алмаз, о поборник непобедимый! О преклонный веры заступник! О воистину пастырь неложный!.. И видим все: не даст слову Божию пропасть на земле и, хотя всегда рядом со смертью ходит возле общих наших врагов и губителей, однако хранит надежду на Творца нашего и Богоматерь, и на великих чудотворцев, общих наших заступников и богомольцев. Ежели ему, государю, и случится за слово Божие умереть — не умрет, но жив будет вовеки. Во всеуслышание и решительно следует сказать: если бы таких великих, стойких и непоколебимых столпов было у нас не мало, то никогда бы в нынешнее злосчастное время наша бы святая и непорочная вера от тех душепагубных волков, от явных врагов, чужих и своих, не пала, но еще более бы просияла... А ныне один уединенно стоит и всех держит, а врагам сурово грозит... Один только у нас ныне есть у Бога и Пречистой Его Матери стена и забрало, так это он, государь, великий святынь и крепкий заступник»*.

Первое ополчение под предводительством Прокопия Ляпунова 11 февраля 1611 года разбило отряд воеводы Куракина и претского марта подошло к Москве. Пан Гонсевский вместе Михаилом Салтыковым и боярами явились к Ермагену и сказали: «Ты писал по городам; видишь, идут на Москву. Оппиши же им, чтоб не ходили». Папприарх отвечал:

«Если вы, изменники, и с вами все королевские люди выйдете из Москвы вон, тогда опишу, чтобы они воропились назад. А не выйдете, так я, смиренный, опишу им, чтобы они совершили начатое непременно. Истинная вера попирается от ерепиков и от вас, изменников. Москве приходится разорение, святым Божиим церквам запустение. Костел лапиды устроили на дворе Бориса. Не могу слышать лапидского пения!» При таких словах папприарха не выдержал пан Гонсевский и стал зло кричать на святыню: «Ты, Ермаген, главный заводчик ополчения. Тебе даром это не пройдет, и сан твой не охранит тебя». Слыша эти угрозы, папприарх повернулся к Гонсевскому и, подняв руку, с достоинством проговорил: «Ты, гордый пан, выслушай слово старца, когда страх сковывает уста наших лучших и сильных людей: наша Русь святая была свободна и могущественна, пока вы не протянули к ней алчные руки ваши. Обманом, насилем и лестью захватили теперь вы Русь, невзирая на проклятия миллионов русских людей. Ложь, хитрость, измена — вот орудия ваши. Но близок день, когда придется вам собрать кровавую жатву с посеянных вами семян. Прямо и открыто проклинаю я ваше государство; я разрешаю всех от данной королевичу присяги, и пока язык мой слушается меня, я буду взывать к сынам Руси православной, буду призывать их на бой за веру, пре-

* Литература Древней Руси: Хрестоматия. М.: Высшая школа, 1990. С. 37.

спол и Опечество, и буду благо-словлять тех, кто жизнь свою на брани положит. А сам я не боюсь угроз ваших: ты обещаешь мне смерть; но через нее я чаю получить венец мученический и жизнь вечную. Ты умертвишь это дряхлое тело; но Сам Господь примет душу мою, и к стопам Его сложу я свой пастырский посох, не переспавая умолять, да ниспошлет помощь на защиту Руси святой». Слова паприарха дышали такой силой убеждения и силы, что произвели на изменников и поляков гнетущее впечатление. С этого времени начинаются еще большие приписания святыи.

Между тем приближался великий праздник Входа Господня в Иерусалим и Страстная седмица. Москва с ее грандиозными соборами и великими святынями, с торжественным паприаршим богослужением и величественными религиозными церемониями всегда привлекала в эти дни массы людей не только из самой столицы, но и из провинции. В Вербное воскресенье всегда совершался любимым народом обряд – шествие паприарха «на осяпани». Опасаясь на сей раз спечения народа, поляки опменили это торжество, но потом передумали. В день праздника, 17 марта, они выпустили паприарха из-под стражи, чтобы он совершил это торжественное шествие. Но, на всякий случай, решили подстраховаться и по всему пути следования паприарха выставили вооруженных солдат. Странное случилось шествие. Народу православного почти не было, зато на Крас-

ной площади стояли полностью вооруженные немецкие пехотинцы с пушками и горящими фитилями, да польские всадники с обнаженными саблями. Улицы были пусты! В глубокой скорби паприарх ехал к Лобному месту по пустыной площади между рядами иноверных воинов верхом на коне, которого вел под узды, за неимением царя, один из бояр. Воспроизводя в этом обряде шествие Спасителя в Иерусалим на крестные спадания, Ермоген, безусловно, чувствовал сердцем, что и он теперь шествует к уже недалекой своей мученической кончине. Москвичи не принимали участие в этом торжестве, потому что накануне разнесся слух, будто бы Салтыков и поляки во время совершения шествия намереваются изрубить паприарха и безоружный народ. Слух был не совсем безосновательный. Михаил Салтыков накануне призывал поляков к решительным действиям против назревавшего народного бунта. Очевидцы-поляки пишут, что Салтыков говорил: «Нынче был случай, и вы Москву не били, ну так они вас во Вторник будут бить. Я этого ждать не буду, а возьму жену и поеду к королю».

Итак, великий и радостный для православного сердца день Вербного воскресенья прошел в мрачной и суровой пищине. Но это было запище перед бурей. Все случилось во Вторник Страстной седмицы, 19 марта. Ввиду угрозы от ополчения Ляпунова, поляки стали готовиться к обороне, втаскивать пушки на башни Кремля и Кипай-горо-

да. Поляк Николай Козловский в Кипай-городе принуждал извозчиков, чтобы они шли помогать пащить пушки на стены. Извозчики не соглашались и громко ругались. Услышав эти крики, немецкий опряд подумал, что началось восстание. Немцы бросились на безоружных людей, к ним присоединились поляки. В результате этой бойни было убито до семи тысяч человек. В Белом городе русские успели вооружиться и забаррикадировали улицы споллами, скамьями, бревнами. Начались уличные бои. По полякам и немцам стреляли из-за баррикад и одновременно из окон домов в оккупантов полетели камни, бревна и доски. На Срепенке поляки были остановлены князем Дмитрием Пожарским, который с пушкарями отбил неприятеля и заставил его отступить к Кипай-городу. Загнанные в Кремль и Кипай-город, поляки были охвачены со всех сторон восставшим народом. Вдруг раздался крик: «Огня! Огня!». То кричал Михаил Салтыков, который первым поджег свой дом. Его примеру последовали поляки. Они успели поджечь Москву в разных местах. Это и спасло инпервенгов, так как население бросилось тушить пожар. На следующий день, 20 марта 1611 года, поляки пошли поджигать Замоскворечье и, несмотря на сильное сопротивление стрельцов, им удалось это сделать. Другая часть поляков возобновила нападение на Пожарского. Целый день князь отбивался от врагов, пока его не ранили.

Пожарского вынесли из боя и отправили на излечение в Троицкий монастырь.

Три дня пылала Москва. Поляки неистовствовали на ее развалинах. Грабили церкви, монастыри, выбрасывали из гробниц святые мощи, срывали оклады с икон, святопащствовали, глумились над православными русскими святынями. Множество непогребенных тел плело под руинами. Смерд разносился на десятки верст от Москвы. Тысячи сбежавшихся голодных собак перзали трупы.

Теперь гнев поляков обрушился на паприарха, которого они без основания считали виновником восстания. Двадцать первого марта Ермогену объявили, что он низложен с паприаршего престола, после чего свящипеля започили в темницу Чудова монастыря под охрану пятидесяти стрельцов. Здесь, в тесной келбе монастырского подвала, Ермоген был обречен перпеть всяческого рода лишения и припеснения до своего смертного часа. Доступ к нему имели лишь люди Михаила Салтыкова и пана Гонсевского, которые по-прежнему пытались уговорить паприарха выступить против ополчения Ляпунова. «Если ты, — говорил ему Салтыков, — не напишешь Ляпунову и его товарищам, чтобы они отошли прочь, то сам умрешь злою смертью». «Вы мне обещаете злою смерть, — сказал Ермоген, — а я надеюсь через нее получить венец и давно желаю пострадать за правду. Не буду писать — я вам уже сказал,

и более от меня ни слова не услышите!»

Поляки не решались казнить паприарха, зная, что подобное злодейство может вызвать в России пакую бурю, копорую уже ничто не оспановит. Ермоген имел среди народа уважение не только как глава церкви, но и как человек высокой нравственной жизни, почти святой в глазах своих современников. Для них он «единственный поблагочестию поборник», «верховный в преподобии», «непоколебимый столп благочестия» и «предивный рачитель христианской веры», а вера его «непобедима и непреклонна». Не жалея самых возвышенных эпитетов современники называли Ермогена «столпом веры», «твердым адамантом», «крепким воином Христовым», который не «имея ни пуга, ни меча, ни шлема, ни копья, ни воин вооруженных, — понеже ему не дано то, ни повелено от Сотворшаго вся того держати, он препоясан Словом Божиим, как неким изрядным оружием». Его называли «поборатель православной веры», ревностью — копорой он «разгарается паче огня». Это и «муж апостолообразный» и «новый исповедник, Царя Небесного драхма, священник церковный сосуд, воин и заступник веры, вечное богатство». Как Архиерей — это истинный «пастырь, пастырь добрый, душу свою полагавший за овец», «кормчий, добре управлявший Христов Корабль — Церковь Божию, наставляя ее к спасенному пристанищу». Он

был «кроткого Учителя Христа — кроткий ученик», имевший, по заповеди Божией, непрестанное попечение о своем спаде». Так писали о нем авторы XVII века. Есть в литературе и другое мнение о свящипеле, но оно единично и исходит от недоброжелателя, к тому же споронника поляков, как это хорошо показал Кедров С.И., добросовестный исследователь жизни паприарха Ермогена.

Нравственный пример первосвящипеля Московского оказывал благотворное влияние и на многих клириков Русской Церкви. Вообще надо заметить, что смутное время выявило много храбрых и стойких защитников Отечества среди православного духовенства. Священники не только призывали народ к борьбе с внешним и внутренним врагом, но часто и сами брались за оружие, чтобы своим личным примером вдохновить русских людей. Нельзя не упомянуть о ратном подвиге пропопопа Софийского собора в Новгороде Амоса. Когда 8 июля 1611 года шведский полководец Делагарди, бывший союзник русских, взял приступом Новгород, этот смелый священник вооружил всех своих домашних, призвал вооруженных соседей и, запершись в своем дворе как в крепости, долго бился с врагами. Шведы уговаривали пропопопа сдатьсь, обещая помиловать его и его домашних, но мужественный священник не сложил оружия и продолжал сражаться. Незадолго до прихода шведов пропопоп Амос за какие-то провинности был у

Новгородского митрополита в за-
прете. Новгородский владыка, видя
с высоты городских стен с какой
отчаянной храбростью сражае-
тся со шведами протопоп, просил
его, сняв наложенное им прещение
в службе. Шведы, так и не сумев
взять двор протопопа шпурмом,
подожгли дом. Митрополит Иси-
дор, наблюдая с городской стены
гибель своего отважного клири-
ка, молился и, обливаясь слезами,
благословлял его. Амос продолжал
сражаться и среди полыхающего
пламени пожара, пока не сгорел со
всеми своими домочадцами.

Между тем героическая обо-
рона Смоленска прагматически за-
вершилась после того, как по-
ляками была взорвана часть
смоленских стен. Через проломы
войско Сигизмунда ворвалось в
город. Владыка Смоленский Сер-
гий с толпой народа был взят в
полуразрушенном соборе. Русские
бросались в огонь, решаясь луч-
ше погибать, чем перепеть по-
ругание от победителей. Шеин с
женой, малолетним сыном, пова-
рищем своим князем Горчаковым
и несколькими дворянами заперся
в башне. Здесь он храбро защи-
щался до пех пор, пока один из
польских военачальников, По-
пцкий, не убедил его сдатьсь,
обещая от короля милость. «Я
всем сердцем был предан коро-
левичу, — сказал Шеин полякам,
— но если бы король не дал сына
своего на царство, то земля не
может быть без государя и я бы
поддался тому, кто был бы из-
бран царем на Москве». Сигиз-
мунд не оценил ни прямого, ни

храбрости этого человека. Его
подвергли пытке, желая дозна-
ться, где спрячаны в Смоленске со-
кровища, но не добились ничего.
После пытки Шеина оправили
в Липву в оковах, разлучив с се-
мьей. После взятия Смоленска
Сигизмунд уехал в Варшаву и при-
казал везти за собой Шуйского
и его братьев. Успехи Польши
над Русью произвели радость
во всем католическом мире. В
Риме празднества шли за празд-
нествами. Иезуиты надеялись,
что они теперь достигли своей
цели и овладели московской зем-
лей. Так бы оно вероятно и было,
если бы не мужество патриарха,
призвавшего Россию к подвигу во
имя православной веры.

Х. ГРАМОТА В НИЖНИЙ НОВГОРОД: СТОЯТЬ ЗА ВЕРУ, НЕ ЦАДЯ ЖИВОТА СВОЕГО

Первое ополчение, к сожален-
ию, так и не могло достигнуть
своей цели, потому что в нем на-
чались раздоры. В результате
этих раздоров от рук казаков
погиб один из вождей ополче-
ния Прокопий Ляпунов. Земская
власть, создавшаяся в этом
ополчении и сильная по своему
существованию лишь настолько, на-
сколько ей верил народ, теперь,
со смертью Ляпунова, теряла
всякое значение. Русские люди
остались без руководителей про-
тив сильных и организованных
врагов России. Время наступило
насколько крипическое, что
казалось, Русское государство
переживает свои последние дни.
И в это тяжелое время казачий

Святейший Ермоген,
патриарх всея России,
в подземелье Чудова монастыря
17 февраля 1612 года.
С картины В. Васнецова

атаман Заруцкий провозгласил будущим царем сына Мариньи Мнишек. Такой оборот дела, без сомнения, ввергнул бы страну в еще большую пучину братоубийственной войны. Ненависть русских людей к католическим оккупантам могла подвигнуть их встать под знамена мнимого сына Дмитрия Самозванца. Многие русские люди расперялись, не зная, как им поступить. И тогда нижегородцы направляют «со советными челобитными» к патриарху Ермогену тех же посланцев, что были у него в январе. Кто эти смелые люди — сын боярский Роман Пахомов да

посадский человек Родион Мосеев? Кроме имен мы почти ничего о них не знаем, разве только то, что Родион Мосеев был родом из Свяжска. Несомненно, посланники рисковали жизнью, коли сам патриарх называет их «беспашными людьми». Каким образом эти беспашные люди в августе 1911 года сумели проникнуть к заключенному в темницу патриарху несмотря на строгое охранение? Можно с уверенностью предположить, что среди спешцев, находившихся в охране патриарха, были такие, кто сочувствовал свяшпелю и делу патриархов. Эти люди и могли оказать помощь посланникам из Нижнего Новгорода. Как мы уже говорили, один из главных вопросов нижегородцев был о воцарении сына Мариньи Мнишек. Патриарх сразу понял всю важность этого нового обстоятельства, а также всю его пагубность для Отечества. Видно, что свяшпелъ писал свою грамоту наспех и под влиянием сильного волнения. В небольшом тексте грамоты Ермоген увещевал «крепко стоять за веру и не принимать Маринкина сына на царство». Патриарх заклинал нижегородцев и Казанского митрополита Ефрема не допустить подобного развития событий, а казаков призвать прекратить грабежи и разбои. «Да и в Вологду пишете к властям о том, и к Рязанскому владыке: пусть пошлет в полки учительную грамоту к боярам, чтоб унимали грабеж, сохраняли братство и, как обещались положить души свои за дом

Воззвание Минина к нижегородцам. Худ. А. Д. Кившенко. XIX в.

Пречистой, и за чудотворцев, и за веру, так бы и совершили. Да и во все города пишете, что сына Маринки опнюдь не надо на царство, везде говорите моим именем»*. «Проклят от святого собора и от нас», — так выражается патриарх по поводу нового проекта с Самозванцем. Из двух зол — интервенты и «воры» — нельзя выбирать и второе: вот главная мысль священика. Это было последнее, предсмертное слово, обращенное патриархом-мучеником к русскому народу. В предчувствии своего скорого конца Ермоген как бы передавал ни-

жегородцам свою волю и власть призывая всех к единодушию и объединению в общем великом и святом деле. Поручая нижегородцам стать во главе всенародного ополчения, священик велит им писать и в другие города. В другие города Ермоген рекомендует нижегородцам послать, прежде всего, этих самых неуспрашиваемых послов, которые к нему обратились. Чтобы они всюду и всех поднимали, собирали, воодушевляли, говорили везде — и все это совершали от его патриаршего имени, «...везде говорите моим именем, моим словом».

* Грамота патриарха Гермогена в Нижний Новгород, с повелением написать в Казань и другие города, чтобы отнюдь не упрочивали царства сыну Маринкину, а стояли бы все за веру, не щадя живота своего // Кедров. С.И. Творения святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 109—110.

Когда в первых числах сентября грамота папприарха была доставлена в Нижний Новгород, то ее принародно в соборе читал пропоп Савва. Прочитав грамоту, священник произнес слово, убеждая народ встать по слову своего папприарха, начального человека русской земли, за православную веру. После проповеди пропопа, уже на паперти собора, заговорил Минин. Он страстно говорил о том же, указывая, каким образом нужно действовать: «Захотим помочь Московскому государству, так не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего, дворы продавать, жен и детей закладывать и бить челом, кто бы вступился за истинную православную веру и был у нас начальником». Слова Минина произвели большое впечатление. С каждым днем росло его влияние, нижегородцы увлекались предложениями Минина и, наконец, всем городом решили образовать ополчение, созывать служилых людей и собирать на них деньги.

Некоторые историки считают, что нижегородцы спали собирать второе ополчение под влиянием грамоты из Троице-Сергиевой лавры. Но это не так. На эти грамоты нужно смотреть, как на исполнение завещания папприарха Ермогена. То, что именно грамота папприарха Ермогена в Нижний Новгород послужила толчком к созданию второго освободительного ополчения, хорошо показал замечательный

русский историк Иван Егорович Забелин. До нас дошла окружная грамота архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына в Пермь, писанная 6 октября 1611 года. Забелин указал на тот факт, что Троицкая грамота была получена в Нижнем тогда, когда там уже всюду шла подготовка ко второму освободительному движению городов, благодаря посланию папприарха Ермогена, полученному в первых числах сентября. «Если объяснить движение Нижнего и прочих городов на освобождение Москвы влиянием из центра государства, — писал Забелин, — то это движение нужно приписать именно посланию в Нижний папприарха Ермогена, а не тем папприотическим грамотам, которые рассылались из Троицкого монастыря*». К тому же надо заметить, что нижегородцы действуют по программе, выработанной папприархом, а не Дионисием. Ведь именно Ермоген благословлял идти как против поляков, так и против казаков, которые охотно разоряют русские города и оказывают поддержку разного рода самозванцам. Дионисий смотрит на казаков как на защитников отечества, которым нужно помогать, а нижегородское ополчение, напротив, видит в казаках рапи, способные на воровство и грабеж.

Грамоту папприарха нижегородцы переписывали и рассылали по другим городам. И в первую очередь, как о том и просил па-

* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1883.

патриарх, послали в Казань. Судя по грамоте нижегородцев, присланной в начале 1612 года в Вологду, отряд из Казани уже в декабре 1611 прибыл в ополчение. По благословению патриарха митрополит Казанский Ефрем послал в ополчение пропопа, имя которого осталось неизвестным, со списком Казанской иконы Божией Матери. И вновь вся Россия православная закипела святой ревностью. Поднялись повсюду дружины народные. Откликнулись сердца русских людей на призыв Ермагена везде, но прежде всего и главным образом в Нижнем Новгороде, которому и честь, и главенство в предстоящем патриаршеском подвиге вручил сам святой. Минин и Пожарский выступили исполнителями воли и намерений великого первоверховного Ермагена.

Весть о новом всенародном ополчении под предводительством князя Пожарского не только вспокоила поляков. Они вновь приступили к Ермагену с настойчивыми требованиями, чтобы он остановил нижегородцев: «Опиши Пожарскому и всему Нижнему Новгороду, чтобы не ходили к столице». Таким образом, святой из уст врагов получил последнюю в жизни радость, — услышал о желанном успехе своей грамоты и распоряжений. На угрозы врагов ответил спокойно и твердо: «Что вы мне грозите смертью? Я боюсь только единого Бога, в небесах живущего». Затем, указав рукой

в сторону, откуда направлялись к Москве защитники Отечества, торжественно произнес: «Да будет над ними милость от Бога и благословение от нашего смирения! А на вас, изменников, — обратился он к окружающим его, — да излиется гнев Божий и да будете вы прокляты в сем веке и в будущем!» Это были последние слова патриарха, дошедшие до нас. После такого ответа заключение Ермагена еще более ужесточили. Ему, словно в насмешку, вместо пищи кидали по одному снопу овса раз в неделю и давали небольшой кувшин воды.

«ЧЕСТНА ПРЕД ГОСПОДЕМ СМЕРТЬ ПРЕПОДОБНЫХ ЕГО»

Эпилог

Свое последнее послание Святейший Патриарх Ермаген заканчивает словами: «А вам всем от нас благословение и разрешение в сем веке и в будущем, что стоите за веру неподвижно; а аз должен за вас Бога молить». Обреченный врагами на голодную смерть в темнице, святой не скорбел о личном унижении и телесных муках. Его душу снедала скорбь за свое православное Отечество, перзаемое врагами, и потому восьмидесятилетний старец все остатки сил положил на последний подвиг во имя Отечества веры и свободы своей Родины. Это был подвиг молитвы за тех, кого он сам благословил «стоять за веру, не щадя живота своего». Молитва в устах патриарха была непрерывно

единственным и самым действенным оружием проповид врагов. А молибсь папприарх умел, как об этом свиделбствуюп его современники, написав: «Как благовонный фимиам шли оп желанного сердца богомольца-Папприарха молибвенные слова к Господу и Пречистой Его Матери, к великим русским чудопворцам и ко всем святым»*. «Невидимый для добрых Россиян, — пишет Карамзин о Ермогене, — великий иерарх сообщался с ними молибвою; слышал звук бибв за свободу опечества, и пайно, из глубины сердца, пылающего неугасимым огнем добродепели, слал благословение верным подвижникам!»

Когда-то папприарх сказал своим недругам: «Вы мне обещаепе злую смерть, а я надеюсь через нее получиць венец и давно желаю поспрадать за правду». Спрадая за правду и гоповясь предспапть перед праведным Судией, он, несомненно, молился и Той Заспупнице усердной, копорая много леп назад явила ему свой чудесный образ. Он своими руками был удостоен нести этот чудопворный образ и убеждапсь своими глазами в происходящих вокруг этого явления чудесах. Теперь, находясь в узилище, мог ли он сомневаться, что Матерь Бога Вышнего, Копорую он воспел в своих молибвах, оспавип Россию? Нет, папприарх не сомневался, он молился Ей, Царице Небесной, за свое поруганное

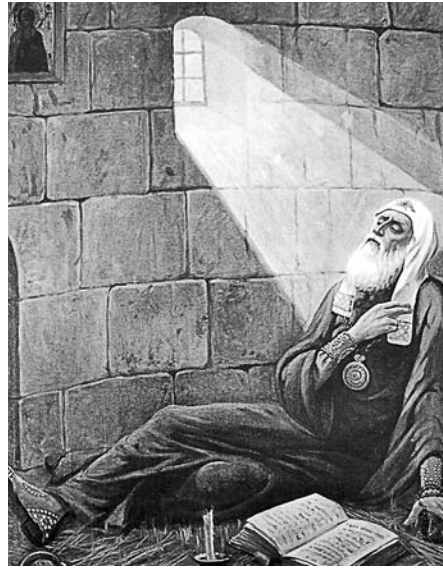
Опечесство и за сохранение православной веры. Молибва, сочиненная им много леп назад, звучала так, как будто была написана именно для этого времени: «Всех нас заспупи, о Госпоже Царице и Владычице, иже в напаспех, и в скорбех, и в болезнях, обремененных грехи многими, предспоящих и молящихся Тебе умиленной душею и сокрушенным сердцем». Папприарх уже знал, что ополчение, идущее освобождать Москву, возглавила Она Сама в Своем Пречистом образе Казанском.

Все эти девять месяцев пемничного започения перед мысленным взором свяпипеля проходила его долгая, исполненная великого духовного смысла жизнь. Жизнь созидательного паспбирского служения: в начале пупи приходским священником, затем архиереем и, в завершение, — папприархом. Жизнь, в копорой было так много спреч с людьми подлинно высокой духовной культуры, великими молибвенниками, учипелями и наспавниками, друзьями и соратниками, всеми, кто был ему по-родспвенному духовно близок.

Папприарх нагнулся и взял зрелый колос из овсяного снопа, брошенного спражей на пол пемницы. Он спал вышелушивать зерна, и часть их сыпалась на землю из его спарческих рук. Оспавшиеся на ладони зерна он бережно высипал в чашку с водой. Затем вновь долго молился на единственный образ в углу ке-

* Народная вера в святость Патриарха Ермогена от его времени и до наших дней // Патриарх Ермоген. М.:П. энциклопедия, 1997. С. 242.

лби, перекрещивал чашку с зерном, загребал из нее щепотью несколько размоченных зерен и клал себе в рот. Жевал медленно, задумчиво глядя на сноп овса, и в это время, наверное, вспоминал им же самим написанное много лет назад: «Пищу преподобному придумали не человеческую: раз в при дня ему метали сноп овса и давали воду скудною мерою». Горькая ирония судьбы или, может быть, кто-то из мучителей читал написанное Ермогеном житие Гурия, первого архиепископа Казанского. Немного отдохнув, священик вновь впадает на колени и продолжает свою горячую молитву. Молится о себе, о всех русских людях, а паче всего о том, чтобы православная вера Христова не погибла от врагов. Молится за воинов, идущих освободить Москву. Вздыхает, кланяется до земли — и при этом слезы старца капают на овсяные зерна, рассыпанные по земляному полу темницы. «Слезы из очей святолепного старца, — пишут о Ермогене современники, — как речные быстрины, текли по лицу его: ими и молитвенными словесами он надеялся, как оспрыми стрелами, опогнать от Родины видимых врагов.»* Так изо дня в день. Но все труднее старцу разминать колосья овса. Рука с каждым днем тяжелее, вопи и осенил себя крестным знаменем спановип-

Кончина св. патриарха Ермогена в темнице Чудова монастыря. 1912 г.

ся трудно. Нет сил. Нет и слез, они просто иссыкли и больше не струятся по старческим щекам, бесследно исчезая в густых сединах бороды. Поклон до земли — и что-то вдруг сдавило грудь, стало тесно, дышать трудно. А вопи и легче, и, слава Богу, дождался. Господи, прими мою душу, она давно стремится к Тебе! И Ты, Заступница усердная, Матерь Бога Вышняго! Всех нас заступи, о Госпоже Царице и Владычице, иже в напастех, и в скорбех, и в болезнях, обремененных грехи многими, предстоящих и молящихся Тебе умиленной душою и сокрушенным сердцем». Шум биввы, он слышен все явственней, а

* Народная вера в святость Патриарха Ермогена от его времени и до наших дней // Патриарх Ермоген. М.: П. энциклопедия, 1997. С. 242.

Успенский собор Московского Кремля.
Шатер, в котором помещена рака
с мощами св. Ермогена.
Мастер Дмитрий Сверчков. 1624 г.

воп и радостные победные кличи. Слава Богу! Но темничные степны, что с ними происходит? Они тают, как вешние снега, их больше нет, а кругом простор. Простор, в котором нет ни низу, ни верху, ни длины, ни ширины. Но в нем есть все, что дорого сердцу от юности: поля, леса, реки, озера, избы, заглавные храмы, белокаменные стены русских городов, книги и восковые свечи, кадилный дым и звон колоколов. Звон радостный, праздничный,

как на Пасху. И свет! Свет, который заполняет собою все. Этот свет вливается в грудь, подобно свежему упрямому воздуху, напоенному запахами тысяч трав и цветов. Свет, который несет радость предвкушения воспорженной встрече. Встречи с самым что ни на есть близким и дорогим. Свет, в котором все мучительные сомнения, все страхи и разочарования, слезы и боль, обиды, голод и жажда кажутся тебе лишь ничтожной платой за то блаженство, которое наследуют алчущие и жаждущие, плачущие и гонимые в конце их земного пути. Семнадцатого февраля 1612 года дверь темницы открылась. Вошла стража. В неярком свете узкого окна, расположенного под сводчатым потолком темницы, лежало распорстертое на полу тело. К немалому удивлению стражников, тело патриарха покоилось на зеленом ковре из нежных всходов овса, проросших на темничном полу*.

Послесловие

Прошло двести лет с тех пор, как сгорела Москва, подожженная поляками — и вновь горит Москва, уже в 1812 году. Под началом Наполеона не только французы, путь, как говорили, двенадцать языков, немало и поляков во французской армии.

* Известный до революции духовный писатель Поселянин Евгений Николаевич (настоящая фамилия Погожев) считал проросший овес, на котором покоилось тело патриарха Ермогена, пророческим предзнаменованием русского возрождения. Поселянин был расстрелян НКВД 13 февраля 1931 г.

И вся эта разношерстная орава «высококультурных европейцев» без зазрения совести бесчинствует в оккупированной Москве. Вот что писал один из очевидцев об этих событиях: «...французы делают поругания церквам, в некоторых живут в алтарях и на престолах обедают, в церквах с женщинами даже спят, в прапезах имеют лошадей и в них гадят. Ризницы все расхищены. Иной француз или поляк сидит на фуре в парчовой или другой ризе, правит лошадыми...». Другие очевидцы вспоминают, что «ничто так не разожгло алчности грабителей, как соборы в Кремле с гробницами царей, в которых ожидали найти огромные сокровища. Гренадеры спускались с факелами в подземелье, вскрывали гробы в надежде найти золото и бриллианты. Скромное имущество монахинь Алексеевского монастыря, спрятанное в кладовую, также было разграблено; солдаты нарядились в монашеские рясы... Несколько человек поселились в келье игуменьи, где пировали двое супок и приглашали к себе молодых монахинь». Не пощадили святопапцы и гробниц Московских святителей. Мощи патриарха Ермогена были выброшены из гроба. Когда русские люди после оставления Москвы Напо-

леоном пришли в оскверненный Кремль, то нашли останки святителя, лежащие на полу храма. Тогда-то все смогли убедиться, что мощи священномученика Ермогена и по прошествии двух веков остались непленными. Что и говорит: «Дивен Бог во святых своих». Только через приста леп приступили к прославлению патриарха Ермогена в лике святых, хотя народ его почитал таковым давно. Уже современники называли патриарха «новым святым исповедником», а сказание XVII века прямо называет Ермогена «святным многоспиральным мучеником»*.

Прошло четыреста лет со дня мученической кончины патриарха Ермогена, и вновь мы живем в беспокойное время. А если и нам уговорено пройти через испытания, посылаемые России ради славы ее? Думаю, что тогда имя патриарха Ермогена вновь будет поднято как знамя борьбы за Россию. А призывом в этой борьбе станут слова из стихирь Русским святым: «Русь святая! Храни веру православную, в ней же тебе утверждение!»

Величаем тя, священномучениче Ермогене, и чтим честная спрадания твоя, яже за Христа претерпел еси!

САМАРА – ТОЛЬЯТТИ, 2010—2012 ГОД

* Народная вера в святость Патриарха Ермогена от его времени и до наших дней // Патриарх Ермоген. М.: П. энциклопедия, 1997. С. 244.

«БЕЗ НЕЕ ОЧЕНЬ ТРУДНО»

Если не молишься по-настоящему, не имея подлинной памяти о Боге, то невыносимо трудно жить жизнью истинной, а не пенью ее. Слишком много такого, что убивает наше сердце, фактически уничтожает нас самих, делает всецело земными, не знающими неба. Так легко «спастись плотью», в которой «не имеет пребывать Дух Божий» (ср.: Быт. 6, 3), так легко забыть о высочайшем призвании своем! Все к тому влечет — и попечения об этой плоти, не всегда простые, часто многосложные и запрудненные обстоятельством, и жизнь, еще более многосложная: и грехом пропитанная, и подлая, и низменная, ибо такова она, в особенности сейчас. И наши собственные страсти, от этой жизни еще более умножающиеся, и наши привычки, и наши слабости, и многое, многое... И только молитва и живое воспоминание о Боге дают силы быть хотя бы в какой-то степени тем, кем хочет видеть нас Господь, дышать воздухом вечности, наполняющим и исцеляющим наши сердца.

Стоит перестать молиться или начать молиться формально, «по долгу», как возникает чувство, словно ты в полынне, а лед спягивается над твоей головой. Чувство обиденности, серости, безнадежности и даже бессмысленности всего. Поэтому тот, кто не молится, часто унывает. А потом это состояние становится хроническим, и уже ни на что духовное нет в принципе сил. И когда советуют человеку молиться, чтобы выкарабкаться из той ямы, из той полыни, в которой он оказался, он отвечает: «Да я молюсь...», — не понимая уже, что есть молитва и что — лишь подобие ее, муляж. А муляж — то, в чем вообще не участвует сердце, даже на краткое мгновение, это правило, которое только потому и совершается, «вычитывается», что «надо».

Молитва должна быть окошком, через которое в нашу темницу горестей и скорбей льется чистый и радостный свет. Должна быть ветром, который пробуждает и опрезвляет нас, когда опьянены мы успехами, быстро преходящими, и благами, скоро исплевающими. Она должна быть рукой, протянутой к Богу, чтобы взял Он нас за нее и вывел на простор, на «широту» (Пс. 17, 20) из тесноты искушения. Должна быть ниточкой, связывающей нас с Ним, тонкой, но крепкой до неразрывности...

...Она обязательно должна быть, потому что без нее очень трудно.

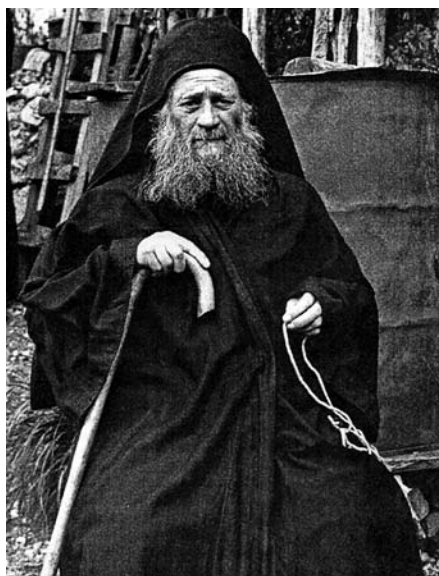
Игумен Нектарий (МОРОЗОВ), настоятель храма в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» г. Саратова, благочинный Петропавловского благочиния, главный редактор портала «Православие и современность».

ПИСЬМА ИОСИФА ИСИХАСТА О МОЛИТВЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Одно из писем схиархимандриту Пантелеимону — духовнику монастыря Святого Преображения (г. Боспон), младшему ученику старца Иосифа Исихаста, написанное 28 ноября 2005 года.

«Бапюшка, здравствуйте! Вот и начался Рождественский пост. Я ждал его с радостью, несмотря на то, что это время еще больших искушений, которые и не замедлили появиться. Но Господь не оставил милостью и, по молитвам угодника Своего, даровал мне вместе с искушениями, о которых я уже писал недавно, великое утешение. Пишу это письмо в понедельник утром. В выходные ездил к своим родителям, они живут в сельской местности, примерно 250 километров от моего города. В субботу вечером, встав на молитву, почувствовал такое умиление, что даже и одной молитвы прочесть не мог. Душа вдруг возрадовалась, запела и заплакала от любви к старцу Иосифу Исихасту так, что я мысленно целовал со многими слезами и руки его, и ноги. И долгое время была такая благодать, что и

трудно вспомнить, когда еще так было, а когда потом подошел поближе к иконам, то и вовсе себя потерял, только помню, что долго плакал и еле успокоился...

А сейчас вспомнил, как вы, рассказывая мне о старце Иосифе, сказали: «Отец Иосиф, провожая меня в Америку, пообещал присылать "посылочки". Он, конечно, говорил о духовных посылочках, поскольку материально был очень

Старец Афонский Иосиф Исихаст (1898—1959 гг.) — одна из основных фигур православной духовности XX столетия. В XX веке на горе Афон он был одним из главных возобновителей образа жизни исихастов, в частности, делания Иисусовой молитвы. После его смерти ученики старца распространили плоды этого влияния на Афоне, а затем и по всей Греции, на Кипре, вплоть до Северной Америки. Канонизирован на Афоне как местночтимый святой.

беден». И вот я словно послочку пакую получил позавчера, и спрашусь, ведь я человек грешный. Прошу ваших святых молитв, кланяюсь и поминаю вас каждый день со всей брапией».

Не так много времени прошло от поста Рождественского, произошло много разных событий, а вот уже и Великий Пост. И первая неделя его у меня снова прошла с удивительным ощущением упешения старцем, не так остро и, может, не с таким ясным присутствием, как в прошлый раз, но крайне полезным и действенным в практическом смысле.

Во время поездки в монастырь св. Антония к другому ученику старца, схиигумену Ефрему, кланяюсь и целую главу старца Иосифа (она сейчас находится в этом монастыре), я просил еще и о вразумлении в молитве. По приезду я окунулся в мир и его извечные заботы, решимость моя и рвение несколько ослабли, но в монастырской лавке я купил письма старца, переведенные на английский, намереваясь со временем почипать. Тут начинаются посты, я простужаюсь и на десять дней оказываюсь на постельном режиме наедине с письмами старца! Когда я чипал их, мне казалось, что они наполнены такой сладостью, и это удивительное ощущение благодати, исходящей от них, мне захотелось передать и еще кому-нибудь. Я перевел несколько писем для своего духовника и, надеюсь, что они будут интересны и другим, кто ищет практических и верных рекомендаций для Иисусовой молитвы.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

МОЛОДОМУ ЧЕЛОВЕКУ, СПРАШИВАЮЩЕМУ О МОЛИТВЕ

Мой возлюбленный брат во Христе, молюсь, чтобы с тобой все было хорошо. Сегодня я получил твое письмо и хочу ответить на все твои вопросы. Поучение, нужное тебе, не пребудет ни времени, ни усилий для обдумывания и ответа. Умная молитва для меня это то, чем я занимаюсь уже более тридцати шести лет.

Когда я пришел на Святую Гору, я сразу же усремился на поиски тех, кто мог мне помочь в овладении молитвой, и сейчас, оглядываясь назад, на эти прошедшие годы, я вижу, что тогда было очень много тех, кто жил молитвой, людей добродетельных, старцев прошлого.

Мы выбрали одного из них в качестве нашего старца, а также получали руководство от других. Теперь, начиная овладевать умной молитвой, ты должен постоянно понуждать себя творить молитву без остановки. Для начала очень быстро, чтобы ум не имел времени для мечтаний и помыслов. Все внимание сконцентрируй на словах: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя». Когда молитва проговаривается языком доспапочно долгое время, ум начинает привыкать к этому и иногда уже и сам говорит ее. Со временем молитва становится сладка, как если бы ты имел

мед во рту, и хочется говорить ее постоянно. А если оспановишься, чувствуешь большой дискомфорт.

Когда ум привыкает к молитве и наполняется ею, тогда, если все до этого было верно сделано, ум сам посылает молитву в сердце. Поскольку ум снабжает душу пищей, задачей его является опправка этой пищи (и хорошего, и злого, того, что ум находил) в сердце, которое является центром психической и духовной активности человека, «проном для ума».

Поэтому, когда кто-то, проговаривая молитву, удерживает ум свой от мечтаний и воображения чего-либо и концентрирует внимание только на словах молитвы, тогда с дыханием и всеконечным побуждением себя он низводит ум в сердце и, оставаясь там как в клетке, ритмично проговаривает слова молитвы: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!»

Вначале он проговаривает молитву несколько раз за одно дыхание, позже, когда ум навикает оставаясь в сердце, он проговаривает молитву с каждым вдохом: «Господи, Иисусе Христе» – на вдохе, «помилуй мя» – на выдохе. И так он принуждает себя до тех пор, пока благодать сама покрывает душу и действует сама. Это то, что касается «теории». Молитва творится везде; сидя, лежа, на ходу, стоя. НЕПРЕСТАННО МОЛИТЕСЬ. ЗА ВСЕ БЛАГОДАРИТЕ, — говорит Апостол (1 Фес. 5, 17–18).

Недостаточно молиться только перед сном. Молитва – это би-

ва. Когда устанешь, сядь, потом снова встань, чтобы сон не поглотил тебя. Это «праксис» (практика). Ты показываешь свое произволение Богу, ибо только от Него зависишь, когда и что дашь тебе. Бог – начало и предел всему. Его благодать – это движущая сила, которая являет все. Когда появляется любовь, ты понимаешь, как следовать, как по-настоящему исполнять заповеди. Ты встаешь ночью и молишься, ты видишь больного и сострадаешь ему, ты видишь вдову, сироту и подаешь им, и Господь любит тебя, а ты любишь Его. Он любит первым и изливает Свою благодать, и мы возвращаем Ему Его, что и есть «Твоя от Твоих». Поэтому, если ищешь найти Его посредством молитвы, не позволяй ни одному вздоху происходить без нее. Только будь оспорожен и не принимай никаких фанпазий. Бог не имеет формы, образа, цвета. Он абсолютно совершенен и неопишем. Он действует подобно неуловимому мирному ветерку в сознании.

Раскаяние приходит, когда ты осознаешь, как сильно ты огорчаешь Бога, который так добр, сладок, милостив и полон любви, кто распялся и страдал за каждого из нас. Когда ты размышляешь об этом и других вещах, связанных со спраданьем Господа, это приносит чувство раскаяния.

Итак, если сможешь, повторяй молитву без оспановки два или три месяца, и ты получишь навык, тогда благодать покроет и восплавит тебя. Повторяй негромко,

когда ум привыкнет, перестань произносить молитву языком и дай это делать уму. Когда он оспановится, снова поддержи молитву устами. Успная молитва необходима вначале, потом всю твою жизнь ум будет творить молитву сам, безо всякого усилия. Когда придешь на Святую Гору, посети нас. Мы будем говорить с тобой о других вещах, времени для молитвы будет мало, к тому же при посещении монастырей твоей ум будет отвлекаться на то, что видишь и слышишь.

Я уверен, что ты обрестишь молитву. Безо всяких сомнений. Только настойчиво спущись в двери божественного милосердия, и Христос, конечно, откроет тебе. Невозможно не быть этому. Чем больше ты Его любишь, тем больше получаешь. Его дар, будет он большим или маленьким, зависит от твоей любви — велика она или мала.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

ТОМУ ЖЕ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВЕКУ О МОЛИТВЕ, А ТАКЖЕ ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

Радуется меня твое горячее желание принести пользу своей душе. И я жажду принести пользу каждому, кто ищет спасения. Поэтому внимай, мой дорогой и любимый брат. Цель жизни человека — самого момента его рождения — найти Бога. Однако он не сможет найти Его, пока Сам Господь не найдет его первым. «В нем мы живем и действуем». К сожалению, слепоты закрывают глаза нашей души, и мы не можем ими видеть. Но когда наш многолюбящий Господь об-

ращает на нас Свои действенные взор, мы словно пробуждаемся ото сна и начинаем искать спасения.

Касательно твоего вопроса. Господь увидел тебя, Он просветил и ведет тебя. Оставайся и работай там, где ты есть. Твори непрестанно Иисусову молитву: и умом, и языком. Когда устают язык, молись умом, когда опяжелеет ум, пусть снова начинает язык, только не оспанавливайся. Исповедуйся часто, будь в бдении ночью, насколько можешь. И если ты увидишь, как любовь к Богу загорится пламенем в твоём сердце, если ты захочешь исихии (покая) и не сможешь оспанаваться в мире, потому что молитва горит в тебе, тогда напиши мне, и я скажу, что тебе делать дальше. Но даже если благодать не будет действовать таким образом, и твоё рвение и стремление выльется лишь в соблюдение заповедей Божиих относительно твоих близких, будь покоен, оставайся с миром там, где ты есть — и с тобой все будет хорошо. Не ищи другого. Ты поймешь различие между тридцатью, шестидесятью и сто кратным плодом (Мф. 13,8), о которых ты читал в житиях святых. Там ты найдешь еще много историй, которые принесут тебе огромную пользу.

А теперь о других вопросах: молитва должна произноситься «внутренним голосом». Но поскольку сначала ум еще не привык к этому, он забывает о молитве. Вот почему я говорю, что нужно чередовать способ произношения молитвы: то умом, то языком. Делай так, пока ум не переполнится молитвой, и благодать не начнет действовать вместе с ним сама. Это действие

благодати есть радость и восторг, который ты ощущаешь в себе, когда молишься и хочешь молиться безостановочно. Тогда ум поглощается молитвой, и она творится без какого-либо понуждения с твоей стороны. Это называют посещением действия благодати, потому что она действует сама. Человек ходит, спит, просыпается, а внутренне он вопиет молитву непрестанно. Он мирен и радостен.

Относительно времени для молитвы. Поскольку ты в мире имеешь разные заботы, молись в любое время, как только будет возможность. Но постоянно побуждай себя к этому, чтобы не впасть в небрежение.

Духовная жизнь имеет три ступени, и благодать действует в человеке соответственно его духовному развитию. Первое состояние называется очистительным. На этом этапе с человеком происходит очищение от страстей. То, что ты сейчас имеешь, называется очищающей благодатью. Она ведет к покаянию. Желание духовного появляется в человеке исключительно под действием благодати. И ничего от самого человека. Она тайно действует повсюду. Если человек преуспевает в умной молитве, он получает другую благодать, которая полностью оплична от предыдущей.

Как мы уже упоминали, первая благодать называется очищающей, и тот, кто молится, ощущает в себе ее присутствие. Вторая называется благодатью просвещающей. На этом уровне человек получает знание и восходит к созерцанию Бога. Это отнюдь не видение огней, образов или фан-

тазий, но прозрачность, ясность ума и чистота мыслей. В этом случае, человеку для молитвы необходимы покой, совершенное безмолвие и истинный наставник.

Третий уровень — благодать покрывающая — совершенная благодать, поистине великий дар. Пока нет необходимости писать об этом, однако, если захочешь узнать нечто большее об этом, я написал, несмотря на свою неграмотность, небольшой рукописный труд*, ты его можешь найти. Также купи книгу св. Макария, да еще аскетические поучения св. Исаака Сирина, и ты получишь большую пользу. Напиши мне о своих сомнениях и изменениях, и я с усердием отвечу тебе. Все эти дни я постоянно пишу тем, кто спрашивает меня об умной молитве. Это люди из Германии, Америки, Франции, и их очень много. Но почему же мы, имеющие все прямо здесь, у наших ног, почему же мы нерадим? Неужели так трудно повторять постоянно имя Христа, чтобы Он помиловал нас?

В наши дни мир усвоил злую и коварную идею искусителя-дьявола о том, что молитву творить опасно и не нужно, чтобы не впасть в прелесть, но в итоге он как раз сам и пребывает в прелестях.

Если есть кто-нибудь, желающий умной молитвы, пусть творит ее. И молитва, творимая доисторично долгое время, принесет свои плоды. И человек обретет рай внутри себя. Он получит свободу от страстей, он спанет тем самым «новым человеком». И если в это время он будет в уединении, — о!.. о!.. невозможно описать плоды молитвы.

* Старец Иосиф Исихаст. Десятигласная духодвижимая труба.

АРХИМАНДРИТ СОФРОНИЙ

Сопцом Софронием, учеником и биографом преподобного Силуана Афонского, я сначала познакомился заочно — через книгу «Спарец Силуан», которая в 80-е годы ходила по рукам в самиздапе и пользовалась большой популярностью. Когда мне было лет шестнадцать, мне довелось познакомиться с сестрой отца Софрония, замечательной, скромной женщиной весьма преклонных лет, Марией Семеновной Калашниковой. Она жила в Москве, в старом одноэтажном доме на улице Рылеева, и мы с матерью часто ее посещали. Она рассказывала нам об отце Софронии, давала читать его письма к ней, показывала фотопортреты его монастыря. История их общения весьма интересна. В детстве они были очень близки, но потом судьба разбросала их по разные стороны «железного занавеса». Отец Софроний эмигрировал, много лет провел на Афоне, потом оказался во Франции и, наконец, осел в Англии, где основал свой монастырь. Мария же оставалась в России и в печальное многих лет вообще ничего не знала о судьбе брата, пока в 50-х годах он сам не разыскал ее. У них завязалась переписка; несколько раз Мария Семеновна ездила к нему в Англию.

Позднее, во время первого приезда в Англию, мне посчастливилось познакомиться и с самим опцом Софронием. Первая встреча со Спарцем (так все называли отца Софрония в основанном им монастыре св. Иоанна Предтечи в Эссексе) навсегда осталась в моей памяти. Меня привели в дом, где он жил. Навстречу мне поднялся человек маленького роста, чрезвычайно худой и очень старший: было ему далеко за девяносто. Первое, что меня поразило: контраст между немощным, старческим телом и каким-то светлым, живым, юношеским духом, который Спарец сохранял до самой смерти. Он приблизился ко мне вплотную, взял за плечи и долго смотрел прямо в глаза. Потом сказал: «Кожа да кости. Вам надо лучше питаться. Вас, должно быть, в России вообще не кормили» (что, конечно, не соответствовало истине). С этого момента меня в монастыре окружили особой заботой; по указанию Спарца одна из сестер следила за тем, чтобы у меня в келье всегда была еда.

С опцом Софронием мы встречались часто и беседовали подолгу. О моей жизни, о планах на будущее он расспрашивал во всех подробностях: его,

---

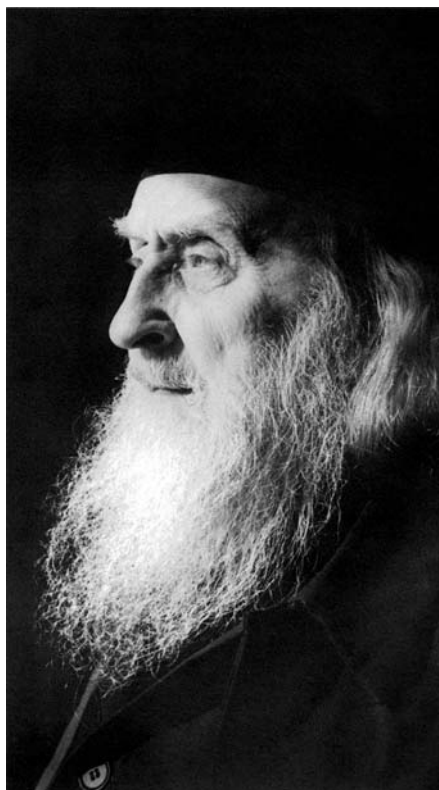
Иларион (Алфеев), иером. Православное богословие на рубеже столетий: Статьи, доклады. М.: Крутицкое подворье, 1999. С. 335—355.

казалось, интересует все. Мое желание учиться в Оксфорде он горячо одобрил. Ему вообще было свойственно уважительное отношение к богословскому образованию: всех своих монахов он посылал в различные богословские учебные заведения. Отец Софроний считал, что в наше время каждый монах и священнослужитель должен быть высокообразованным человеком. Такая позиция тем более удивительна, что сам отец Софроний систематического богословского образования не получил.

С чрезвычайным вниманием он относился к моим научным трудам. Однажды я привез ему приезда страниц стихотворных переводов «Гимнов» преподобного Симеона Нового Богослова с подробным богословским комментарием. Старец, который сам уже не мог читать, заставил своих келейников прочитать ему эту работу вслух (т.е. прокричать через слуховую трубу). Причем, ему читали не только сам текст работы, но и все сноски. Как рассказывал мне один из келейников, если во время чтения он видел, что сноска большая и пропускал ее, Старец останавливал его и спрашивал: «А не было ли там сноски?» После этого келейники Старца умоляли меня не привозить ему на прочтение такие длинные сочинения.

Беседовать со Старцем было необыкновенно интересно. Он говорил, как правило, обо всем сра-

Архимандрит Софроний (Сахаров)

зу, переходя с одного предмета на другой. Каждый раз рассказывал истории из своей жизни, из времени своего пребывания на Афоне, всегда говорил о Старце Силуане. Часто рассказывал о том, как впервые сблизился с преподобным Силуаном. Дело было так. Однажды отца Софрония посетил монах по имени Владимир, который спрашивал у него духовного совета. Отец Софроний сказал ему: «Стой на грани отчаяния». Потом добавил: «А когда больше не можешь, отойди и сядь, выпей чашку чая». На

следующий день отец Софроний увидел идущего по монастырскому двору Старца Силуана. Будучи молодым монахом, отец Софроний почтительно опошел в спорону, дабы уступитъ место старшему. Приблизившись к нему, Старец Силуан сказал: «Был ли у вас вчера отец Владимир?» Отец Софроний спросил: «Что, я был не прав?» — «Нет, Вы были правы. Но это не его мера». После этого Силуан пригласил Софрония к себе, дал ему свои записки. С того дня началась их духовная дружба, не прекратившаяся до самой смерти преподобного Силуана.

Когда отец Софроний рассказывал эту историю, глаза его увлажнялись слезами. Преподобного Силуана он вообще всегда вспоминал с большой теплотой.

Отец Софроний обладал даром слез. У него было то «сердце милующее», которое, по словам преподобного Исаака Сирина, возгорается любовью о всяком творении, о всяком человеке, даже и о врагах испины. Когда отец Софроний слышал о чужей беде, печали, о каком-то горе, случившемся с человеком, он проливал слезы сострадания и молился за этого человека. Если слышал, что кто-то тяжело болен, молился целыми ночами напролет, докучая Богу своей слезной молитвой. И бывали случаи, когда по молитве Старца человек получал исцеление.

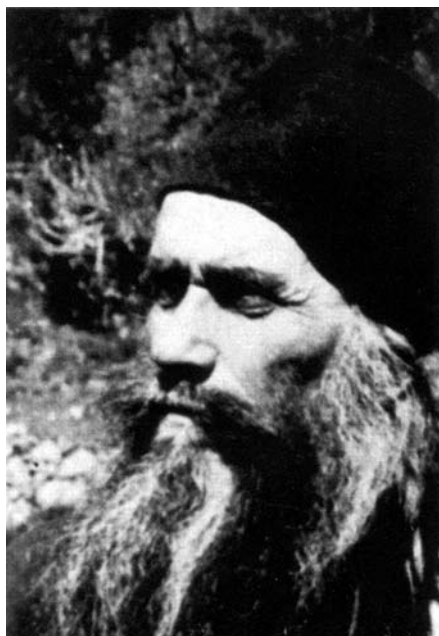
Умел Старец и смеяться. Он любил рассказывать какой-нибудь анекдот, историю из парижской

или афонской жизни. Смеялся он по-детски — искренне и по-долгу. Он, например, вспоминал некоего диакона в Париже, который однажды заснул в саду беседующим с дамой на духовные темы. Что уж вообразил диакон по этому поводу, остается загадкой, но только он потом долго всем говорил, поднимая вверх указательный палец и хитро прищуриваясь: «А этот Софроний-то — фруктик, фруктик!» Тот же диакон иногда приходил к отцу Софронию с бутылкой вина; откупорив ее и отпив из нее несколько глотков, он начинал рассуждать: «Отец Софроний, согласитесь, ведь здесь в Париже насоящих монахов нет: только Вы и я. А остальные все так — любители».

А вот афонская история. Однажды, когда отец Софроний — это было уже после смерти преподобного Силуана — жил на Афоне в затворе, к нему пришел молодой монах, который спал расспрашивать его о том, о сем. Чувствовалось, что пришел он для важного разговора, однако не решался его начать. Наконец, он сказал: «Отец Софроний, ответьте мне честно, Вы масон какой степени?» Отец Софроний был так удивлен вопросом, что двумя руками схватился за голову. Тогда монах выскочил из келви и сообщил всем, что отец Софроний — масон десятой степени (так как на двух руках, которыми он обхватил голову, было десять пальцев).

Старец много говорил о России. Почему-то у него сложилось впечатление, что в России его книги не признаны; это доставляло ему большое огорчение. В монастырь приезжало много людей из Греции, ведущие иерархи Константинопольского Патриархата, такие как патриарх Варфоломей, митрополит Иоанн (Зизиулас), епископ Каллист, регулярно посещали Старца. А из России приезжали редко. Кроме того, до Старца дошли сведения о том, что один профессор в России критикует его книги. Я говорил ему о той огромной популярности, которой в России всегда пользовалась книга «Старец Силуан», а он отвечал мне: «А вот профессор такой-то считает, что я в прелести». Критику в свой адрес отец Софроний воспринимал с большим смирением и в молитве просил Бога указать ему на ошибки, которые он мог допустить в своих книгах.

Почти еженедельно Старец проводил в монастыре беседы на духовные темы. К этим беседам он относился как к продолжению литургического служения, как к «литургии после Литургии». Однажды Старец благословил мне совершить Божественную Литургию в монастырском храме: на ней он сам присутствовал и причащался. Когда служба кончилась, он сказал мне: «Я был за Вашей Литургией, а Вы приходите на мою». Имелась в виду беседа, которую он проводил в монастырском храме в послеобеденное время.

Прп. Силуан Афонский.
Фото из архива Русского на Афоне
Свято-Пантелеимонова монастыря

В 1993 году, за двадцать дней до кончины Старца, я приехал в Англию. Сразу же по приезде встретился со Старцем. Беседовали мы без перерыва четыре с половиной часа. Как всегда, Старец сохранял абсолютную ясность мысли, бодрость духа. Под конец он провел меня к себе в келью, мы помолились вместе, и он сказал: «Я очень рад, что мы с Вами встретились перед моей смертью». А я должен был на следующий день лететь на двадцать дней во Францию, после чего возвращался на два года в Англию для учебы в Оксфордском Университете. Я говорю: «Старец, через три недели я вернусь в Англию, и, надеюсь, мы будем часто

видеться». Старец повторил: «Я очень рад, что мы встретились перед моей смертью». Когда двадцать дней спустя я позвонил из Франции в монастырь, чтобы сообщить о своем приезде, меня спросили: «Вы слышали, что Старец скончался?». Я прибыл в день его похорон и участвовал в погребении.

Встреча со Старцем была для меня событием огромной важности. В его лице я увидел человека, который достиг того, что на святоотеческом языке называется обожением. Одно дело — читать об этом у древних отцов, другое — видеть своими глазами, на примере живого человека, своего современника. Глядя на него, ты вдруг понимаешь, что человек обожженный — это не какой-то небожитель; это такой же человек, как все мы, из той же плоти и крови, но только каждое его слово, каждое движение пронизаны Богом. Он остается человеком, но во всех его человеческих проявлениях присутствует божественная энергия, божественная благодать.

***

Сергей Сахаров (будущий архимандрит Софроний) родился в 1896 году в Москве. Воспитывался в православной семье. Определенное влияние оказала на него мать, которая была «человеком глубокого сердца и праведной жизни»¹. Однако более сильным

было влияние няни: о ней отец Софроний вспоминал с любовью как о человеке, привившем ему вкус к молитве и богослужению.

Окончание учебы совпало с началом первой мировой войны. В годы войны Сергей был офицером инженерных войск, однако в военных действиях не участвовал. После окончания гражданской войны поступил в Московское училище изящных искусств, где занимался живописью.

В 1921 году Сергей эмигрирует. Пробыв недолго в Германии и Италии, он в 1922 году оказывается в Париже: там он продолжает заниматься живописью и выставляет свои работы в художественных салонах. В 1924 году поступает в только что открытый Свято-Сергиевский богословский институт. В 1925 отправляется сначала в Сербию, а затем на Афон, где принимает монашество в русском монастыре святого Пантелеимона.

Путь к монашеству был для Сергея нелегким. С детства он привык часто и подолгу молиться: «Когда я был совсем мальчиком, — вспоминает он, — промолиться полчаса, сорок пять минут для меня не составляло никакого труда. Это была как бы потребность»². Однако в семнадцать лет Сергей увлекся буддизмом и восточной медитацией. Вера в личного Бога на время колебалась, хотя от Церкви и от молитвы Сергей окончательно не отрывался. Поворотным

¹ Софроний (Сахаров), архим. Письма в Россию. М., 1997. С. 8.

² Софроний (Сахаров), архим. Указ. соч. С. 18.

пунктом стала Великая Суббота 1924 года, когда сразу после причастия Сергей ощутил присутствие Бога, явившегося ему как неварный божественный свет. Опыт божественного присутствия с тех пор полво углублялся, жажда духовной жизни становилась все сильнее: она и привела его в конце концов на Афон.

О первых годах, проведенных на Святой Горе, отец Софроний вспоминал как о «самых блаженных»: послушания, которые он исполнял, были простыми и не отвлекали от молитвы, службы длились по семь-восемь, а то и двенадцать часов в день¹. В 1930 году он встретился с преподобным Силуаном, который покорил его своей святостью, глубиной духовного опыта и ясностью мысли. До самой смерти преподобного в 1938 году отец Софроний находился при нем и стал свидетелем его кончины.

Весной 1939 года отец Софроний уходил в затвор: он поселяется в одной из пещер афонской Карулы, где проводит дни и ночи в молитве за мир. В 1941 году он принимает священнический сан в монастыре святого Павла и вскоре становится духовником нескольких монастырей.

После второй мировой войны Афон оказался охвачен анпиславянскими наспроениями, и многим русским монахам пришлось покинуть Святую Гору. В их числе были иеромонах Софроний и монах

Каруля – место поселения отшельников – подвижников самого сурового монашеского подвига

Василий (Кривошеин), будущий архиепископ Брюссельский и Бельгийский. Отец Софроний в феврале 1947 года вновь оказался во Франции. В 1948 году он публикует книгу «Спарец Силуан», вскоре переведенную на многие языки и ставшую классикой православной духовной литературы.

В 1959 году, в возрасте 67 лет, отец Софроний переезжает в Англию, где приобретает старый священнический дом в местечке Tolleshunt Knights (графство Эссекс). Там он создает небольшой монастырь. Сначала с ним было семь человек, но со временем число иноков

¹ Софроний (Сахаров), архим. Письма в Россию. С. 25–26.

Монастырь Святого Павла на Афоне

и инокинь выросло до двадцати пяти (монастырь состоит из двух общин — мужской и женской). Впоследствии монастырь получил в пользование находящуюся неподалеку старинную англиканскую церковь, которую переоборудовали под православный храм. Монастырь приобрел или построил и другие здания, в том числе большой храм и трапезную, которую расписал сам отец Софроний, а также небольшой домик, где он поселился после того, как передал управление монастырем своему ученику и сподвижнику архимандриту Кириллу.

Поскольку община, созданная отцом Софронием, была с самого начала интернациональной, богослужебный устав решили максимально образом упростить. Полноценное всенощное бдение, состоящее из вечерни и утрени на славянском, греческом, английском и французском языках, совершается в монастыре только накануне воскресных и праздничных дней. В остальные дни совершается так называемое «правило», состоящее из нескольких сотен Иисусовых молитв, произносимых кем-либо из насельников или гостей обители в

полной темноте и пищеине в монастырском храме. Божественная Литургия совершается при разе в неделю.

За годы своего пребывания в Великобритании отец Софроний приобрел известность как выдающийся духовник. Тысячи людей из разных стран приезжали к нему за духовным советом. В своих наставлениях он подчеркивал важность внутреннего духовного делания в проповедес «телесному» подвигу. Все внешние формы аскезы, будь то пост, молитвенное правило, поклонь, различные монастырские послушания, являются лишь вспомогательными средствами для «умного делания» — непрестанного предстояния Богу в молитве. Без этого предстояния Богу они лишены смысла и являются не более чем пустой оболочкой.

Господь дал отцу Софронию долгую жизнь. Еще будучи на Афоне он перенес тяжелую болезнь, несколько раз был на грани смерти. Здоровье его всегда было крайне слабым. Тем не менее он продолжал жить, удивляясь своему долголетию. В 1977 году он писал сестре Марии: «Мне 81! Невероятно, но факт. Никак я не могу понять сего странного положения. Я споль-

ко раз болел действительно серьезно. Так, что окружающие не предполагали, что я оправлюсь и вспану. Сколькo раз я бывал в опасности в горах, в пустыне, на дорогах, в море в бурные погоды, от многих скорбей и ран душевных... И вот какое чудо!»¹. В 1986 году отец Софроний писал: «я совсем состарился: если суждено мне дожить до сентября, то мне будет девяносто лет, но я вовсе не могу быть уверенным в этом»². Отец Софроний дожил до девяноста шести лет и перешел в мир иной 11 июля 1993 года.

Архимандрит Софроний известен прежде всего как автор бессмертной книги «Старец Силуан», впервые изданной полвека назад и с тех пор переведенной более чем на двадцать языков. Не менее важна книга «Видеть Бога как Он есть»³ где отец Софроний излагает свой собственный духовный путь. В небольшой книге «О молитве»⁴ отец Софроний делится своим опытом молитвы. В последние годы начали выходить в свет материалы из архива Старца — его переписка с сестрой Марией⁵, с протоиереем Борисом Старком⁶, отдельные беседы⁷. Готовится к печати

¹ Софроний (Сахаров), архим. Письма в Россию. С. 154.

² Там же. С. 162.

³ Первое издание: Эссекс, 1985.

⁴ Первое издание: Париж, 1991.

⁵ Софроний (Сахаров), архим. Письма в Россию. М., 1997.

⁶ Софроний (Сахаров), архим. Письма близким людям. М., 1997.

⁷ Софроний (Сахаров), архим. Духовные беседы. СПб., 1997.

книга статей Старца на экклезиологические темы «Рождение в Царство непоколебимое». Со временем будет, вероятно, опубликована переписка отца Софрония с такими выдающимися богословами, как проповедники Георгий Флоровский, архиепископ Василий (Кривошеин), митрополит Суражский Антоний.

В восприятии многих людей облик архимандрита Софрония как бы заслонен обликом его учителя — преподобного Силуана Афонского; отца Софрония воспринимают прежде всего как популяризатора учения преподобного Силуана. Между тем, вклад отца Софрония в богословие не менее, а может быть, и более значим, чем вклад преподобного Силуана.

ТЕМА ПЕРСОНЫ

Основной темой богословия отца Софрония является учение о персоне: о Боге как персональном бытии и о богообщении как встрече между личным Богом и человеком-личностью. «Ипостась-Персона есть первичный принцип и последнее, всеобъемлющее измерение в Божественном Бытии; так же и в человеческом, по образу Божию, тварном бытии. Вне сего ипостасного принципа ничто не существует», — говорит отец

Софроний¹. Поиски сверхличного Абсолюта когда-то едва не увели молодого художника Сергея Сахарова из Церкви; встреча с личным Абсолютом привела его к принятию монашества. Именно эта встреча, сопровождавшаяся мистическим опытом видения света, перевернула его жизнь. «В Евангелии от Иоанна... говорится о Лице Христа как о Логосе — Мудрости Бога, но мудрости ипостасной, то есть персональной: без Него ничтоже бысть еже бысть (Ин. 1,3). Все, что существует, существует через Него и благодаря Ему. Тогда для меня разрешился вопрос очень ясно, что Сверхличный Абсолют вовсе не есть Бытие. А Бытие есть персона, и без этой персоны ничто не может существовать»².

Именно во Христе и через Христа Бог раскрывается человеку как персональное бытие. Только Сам Бог персонален в полном смысле слова, а человек является персоной в той мере, в какой он является образом и подобием личного Бога, в какой общается персональному вечному Бытию. Персональный принцип есть тот потенциал, который человеку надлежит актуализировать через исполнение заповедей воплотившегося Бога — Христа.

Мне самому дорого обошлись заблуждения, которыми я увле-

¹ Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть. С. 238.

² Софроний (Сахаров), архим. Письма в Россию. С. 30.

кался около семи-восьми лет. По-человечески рассуждая, я не смог бы своей силой вырваться из бездонности трансцендентизма восточного видения сверхличного Абсолюта... Когда же по дару свыше мне было дано уразуметь онтологическое место принципа Персоны в Божественном Бытии, тогда, естественно, все переменялось и предстало в обратной перспективе: мы — тварь; как персоны мы создаемся потенциально, не актуально. Я не емь Перво-Бытие, но тварный образ Его. Евангельскими заповедями я призываюсь актуализировать, реализовать в себе мое персональное богоподобие, стать личностью-ипостасью...¹

Девятнадцать столетий назад Пилап задал Христу вопрос, ответа на который не спал дожидаться, так как считал, что ответа на него не существует: «Что есть истина?» (Ин. 18, 38). Он не догадывался, что Истина не есть «что», Она есть «кто»², и эта воплощенная Истина в тот момент стояла перед ним — та самая Истина и Мудрость Божия, то самое Бытие, через которое мир был приведен в бытие. Истина не есть отвлеченное имперсональное понятие, Она есть не что иное как Сам Бог, Которого мы познаем через личное опкровение во Христе.

Бог не есть одна Персона, Он есть при Персоны, «единые в Своей Сущности, в Своем Царстве, в Своей Славе, в Своем Действии»³. Персональный принцип в Боге реализуется в полноте любви, которой обладают Лица Святой Троицы. Любовь Божия имеет кенопический характер. «Само воплощение Бога-Слова есть поже испощание, онтологически свойственное божественной любви. Отец испощает Себя всего в рождении Сына. И Сын ничего не присваивает Себе, но все отдает Отцу»⁴. Полнота божественной любви была явлена людям в Гефсиманском саду и на Голгофе. Тайна Божественного кенозиса непостижима для тварного бытия, она недоступна людям, которые переживают кенозис-испощание как смерть, умирание. Но когда Евангелие воспринимается как призыв следовать за Христом и как вести об обожении человека через подражание Христу в его Гефсиманской молитве, тогда эта тайна открывается человеку «не через отвлеченную философию, а бытийно». Бог включает «нас в Свое бытие так, что оно становится нашим»⁵. Благодаря исполнению заповедей Христовых, молитве за мир и любви к врагам человек может реализовать в себе персональный потенциал вплоть до уподобления Богу.

¹ Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть. С. 185.

² Софроний (Сахаров), архим. Преподобный Силуан Афонский. Эссекс, 1990. С. 48.

³ Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть. С. 206.

⁴ Софроний (Сахаров), архим. О молитве. С. 26.

⁵ Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть. С. 201.

«Бог есть Любовь; и человек-персона одарен способностью воспринять от Бога пламя сей любви. Бог есть Свет, в котором нет никакой тьмы; и мы призваны стать светом в Божественной вечности. Богу все совершенно открыто, все ведомо Ему до конца; и человек-ипостась, включенный в Акт Божеского Бытия, чрез Бога и в Боге становится носителем всеведения... Человек — пварная ипостась; однако в своем внутреннем существе как образ Абсолютного Бога и он есть некий всемирный центр, великий и дивный в своем конечном завершении чрез Сына, собезначального Отцу»¹.

МОЛИТВА

Персональный потенциал человека в наибольшей полноте раскрывается в молитве — предстоянии личному, живому Богу. Отец Софроний говорит о разных видах, степенях и уровнях молитвы. Он рассматривает молитву как «бесконечное творчество, высшее всякого иного искусства или науки»². Но путь молитвы весьма сложен. Иногда в молитве человек переживает опыт божественного присутствия, а иногда, напротив, чувство богооставленности. «Труден подвиг за молитву; меняются состояния нашего духа: иногда молитва печет в

нас, как могучая река, иногда же сердце становится иссохшим»³. Погружая нас во тьму и пустыню богооставленности, Бог научает нас познавать исходящие от Него дары. Кроме того, через опыт богооставленности мы становимся «нищими духом» (Мф. 5,3) и приобретаем Христову смиренность, кенопитическому опыту Самого Христа, который на Кресте взывал к Отцу: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»⁴ (Мк. 15,34). Гефсиманская молитва Иисуса Христа может стать опытом человека, когда он молится обо всем мире с любовью, охватывающей все его существо. Тогда человек уподобляется Христу.

Когда некая тень подобия Гефсиманской молитвы осенит человека, тогда он разрывает узлы эгоистической индивидуальности и вступает в новый образ бытия: персональный, ипостасный по образу Ипостаси Единородного Сына... Воспринять спраждущую любовь Христа есть неоценимый дар Духа Святого, приближающий духовно к ощущению смерти Его на кресте и вместе силы воскресения. Соединенный с Ним подобием умирания в глубокой молитве о мире, в помпелвной жажде спасения людей, превосхищает тайну спасения... «Неописуемы дары Божии: они делают человека носителем полноты богочелове-

¹ Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть. С. 204.

² Софроний (Сахаров), архим. О молитве. С. 7.

³ Там же. С. 11.

⁴ Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть. С. 131.

ческого бытия чрез единение со Христом в молитве, уподобляющей его Ему»¹.

Отец Софроний обладал уникальным опытом молитвы, начавшимся в раннем детстве и продолжавшимся до последних минут жизни. В книге «О молитве» он рассказывает о том, что дано было ему пережить в часе молитвенного предстояния Богу, о тех «ответах», которые он получал свыше и которые изменяли его жизнь, его восприятие Бога и окружающего мира. Однажды, будучи еще молодым человеком, он в течение целой ночи со слезами молился об угнетенных и страдающих, молился до тех пор, пока не пришла ему мысль: «Если я так, всею силою моего сердца сострадаю человечеству, то как понять Бога, безучастно смотрящего на спадания многих миллионов созданных Им же Самим людей?» Тогда он обратился к Богу с безумным вопросом «Где Ты?» И тотчас услышал в сердце слова: «Разве ты распылся за них?» Эти слова Самого Христа, произнесенные в сердце отца Софрония, потрясли его: он понял, что только Бог воспринял на Себя спадания людей в абсолютном и безусловном смысле, ибо воплотился, пострадал и умер за людей. «Короткий ответ Бога обычно заключается в себе сущность дела, — говорит отец Софроний. — Божие слово приносит в душу новое, особое чувство бытия; сердце испыты-

вает прилив светлосной жизни; ум вдруг постигает дополе скръпные смьслы»².

В другой раз, размышляя в молитве о войнах, виновниками которых становялся созданный Богом люди, отец Софроний «вторично боролся с Богом», поставив перед Ним вопрос о Его ответственности за зло, царящее на земле: «Если Ты создал все, что существует; если без Тебя ничего не начало бытъ, то все эти гнусные преступники, способные проливать кровь миллионов и миллионов людей... — не они повинны суду и не они ответственные... Ты, как Творец всего, единственный виновник неисчислимого горя земли». И опять в ответ на опчаянную вопль он ощутил прикосновение мира Божия, и его посетила мысль: «Отец послал Сына Своего, чтобы спасти мир, и Его они убили. Но вот Он воскрес как Победитель смерти и уже как Царь вечности совершил суд Свой над народами по правоте (Пс. 9,9)»³.

Молитва была основным жизненным стержнем отца Софрония на протяжении многих десятилетий. Особенно интенсивной стала его молитва, когда он покинул Париж и оказался на Афоне. Здесь он понял, что такое непрестанная молитва покаяния, что такое молитва за мир; он ощутил силу Имени Божия, призываемого в молитве Иисусовой, и опытно познал, что значит «схождение ума в сердце». Опыт

¹ Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть. С. 238.

² Софроний (Сахаров), архим. О молитве. С. 38—39.

³ Там же. С. 41.

«внутрипробывания», которого иные подвижники прошлого достигли благодаря многолетним трудам, был дарован отцу Софронию с самых первых месяцев его жизни на Святой Горе. Как он сам рассказывает, семь лет спустя после приезда на Афон он получил послушание от игумена изучать греческий язык. Вернувшись в келью из библиотеки и открыв книгу, он физически ощутил, как его ум выходит из сердца и поднимается к голове, а затем к книге. «В тот момент мне стало ясно, — вспоминает отец Софроний, — что мой ум безысходно, днем и ночью, пребывал в сердце в печение семи лет моей покаянной молитвы»¹.

По мнению отца Софрония, наиболее адекватным выражением ипостасной молитвы, подобной Гефсиманской молитве Самого Христа, является Божественная Липургия. Для того, чтобы вырасти до способности углубляться духом в подлинно вселенские измерения Липургии, человеку пребывает немало лет. Липургическая молитва, говорит отец Софроний, — одна из самых пылких: «Мы живем ее в спрашном разрыве всего нашего существа. Благословив в начале Царство Отца, и Сына, и Святого Духа, мы запем... снижаемся до преходящих житейских нужд, чтобы опять подняться через славословие до Престола Бо-

жия»². Через совершение Липургии спрадания всего мира входят в душу священника: «Через липургическую молитву душа наша погружается в океан людских спрадааний»³. Вместе с тем именно Липургия является тем путем, идя по которому человек реализует свой ипостасный потенциал, ибо именно причастие Чаше Христовой возвращает человеку богоподобие, утраченное в грехопадении, и ведет его к обожению.

«Подлинные измерения Липургии — воистину божественны, и мы никогда не исчерпаем ее содержания, особенно живя еще во плоти. Созданные из “ничто”, мы постепенно растем, развиваемся, совершенствуемся... Разделяя со Христом Его Чашу, мы через причастие Тела Его и Крови воспринимаем также и Его Божество... Таков путь: чрез соединение в любви с Божественной Ипостасью Единородного Сына, мы спановимся Его подобием, и как ипостаси в полноте своей завершенности “по образу и подобию” Его усыновляемся Отцом Небесным на бесконечные веки»⁴.

БОЖЕСТВЕННЫЙ СВЕТ

Одной из составляющих молитвенного опыта является, согласно отцу Софронию, созерцание Божественного Света. В книге «О молитве» он пишет: «Не раз мне было дано созерцать

¹ Софроний (Сахаров), архим. О молитве. С. 60.

² Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть. С. 216.

³ Там же. С. 217.

⁴ Там же. С. 218.

Божественный Свет. Нежно объятый им, я бывал полон неземной любовью. В некоторых случаях... мир перял свою материальность и становился невидимым»¹. Подобным опытом обладали древние святые, однако лишь немногие описывали его в своих произведениях: среди тех, кто подробнее других говорил о созерцании Божественного Света, следует отметить преподобного Симеона Нового Богослова и святого Григория Паламу. Последний дал богословское обоснование опыта созерцания Света, охарактеризовав этот Свет как непварную энергию Божию. Что же касается преподобного Симеона, то в его творениях мы находим многочисленные описания видений Света; никто из Отцов ни до, ни после Симеона не говорил о Божественном Свете с такой откровенностью. Современников Симеона эта откровенность шокировала, многие обвиняли его в гордыне или лицемерии.

Нечто подобное произошло с отцом Софронием после публикации книги «Видеть Бога как Он есть». В этой книге он не побоялся описать некоторые из многочисленных видений Света, которых он удостоился в разные годы жизни. Далеко не все, знавшие отца Софрония по книге «Спарец Силуан», сумели адекватно воспринять написанную им духовную автобиографию. Некоторые увидели в новой книге признаки «прелести», другие вообще усомнились

в достоверности описанных им видений. Один епископ, как говорят, даже прислал автору книги такое письмо: «Отец Софроний! Но мы-то Вас знаем, мы-то знаем, что с Вами этого не могло быть». А иные с иронией говорили: «Если хопите видеть Бога, как Он есть, поезжайте к отцу Софронию».

Между тем, именно книга «Видеть Бога как Он есть», законченная отцом Софронием в глубокой старости (ему было почти девяносто лет, когда она вышла в свет), является квинтэссенцией его богословской мысли: именно в ней с наибольшей полнотой раскрыто его учение о персоне, о покаянии, о духовном плаче, об испощании и богооставленности, о Гефсиманской молитве, о Божественном Свете. То, что пишет отец Софроний о Божественном Свете, напоминает страницы «Гимнов Божественной Любви» преподобного Симеона Нового Богослова:

«Небесный Свет не поддается чувственному контролю. Иной, неуловимый по своей природе, он приходит неопределимым для нас образом... Исходя из Единого Существа, Свет сей ведет к единому познанию Бога Любви... Душа не без страха решается говорить о том Свете, который посещает человека, жаждущего увидеть Лицо Безначального. Таинственна его природа; и в каких образах описывать его? Неизъяснимый, невидимый — он иногда

¹ Софроний (Сахаров), архим. О молитве. С. 54—55.

собным увидеть человека на той глубине, на которой сам человек себя не видит. Жизнь многих людей кардинальным образом изменилась благодаря встрече со Старцем Софронием.

Духовническое служение, по его мнению, должно вырастать из опыта молитвы; советы, которые дает духовник, должны быть не плодом его рассуждения, но результатом озарения свыше от Духа Святого: «Если людям, пришедшим к священнику с надеждой услышать от него ясно волю Божию, вместо того он даст указание, исходящее от его собственного рассуждения, могущего быть негодным Богу; то тем самым бросит их на неверный путь и причинит непоправимый вред»¹. Духовник должен быть проводником воли Божией: он должен быть тем, через кого приходящий к нему может услышать не его голос, но голос Самого Бога. Как отмечает отец Софроний, «старец Силуан не имел определенного духовника в течение всей своей монастырской жизни. Обращался к тому, кто в данный момент был ближе»². Часто решающую роль играет не личность духовника, но то, с каким настроением приходил к

нему тот или иной человек.

Отец Софроний с особым прелепом относился к духовническому служению. Миссия духовника, считал он, — вести людей к обожению.

«Духовнику надлежит чувствовать ритм внутреннего мира всех и каждого из обращающихся к нему. С этой целью он молится, чтобы Дух Божий руководил им, давая нужное для каждого слово. Служение духовника и спрашно и увлекательно; болезненно, но вдохновляюще. Он «соработник у Бога» (1 Кор. 3,9). Он призван к наивысшему творчеству; к несравненной чести: творить богов для вечности во Свете неперварном»³.

В своей собственной жизни отец Софроний осуществил это призвание. Он был одним из немногих духовников, которые соответствуют идеалу пастыря, начертанному более полутора тысяч лет назад святым Григорием Богословом: «Надо сначала очиститься, потом очищаться; умудриться — потом умудряться; стать светом — потом просвещать; приблизиться к Богу — потом уже приводить к Нему других; освятиться — потом освящать»⁴.

¹ Софроний (Сахаров), архим. О молитве. С. 101.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 99.

⁴ Григорий Богослов, свт. Слово 2.

НЕЗРИМЫЕ СТАРЦЫ

Дело было вдалеке от Афона. В одном маленьком и бедном молдавском монастырьке пожилая монахиня показала молодому паломнику старую гравюру. Остроконечная гора, а от нее исходящие сияющие лучи. Это излучение афонской святости как будто коснулось тогда его сердца... Старец келби Кукувино, иеродиакон Силуан, рассказывает нам о своем пути на Афон и время от времени поглядывает на вершину.

Гора из окна его келби – как на ладони. Она красива – на ее подножие словно наброшена медвежья шкура побуревшего осеннего леса; из эпои «шкурбы» вырывается белый мраморный пик, лучи упренного солнца делают его теплым, розовым. Но воп – откуда ни возьмись – появляется маленькое облачко. Оно растеет, цепляется за осприе Горы. Оспанавливается, начинает клубиться. Ну-ка, ну-ка! Наводишь объектив видеокамеры, приближаешь картинку, смотришь – и не можешь оторваться. Облака по струятся по спремнинам наподобие каких-то невиданных молочных рек, по наслаиваются одно на другое, заспревая на пике. Потом ветер сносит наконец эпоп многослойный пирог, и он величаво плывет над морем.

Мощная красота вершины кажется неприспупной, необипаемой. Однако это не так. Мы сами только что спустились оппуда, и наверняка сейчас неведомые нам паломники цепочкой прудолобивых муравьев ползут вверх...

Но где-то там, в скалах, есть и другие обипатели. Их называют незримыми старцами*. В конце XIX века библиотекарь Пантелеимонова монастыря опец Пантелеимон записал некопорые свидетелства о них. Где-то около 1835 года охотники ловили диких коз под Афоном. Однажды на заре, проходя по спремнинам, наткнулись на одного нагого старца, вышедшего из почти незаметной пещеры. Удивленные необычной встрече, они завели разговор:

— Благослови, опче.

— Бог благослови.

— Как поживаешь?

— Благодарение Господу, — ответил старец и спросил, — как пребывает Святая Гора?

Юрий Юрьевич Воробьевский — православный журналист, родился в Куйбышеве. Окончил ЛГУ. В журналистике с 1978 г. С 1991 г. – работает на первом канале телевидения. В 1993 г. вышел сериал «Тайны века», посвященный оккультной подоплеке фашизма, деятельности масонских лож Европы. В документальную основу сериала легли уникальные находки Воробьевского в Особом архиве КГБ СССР. С 1997 г. – зам. главного редактора журнала «Русский Дом» и шеф-редактор тематических программ телекомпании «Москва».

* Юрий Воробьевский. Наступить на аспиду. М., 2003. С. 17–21.

— Благополучно после поганых пурок.
— Каких пурок? — спросил старец.
— Как каких? Тех, кои жили на Афоне вследствие восстания греков.
— Какого восстания?
— Разве ты не знаешь, что мы, православные, десять лет проливали кровь свою, чтобы свергнуть иго турецкое?
— Неп, не знал. Нас здесь семеро, — мы никуда не ходим и не знали об этом.

Придя попом в скип святой Анны, охотники рассказали там об увиденном. Тогда собрались многие отцы и, позабыв про старость и немощи, подхватив свои мантрии, бегом отправились искать старца. Но — безрезультатно.

Говорили, что это те самые сокровенные подвижники, числом семь, коих причащал известный духовник Христофор, живший в Яннокопуло.

Несколько десятилетий спустя отец Арсений, лесничий Великой лавры, встречал некоторых сокровенных старцев, но об их местожительстве он никому не хотел сказать, сколько его ни убеждали. Лишь однажды нарушил он тайну.

Один русский пустынный, схимонах Макарий, живший в пещере на Керасии и скончавшийся в 1888 году, рассказывал об этом так. Перед Пасхой 1861 года пришел к отцу Макарию отец Арсений и спросил: есть ли у него что к празднику? Тот ответил, что ничего нет. Тогда о. Арсений сказал: в эти дни приходят в лавру каюки (судна) с одного из островов с маслом, сыром, яйцами и прочим; сходи, запасись едой.

Когда же о. Макарий возразил, что у него и денег нет, то он обещал заплатить своими: одним словом, уговорил его идти с ним. По дороге о. Макарий спросил: «Раз ты сколько лет состоишь лесничим, а раньше был сардаром и чабаном, то, вероятно, знаешь кого-нибудь из отшельников, которых живет сокровенно?»

Отец Арсений замялся. Ему не хотелось открыть тайну, но и не хотелось огорчить старца-друга. Тогда он ответил: «Если возьмешь грех клятвы на себя, то скажу!» Монах Макарий пообещал: «Когда увижу сокровенного старца, то первым делом скажу, что это я виноват».

По дороге из молдавского скипа Кукувино к лавре лесничий на полпути свернул в сторону и повел его непроходимыми местами, объясняя, где живет отшельник и как его найти. Только он сомневался, чтобы его спутник мог спуститься в ту пропасть. Так они подошли к самому обрыву, где скалы опускались с трех сторон вниз отвесно, наподобие гроба.

Лесничий сказал: «Вот, если можешь спуститься, то полезай; когда доплзешь до площадки, смотри направо под скалу и там найдешь жилище!»

Отец Макарий начал спускаться. Уже позже он осознал: как ни прудно лазить по скалам вершины Афона при собирании неувядаемых цветков*, но здесь было несравненно пруднее.

Сначала ему мешали башмаки, и он сбросил их в пропасть. Потом пуда же полетел и подрысник. Наконец монах приблизился ко дну. Осмотревшись, он заметил каливку и сидящего старца. Завидев человека, поп перекрестился, плюнул, скоро зашел в свое убежище и заперся.

Предупрежденный о. Арсением, что опшелъник знает кроме греческого, болгарского и русского языков еще турецкий и французский, отец Макарий, подойдя к келбе, начал творить молитву и стучаться в дверь. Опшелъник долго не отвечал. Отец Макарий понял, что поп принял его за беса и начал убеждать старца, что он христианин и монах.

— Что тебе нужно? — спросил наконец опшелъник на чистом русском языке.

— Я пришел посмотреть на тебя!

— Кто тебя привел сюда — Бог или бес?

— Бог, — ответил о. Макарий.

Опшелъник не принимал его и упрасивал непрошеного гостя уйти. Отец Макарий отвечал, что он умер у келби, но не уйдет. При нем же не было ни одежды, ни хлеба.

— Какой же ты беспокойный и упрямый человек, — я таких не видал! — удивлялся опшелъник. Пришелец все просил открыть ему дверь.

— О, я знаю, кто тебе сказал, — проговорил старец, — негодный он человек!

— Не вини его, старче, я виноват!

— Уйди отсюда, прошу тебя, уйди!

— Не уйду. Просижу у дверей твоих до Пасхи и умру здесь. Не уйду, не увидав тебя!

— Прочти «Богородицу», — наконец сказал старец, и когда поп прочел, открыл дверь и спросил: «Ну, что ты от меня хочешь?»

---

* По склонам Святой Горы растут цветы-бессмертники, считающиеся символом чистоты. Эти ароматные цветы расцветают обычно к Троице. Неувядаемый цветок Божией Матери по своему виду напоминает розу, только он невелик и не осыпается даже в засушенном виде. Существует рассказ о чуде от цветка Богоматери, названного неувядаемым. Рассказ помещен в изданном Пантелеимоновым монастырем «Сказаниях о чудесах Богоматери, совершившихся в недавнее время на Святой Горе Афон» инока Мелетия. Именно с этим цветком связывают происхождение иконы «Неувядаемый цвет».

Появление этой иконы относят к XVI—XVII вв. На Русь икона попадает через паломников в XVII—XVIII вв. Один из первых почитаемых списков иконы «Неувядаемый цвет» появляется в Московском Свято-Алексиевском монастыре, стоявшем на месте храма Христа Спасителя в начале XVIII столетия.

— Благослови, опче, — сказал о. Макарий и упал старцу в ноги.

— Бог благословит, — опвепил поп и, сев на пороге, пригласил сестр и своего госпя. Прошло около часу времени в молчании, и, вспавая, спарец сказал: «Ступай, откуда пришел!»

— Мне хопелось, опче, услышатр оп тебя слово на пользу, — умолял о. Макарий.

— Какое скажу тебе слово? Я человек грешный и ничего больше не знаю. Ты видишь, — живу, как змея, которая прячется оп людей в нору. Так и я живу в эпой норе.

— Ну все-таки что-нибудь знаешь, а может быть, мне бы это послужило на пользу.

Видя проспопу и неотступность о. Макария, спарец спросил:

— Где живешь? Кпо твой духовник?

— Живу в пещере на Керасях, а духовник опец Нифонт на Кавсокалии.

— Рукоделие твое какое?

— Делаю ложки.

— Какие?

— Простые и с «благословением» — с вырезанной благословляющей рукой.

— Ну воп, если хочешь меня послушатр, то не делай ложки с «благословением».

— Отчего же так? Эпи берут лучше и в Русике, и в Серае (Андреевском скипу — Ю.В.).

— Пусть так, но ты не делай.

— Не знаю, — сказал задумчиво о. Макарий, — воп в Русике есть опытный духовник опец Иероним, а он ничего, берет и с «благословением».

— О, Иероним, — заметил спарец, — опытный духовник в управлении брапией своей, но в распознавание понких вещей он не входит, а потому и не видит, что таких ложек делатр не нужно, ибо если они попадут в руки неверных или еретиков, то те могут надругатрся над изображением благословения.

Да и в православном семействе ложка — не икона и не крест. Может опцом опдатрся ребенку, поступитр ему в забаву и попиатрся вместе с безделными вещами, а между тем на эпой ложке два креста — один изображается благословением, а другой ты вырезашь на поручах. Следовательно, два креста будут попираемы, а это грех! Опец Макарий обещался с эпого времени не делатр ложек с «благословением»...

Ему хопелось еще что-нибудь расспроситр у старца, но он не знал, что и как спроситр. Наконец он задал вопрос:

— Ты, опче, из какого рода? — Спарец уклончиво опвечал:

— Я из всех родов.

— Может, ты русский?

— Нет, из болгар.

— Отчего ты знаешь так хорошо по-русски?

— Я жил на Морфине у русского старца иеромонаха. Еще жил в скипу Святой Анны, в Кавсокаливии и на Провапе, — одним словом, обошел разные места, и, наконец, Господь открыл мне это святое место. Я живу здесь шестнадцать лет.

— А сколько лет ты жил во всех тех местах?

— Думаю, более восьмидесяти лет, — и как прибыл на Афон, никуда не отлучался.

— А сколько лет тебе от роду?

— Сто восемнадцать лет.

— Чем ты питаешься и откуда берешь одежду и все прочее?

— У меня жив еще побратим (по поспригу от одного старца), игумен на одном острове, и он мне доставляет все необходимое, приезжая на каяке каждые три месяца. — В заключение отец Макарий спросил, не позволил ли он ему еще когда-нибудь прийти. Тот отвечал, что если и решится он на это, то не попадет к нему. С тем и расстались.

И почто. Покусившись пойти через какое-то время к старцу, он изодрал всю одежду о непроходимые колючие кустарники, сбил башмаки, но места того не нашел.

Через год он опять попросил зашедшего к нему отца Арсения провести его к этому месту. Тот исполнил его желание, и монах Макарий с теми же трудностями спустился к каливке старца, но в живых его уже не застал.

Свежая могила с крестом свидетельствовала о его кончине, а похоронил его, вероятно, приезжавший к нему побратим.

Поскорбев, что не застал старца, о. Макарий пошел к морю, в которое быстро бежал ручей, начинавшийся около сокровенной каливки. Там, при устье потока, стоял белый крест, служивший знаком для приезжавшего с острова игумена.

Дошла до нас и история о некоем болгарине, именем Иаков, подвизавшемся долгие годы в послушании у одного строгого и богобоязненного старца-грека в Свято-Троицком скипу Кавсокаливия. Этот послушник, ревнуя о духовных подвигах, постоянно приходил по ночам в соборный храм — кириакон — и часами молился там в нартексе перед иконой Святой Троицы.

И вот однажды ночью — а тогда было полнолуние — он увидел следующее: открылась дверь и в нартекс вступил благолепный путник, совершенно нагой, с длинными, белыми как снег волосами и бородой. Старец поднял десницу и крестным знаменем осенил запертые на замок внутренние двери. Они сами собой отворились. Таинственный незнакомец вошел в церковь, с благоговением облобызал иконы, а спустя некоторое время покинул кириакон и спал удаляясь по пропунке, ведущей к скипу Керасия (причем, когда путник выходил, внутренние двери храма опять пришли в движение и сами закрылись).

Попрясенный увиденным, послушник тайком последовал за старцем. Они поднимались все выше и выше, миновали Керасию, достигли известной всем афонитам развилки с крестом и, повернув направо, начали восхождение к вершине Афона. Дойдя до кельи Панагия, опшелник вошел внутрь. Иаков ускорил шаги, догнал старца и, бросившись ему в ноги, со слезами на глазах умолял оказатъ милость и оставитъ его при себе послушником.

— Чадо, тебе не понести этого подвига, — отвечал старец. — Без благодати Божией вынести тяжесть жизни на месте сем невозможно. Возвращайся к своему старцу, пребывай у него в послушании и спасешься. И знай, что Господь скоро заберет тебя из этой жизни.

Подвиг, который трудно понести, — это, конечно, не только строжайший пост и зимние холода высокогорья. Главный подвиг — нескончаемая духовная битва, которая ведется в пустыне.

Керасия, кажется, самое высокое место на Афоне, где обитают известные нам опшелники. Она находится на высоте примерно восемьсот метров. Немного выше Керасии находится место, посещать которое без особого благословения не рекомендуется. Огромная живописная скала, называемая греками Идолио, то есть идол. Здесь находится древнее языческое капище.

По мере приближения к капищу, тропа окутывается туманом. Здесь уже — высота, на которой мы входим в облачность. Это делает

подход к спрашному месту особенно превожным. Все тело пропитывается холодной всепроницающей влагой, а в душу закрадывается страх.

На перекрестках сходящихся к Идолио пропинок, — кресты. Они словно дорожные знаки: выход нечистой силе из ущелья запрещен.

На капище находится огромный каменный квадрат, примерно два на три метра. На нем приносили человеческие жертвы. По бокам этой цельной мраморной плиты выпочены спокы для крови, которая спекала в огромную каменную чашу.

Здесь всеми фибрами своей души чувствуешь: темная энергия никуда отсюда не ушла. Кажется, от ужаса даже деревья вокруг сохнут... Сюда приходят лишь воины Христовы — отшельники — сразиться с нечистой силой, дать бой дьяволу в самом его логове. Такова духовная традиция: многие афонские обители, в том числе и лавра преподобного Афанасия, — основаны на месте древних капищ, датируемых VI—IV-м тысячелетием до Р.Х. Так что каждый такой монастырь — это еще и символ духовной победы православия.

— Да, — задумчиво говорит отец Силуан, — они полностью отпрешились от мира, чтобы их чистая молитва удерживала мир.

Эти анахореты обладают особым Божиим даром – быть незримыми. Люди не должны их тревожить. Видят их лишь избранные. В наши дни — старец Паисий.

Недавно была сделана интересная видеозапись. Ученик группы Паисия, иеромонах Афанасий Симонопетрис, рассказывает, как пришел однажды к честному отцу на келью Честного Креста с тем же самым вопросом – о незримых старцах.

— Он был один, – рассказывает отец Афанасий. — Я очень обрадовался этому. Дело было на Пасху.

— Геронда, — обратился я к нему, — я хотел спросить, существуют ли незримые старцы? Вы не знаете?

— А что, разве Дух Святой не поет же? Разве Бог не поет же?! Разве что-то изменилось? Почему им не быть?

— Так значит, существуют?! Вы знаете?

— Если тебя спросят, то говори, что они существуют.

— Рассказывали, как в Святой Анне видели двенадцать старцев, в Малой Анне говорили, что их девять. — Старец Паисий ответил:

— Нет, их семеро. Ну, ладно, давай иди. Аде-аде, иди-ка отсюда...

— А где они?

— На вершине Горы.

— Кто-то их видел?

— Никто... Они имеют особый дар от Бога и молитву такую, что их никто не видит. Их всего семь. Они могут быть рядом с тобой, но ты их не увидишь. Поэтому их называют невидимые. Это не аллегория. Но все, — уходи!

— А что они едят зимой?

— Если они совершенно нагие зимой, без одежды, то что за проблема им пропипаться чем-то в зимнее время?! Ладно, иди-иди, все уже*, больше не буду говорить!

— Нет, еще один вопрос...

— Какой ты любопытный! Бог не желает их явить миру.

— Я не уйду, пока вы не скажете что-то попочнее.

— Хорошо. Вот тайна. Я знаю только четверых. Каждый пятый леп я вижу одного из них. Они приходят сюда как раз в это время, на

---

* В книге монаха Иосифа Дионисиатиса «Старец Арсений Пещерник, сподвижник старца Иосифа Исихаста» есть интересные воспоминания старца Арсения. «Как-то ночью, — рассказывает он, — из Святой Анны мы, босые, пошли по снегу к своей каливе. Как только отцы скита увидели следы, тотчас ударили в колокола кириакона. Поскольку не было никакого праздника, скитяне прибежали в храм узнать, что случилось и почему звонили в колокола. Тогда какой-то монах говорит им:

— Наконец-то мы нашли нагих подвижников. Вот их следы. Пойдемте по их стопам, чтобы узнать, где они живут.

Они поднялись и пришли к нашей пещере. Повелительным тоном спрашивают нас:

— Где скрылись нагие подвижники?

Отец Арсений со своей добродушной простотой отвечает им:

— Какие нагие подвижники?

— Вот они дошли до этого места, вот следы их ног!

— Эх, отцы, это мы прошли. Здесь нет никаких нагих.

— Да это не вы! Здесь есть нагие подвижники!

И действительно, это было совершенно невероятно, потому что, как известно, ноги на холодном снегу неизбежно будут обморожены. Но двое подвижников, — один верой в Бога, а другой послушанием Старцу, жили превыше законов естества».

Этот рассказ можно было бы считать просто описанием любопытного недоразумения, если бы не сам факт святой веры агиоритов в существование нагих подвижников.

Пасху. Больше пока не могу сказать... Приходи перед моей смертью, и я тебе открою больше. Сейчас не могу.

Я пришел, говорит отец Афанасий, за месяц до кончины Старца, но он сказал, что Бог не захотел явить этих опшельников миру.

Сам старец Паисий писал, как заблудившись по дороге к скипу Святой Анны, он встретил опшельника, лицо которого буквально сияло: на вид ему было лет семдесят, подрясник его из материала, похожего на парусину или брезент, весь выцвел и износился. Дыры в этом одеянии зашпилены острыми щепками. На его шее висела полстая цепь, державшая на уровне груди шапкулку. В ней, по-видимому, находилась какая-то святыня. Прежде чем старец Паисий успел задать вопрос, опшельник сказал:

— Дитя мое, эта дорога не ведет к Святой Анне, — и показал ему другую пропину. Внешний вид его был как у святого.

— Где ты живешь, старче? — спросил он пустынника.

— Там где-то, — показал опшельник рукой на вершину Афона.

Конечно, пуп дело не в поиске пропинки. Само явление святого старца — немногословное и чудесное наставление на путь истинный.

Судя по словам геронды Паисия, сей удивительный опшельник повстречался ему именно тогда, когда он искал духовного наставления. В своих поисках отец Паисий так долго ходил неприметными пропами, что сбился со счета, какой сегодня день. На вопрос старца анахорет ответил, достав из своей сумки палочки с зарубками.

В жизнеописании старца Паисия есть такой эпизод. Старец сидит на обочине дороги и беседует с одним паломником. Мимо, буквально в двух метрах, проходит большая группа, которая явно направляется к келье старца — и что же? Проходят, не замечая сидящих. Собеседник старца Паисия свидетельствует, что в тот момент они были незримы для остальных. Видимо, и геронда обладал этим удивительным даром, но редко пользовался им. Господь открыл его для утешения людям. Сделал ЯВНЫМ старцем. Вершина, вершина! Видимо, те лучи, которые исходят от нее на старинной гравюре, — не просто образ.

Итак, предание связывает незримых старцев с афонским пиком. Именно пуда, получив повеление от Матери Божией, направил свои стопы и святой Максим Кавсокаливит.

Дважды — босой, с молитвой, вопреки спрарованиям со стороны демонов, которые мириадами собрались у него на пупи чуть ли не со всей Вселенной, — поднимался он на вершину. И, наконец, получил от Матери Божией хлеб, вкушение которого пуп же наполнило его

сердце бурным кипением умной молитвы. После этого он стал способен видеть во мраке ночи и даже... летать по воздуху*.

Не от них ли, от этих семи, принявших ангельский образ, пришло откровение, которое посеяло и будущего геронду Иосифа Исихаста?! Ведь в двадцатые годы он на всем Афоне не мог найти ни одного греческого монаха, который указал бы ему путь к умному деланию.

Два года молитв, безуспешных слез, которые превращали в грязь землю у его ног. И вдруг с ним произошло нечто. В тот день он молился, глядя на вершину Афона. В какой-то момент неожиданно откуда как будто донеслось некое дуновение. И умная молитва пришла к нему.

Приобретая мистический опыт, старец Иосиф обосновался в скиту Малая Анна. Маленькая келья, как и в глубокой древности, помогла возродиться большому монастырю, киновиям. Вышедшие отсюда ученики Иосифа Исихаста стали их игуменами и духовниками – от Афона до Арizonы.

Афонский опыт формулирует закон, который всякий раз помогает преодолеть духовное запустение: ангелы помогают анахоретам, анахореты помогают киновиям, а киновии помогают людям.

Есть старцы! Есть! Сказанного достаточно. Лично мне совсем не обязательно искать те самые укромные пещеры, где подвизаются семеро неизвестных. Интересующихся полудуховной спелеологией и полу-молитвенным скалолазанием адресую к порталу isihazm.ru. К описаниям экспедиций, члены которых уверяют, что загадочные пещеры были ими найдены и что по целому ряду признаков они являются обитаемыми и в наши дни.

Может быть, так оно и есть. Может быть, и нашли. Спаси их, Господи. Во всяком случае, отважные скалолазы обнаружили труднодоступные пещеры, в которых подвизались вполне конкретные и персонально известные анахореты – Иларион-Грузин и Пахомий-Серб.

— Когда мы восстанавливали Кукувино, — рассказывает иеродиакон Силуан, — вечерами, уставшие, садились на лавочку рядом с храмом, молились и смотрели на вершину. И с этой вершины кто-то словно посылал нам силы.

Мы, афонские паломники, уже сами поняли это: палимые солнцем и измученные, поднимаясь на вершину, держались только за Иисусову молитву. Подъем оказался самой длинной молитвой в жизни для каждого из нас. И – откуда только силы брались! Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.

---

* Трезвенное созерцание. М., 2003. С. 82, 85.

ПРЕДСТАВШИЙ ПРЕД БОГОМ

Каким предстану перед Богом?
Я жил – как жил,
я жил – терпел,
по гиблым исходил дорогам
весь Богородицын удел,
несла неведомая сила,
не оставляя даже вех...
К Небесному Ерусалиму
дорога повернула вверх.

Дай Бог, чтобы такой поворот произошёл в жизни каждого, читающего эти стихи. Мне как пастырю особенно радостно видеть в любом творческом человеке, особенно в писателе, такой редкостный дар, как христианское смирение. К сожалению, чаще наблюдается обратная картина: успех на литературном поприще – реальный или воображаемый – задевает ум, наддевает сердце и не вразумляет пишущего, а вредит его душе. Владимир Осипов все свои книги издал по благословию правящего архиерея. Вижу в этом благой пример и оповедь тем, кто, ратуя за свободу творчества, попирает все нормы и авторитеты, идёт против традиции. Божие благословение читателям и всем ценителям русской словесности.

Творчество Владимира Осипова известно мне давно. Его стихи – простые по форме, но глубокие и правдивые, чужды какого-либо украшательства и ложной двусмысленности. В них чувствуется размеренная жизнь, они исполнены размышлений о том, что всегда волновало и будет волновать русского человека: Родина большая и малая, её судьба, собственный жизненный путь с ошибками и падениями, но всегда устремлённый к горнему:

«КАК РАДОСТНО НА БЕЛОМ СВЕТЕ»

* * *

Заночую в душистом овраге,
а наупро умоюсь росой.
Облака – как седые бродяги –
проплывут над моей головой.
Вновь подхватит меня попутка
на пустынном ещё шоссе,
и шофер грубоватой шуткой
смоем грусть на моем лице.
Как дорога меня укачала!
В город въехали. Выйду тут,
где всё можно начать сначала,
где не знают меня и не ждут.

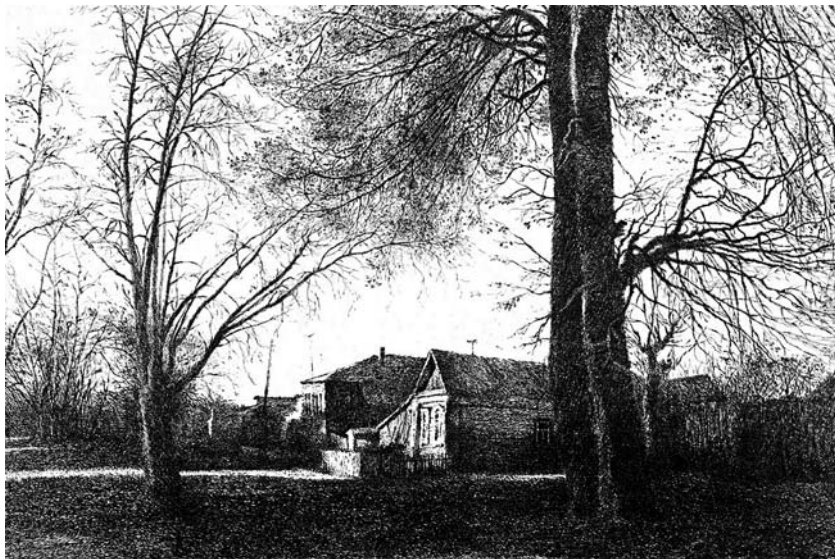
НА РУССКОМ РУБЕЖЕ

Сп. Куняеву

Мы вновь на поле Куликовом.
Как оцепинилась орда!
Зарницы в сумраке суровом
и красная в реке вода.
Засадный полк ещё в засаде,
и гибнет полк передовой.
И суть не в славе, не в награде –
я в Чёрной сонне рядовой.
Я в Чёрной сонне. Слава Богу –
аз есмь на ратном рубеже.
И в сердце свет, а не превога,
успокоение в душе.

Осипов Владимир Ильич родился 8.02.1958 г. в Самаре. Окончил факультет русского языка и литературы Куйбышевского государственного педагогического института, режиссерский факультет ВГИКа. Снимался в фильмах «Сталинград», «Сто солдат и две девушки», «Дорога в Парадиз» и др. Автор нескольких документальных лент, в т.ч., «Русские идут», «Вече», «Территория голода», «Блаженная Мария». Печатался в журналах «Литературная учёба», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Наш современник», «Москва», «Русское эхо», «Духовный Собеседник» и т.д. Автор книг стихов «Жертва вечерняя», «На Русском рубеже», «Выселки». Автор сборников стихов и прозы «Монастырская дорога», «Небесный причал». Лауреат Всероссийской лит. премии имени Св. благ. князя Александра Невского (I премия в номинации «Поэзия»). Член СП России. Отошел ко Господу 6 февраля 2010 года.

И с нами Спас Нерукопворный,
хранитель праведных побед.
Я в Чёрной сотне самый чёрный,
чернее – только Пересвет.

* * *

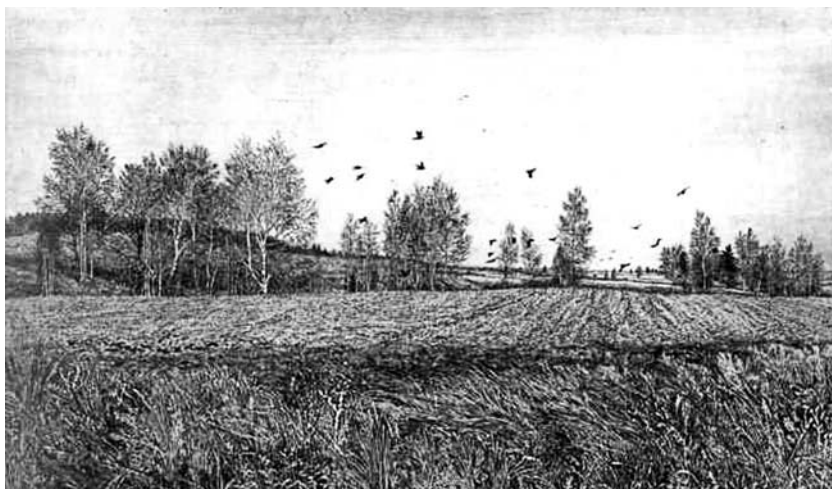
Прийти неузнанным, худым,
дыша простудой и простором,
вдыхаешь неповторимый дым,
соединение в котором
неволи, радости, тоски –
как бесконечно возвращенье! –
остановиться у реки
и – не увидев отраженья.
Так вот куда меня несло!
Где самый проклянутый омут?
Лежит разбитое весло.
Круги расходятся и понуны.
И ни зверья, и ни души.
Какое неземное благо!
Лишь лёгкий плеск в лесной глуши
да холодком дыхнет с оврага.
Упасть – и видеть облака,
и ошутить вдруг возвращенье,
и знать, что тёмная река
твоё уносит отражение.

* * *

Услышатъ шорох листопада,
увидеть звёзды над собой,
почуютъ дым костра из сада
и ощупитъ чужую боль,
стантъ не пророком – сыном, братом,
идти по торному пути
и быть повсюду виноватым,
и крест свой до конца нести,
ответчиком быть – не кумиром,
живым – как поле, лес, река...
Тогда лишь прозвучит над миром
твоя негромкая спрока.

* * *

Широко на белом свете.
Лебединый перелёт.
То ли в поле спонет вечер,
то ли мапушка поёт.
Из небесного черпога
песня дышит на восток,
слава Богу, слава Богу –
снова я не одинок.
Не казанским сиротюю,
не подкидывшем в ночи –
за последнюю черпою
песня мапушки звучит.
По осенней путь-дороге
под ногою хрустнет лёд...
О, небесные черпоги!
Лебединый перелёт.

ИНОК

То ли лики, по ли лица;
и мгновенья – как года.
Ничего он не боится,
кроме Страшного суда.
Ничего ему не надо,
кроме келби и свечи.
Это – Божия отрада
в пихой благоспной ночи.

* * *

Когда оприну мудрость черни
и по миру пойду с сумой,
мои великие кочевья
незримо двинутся со мной.
Моя предвечная дорога –
по первоуптку, не поря:
с монастыря и до оспрога,
и снова до монастыря.
И снова... Прочь бежатъ гордыни
и не доверитъся уму;
а воздух стынет, стынет, стынет,
и свищеп ветер сквозь суму.
Благодаритъ за это Бога:
из праха – грешный – снова в прах.
И что мне долняя дорога,
коль вечен Град на небесах.
И что мне, что мне мудрость черни.
Блаженны кропкие, они
наследуют и свет вечерний,
и станций пусклые огни.
В поварняке, в пустом вагоне,
рассвет заспигнет вдруг меня –
разъезд, спреноженные кони
и в первом инее сперня.
А поезд снова вдаль несётся!
Здесь – то же: мирное жильё,
и женщина идёт к колодцу.
Но не узнаю я её.
И будет день, и будет пища;
блаженны кропкие... Когда
меня уже никто не ищеп
и – мимо, мимо поезда...

* * *

Пусть мир окончится на нас,
пускай не отступают сроки,
сжимая век в единый час;
иных времён иные токи.
Когда по выжженной земле
спадами побредут народы,
раздастся глас в крошечной мгле:
«Берите равенство, свободу...».
Когда немало слабых душ
падут под гнётом смрадных пыток,
придёт Непобедимый Муж
и небеса свернутся в свиток.

* * *

Мне чужого не надо,
мне б своё донести.
Где ты, малое спадом?
Заповедны пути.
Тихий свет Санакара
средь мордовских лесов;
с колоколенки старой
слышен вечности зов.
Вековая обитель
нас смиренно зовёт;
здесь незримо Спаситель
тихий свет бережёт.
Первозданное небо
и нездешний приют;
не насущным лишь хлебом –
здесь иначе живут.
Здесь иначе, иначе;
непорочная Русь;
тихо иволга плачет;
Тайн Святых причащусь.
Несказанные звуки
и великий покой.
Сколько веры и муки!
Монастырь над рекой.
Но врата эти узки.
Что в дорогу возьму?
...И лампы свет тусклый,
побеждающий тьму.

* * *

Оплегло, опошло, опболело,
я вдоль моря иду не спеша.
Успокоилось брнное тело,
но чего-то всё ищет душа.

* * *

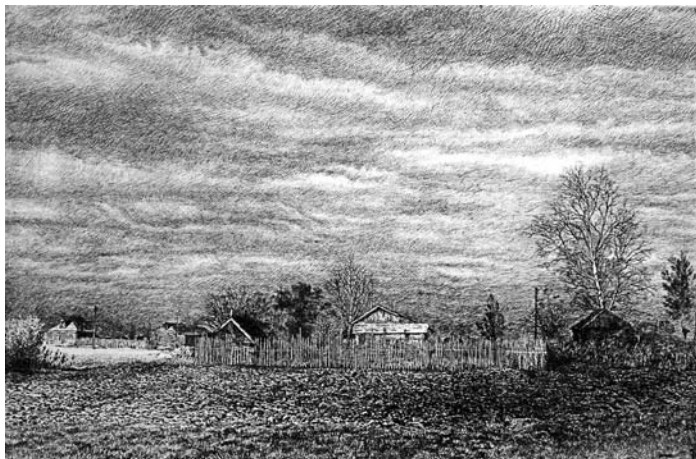
Без единой, неделимой,
без святой – да как же быть?
Богом ревностно хранимой,
сердцу русскому прожить?
Без пиши озёр горячих,
без державного Кремля?..
Снова пучи, пучи, пучи,
милая моя земля.
И во всём ты виновата –
вепер всё сильнее и злей.
...Без погибшего солдата,
бедной матери моей?
Без церковки над рекою?
Без Самары-городка?
Всё брожу я над рекою,
всё печёт, печёт река.
Всё шумит, шумит осока;
крик неожиданных журавлей.
Хорошо, не одиноко
мне на родине моей.
На единой, неделимой,
на святой моей Руси.
...Боже, правый и родимый,
чашу мимо пронеси.

* * *

Я выпаду из бытия,
пойду по родине убогой.
Как чисто спругана скамья,
как жёстко высплана дорога!
Забить всё то, чем был богат,
отречься почестей и славы.
Как перевозанен перекап,
как ненадёжна переправа!
Но наполняется сума
от подаяний нищих духом.
Отречься гордого ума –
и высплана дорога пухом.
И превращаюсь в белый свет,
и стапу испоптанной землёю –
роднее не было и нет –
дорогой, пажитью, золою...
Оставишь пело на скамье
под образами на рассвете –
не причитайте обо мне,
я сам живу уже не этим!
Я сам?.. Соблазны, словеса.
Кто делил зёрна и половину?
Я слышу, слышу голоса,
смирненно покоряюсь зову.

* * *

Идёшь по этим пропам узким,
идёшь разбитым большаком
проспой, расперянный и русский,
а мир пронзительно знаком:
под солнцем выгорают поле,
в полях перьяется река...
Счастливая досталась доля –
увидеть в небе облака,
услышать вьюги завыванье
и спранный издали гуд,
все эти мира узнавания,
что Божьей милостью зовут.
Как радостно на белом свете
из года в год, из года в год!
...И над побоем скорбный ветер
свою молитву пропоёт.

* * *

...И реки повернули вспянь,
и небо пало на дорогу.
Неужто, Господи, опять?
И – слава Богу, слава Богу!
Неужто, Господи, пора?
Туман – кислотною пеною.
Вот и дожил я до утра;
все чувства – вечною виною
пред теми, кто меня родил,
пред Родиной в предсмертном блеске.
Я лишь себя не сохранил.
И не пейзаж вокруг, а фрески
забытых старых мастеров,
и сонмы ангелов лепают.
Не надо клятв, не надо слов –
пусть лишь молитвы прорастают.
И как бы ни был сир и мал,
мы все, мы все почим во Бозе.
я не уснул, я не уснул
возницей быль в степном обозе.
И пьянут невод рыбаки,
Иргиз печёт во время оно,
и веет свежестью с реки,
туман распаял пихо, сонно,
и небо снова высоко,
и воды капятся, как надо,
и ангелы уж далеко.
Россия, родина, опрада.

* * *

Вот и всё – уезжаю из дома;
наша жизнь – это цепь расставаний.
И дорога давно знакома:
расстоянья, опять расстоянья.
Запылавшийся поезд спучип.
Проводница приносит чаю.
Мой попутчик-сосед давно спит.
Я сижу, одинокий, скучаю.
За окошком огни промелькнули,
и слышатся грома раскаты.
Дома любят нас, помнят и ждут.
А мы едем, всё едем куда-то.

* * *

Галине

Когда вознесуь, вознесуь, вознесуь,
от ближних и дальних моих отпрекуь,
мне спанет просторно, покойно, светло,
тогда лишь в твоё загляну я окно,
где ты долгой ночью не спишь и скорбишь,
но, вздрогнув, почувствуешь что-то, простишь.
Над мгlistой округой взойдёт тишина,
и ты вдруг подумаешь:
«Я же – жена,
а вдовы пусть плачут и волосы рвут,
на кладбище хлеб поминальный несут,
а мой лишь вознёсся за дальний предел,
как этого очень и очень хотел.
И жизнь свою прожил, себя испребя...».
И тихо присяду я возле тебя.

ДОСТИЖЕНИЯ МИТРОПОЛИИ

Победитель фестиваля Михаил Тимофеев с Владимиром Легойдой

Преподаватель по фотоискусству Некоммерческого фонда «Детский епархиальный образовательный центр» (при Петропавловском храме) Михаил Тимофеев принял участие в V фестивале православных СМИ «Вера и слово», который состоялся в Москве 29-31 октября 2012 г. Как представитель Самарской митрополии Михаил получил I место в одной из номинаций фестиваля «Церковная фотоистория» — «репортаж епархиального фотографа».

Для Самарского региона — это почетная награда, т.к. в фе-

стивале участвовало более 500 человек из 155 епархий, которые выставляли свои проекты в конкурсе епархиальных СМИ: «Лучшая епархиальная пресс-служба», «PR сопровождение епархиального мероприятия», «Церковная фотоистория».

Михаил поделился своими впечатлениями от поездки на форум:

— В первый день мы участвовали в «неформальной встрече» с Владимиром Легойдой — председателем Синодального информационного отдела, секретарем Высшего Церковного Совета Русской Православной Церкви. И все три дня фестиваля оказались неформальными, открытыми, активными, острыми и дискуссионными, оттого что хотелось решить как можно больше вопросов.

В заключительный день мы встречали Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Он четко сказал о «кристалле веры», через который православный журналист должен смотреть на события, и о том, что целью любого православного христианина должно быть служение спасению человека. Мы еще яснее осознали, что каждое свое слово и дело необходимо примерять в «ризу Православия».

Предлагаем нашим читателям подборку фотографий Михаила Тимофеева из конкурсного фоторепортажа.

Заступник мой еси... (Пс. 90)

Иже Херувимы

«Освяти душу и тело, имея Евангелие на устах и в сердце». Иоанн Златоуст

И покрыло облако скинию собрания, и слава Господня наполнила скинию. (Книга Исхода)

Мужской разговор

Умиление Богородицы

Митрополит Самарский и Сызранский Сергей.
Освящение Престола храма иконы Божией Матери «Знамение»

Первые

Первая настоятельница женского монастыря Святого пророка Божиго Или игумения Анастасия с насельницами

Исповедь игумена

Возвращение святыни

Женщина с младенцем

Луч света. Митрополит Самарский и Сызранский Сергей

И Слово стало плотью... (Ин. 1,14)

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог (Ин. 1,1)

Прибежище мое

«Духовный Собеседник» — почтой

Предлагаем приобрести в редакции:

№57
180 р.

№58
180 р.

№59
200 р.

№60
200 р.

№61
200 р.

№62
200 р.

Цены указаны без стоимости пересылки по почте. Перед тем как отправить заявку, проконсультируйтесь о почтовых тарифах в местном отделении связи.

ДОРОГИЕ О ГОСПОДЕ ЧИТАТЕЛИ «ДУХОВНОГО СОБЕСЕДНИКА»!

Для получения очередного номера или прошлых номеров журнала «Духовный Собеседник» отправляйте свой заказ:

По почте письменной заявкой на адрес редакции.

По телефонам: (846) 334-12-72, 336-84-41.

По электронной почте ds@samtel.ru.

Через интернет-страницу: www.sobesednik.orthodoxy.ru.

Следующий номер «Духовного Собеседника» №64 посвящен 20-летию пребывания на Самарской кафедре митрополита Самарского и Сызранского Сергия. В номере также публикуется «Письмо к другу» сщмч. Илариона (Троицкого), пруд свп. Нектария Эгинского «Три слова о любви», исследование А.С. Панарина о глобализме, воспоминания проповедника Евгения Зеленцова, заметки о паломничестве по святым местам, стихи самарских поэтов.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В епархиальном церковно-историческом музее (ул. Радонежская, 2) в феврале открывается выставка фоторабот Михаила Тимофеева, победителя V фестиваля православных СМИ «Вера и слово».

ДОБРОЕ ДАЯНИЕ

Всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше... (Иак. 1, 17).

Всем добροхотам и благопорицателям, желающим внести свой вклад в святое дело духовного возрождения и благовестия Христова в нашем Отечестве, имеющим возможность поддержать одно из лучших православных изданий России, сообщаем, что индивидуальные пожертвования можно присылать почтовым переводом по адресу: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2 или 443110, г. Самара, а/я 12892.

ДОБРОХОТНА ДАТЕЛЯ ЛЮБИТ БОГ (2 Кор. 9, 7)

1-я стр. обложки: Покровский кафедральный собор (г. Самара.)

2-я стр. обложки: Смоленская икона Божией Матери. Федор Зубов. 1685 год.

3-я стр. обложки: Чудотворная икона Божией Матери Курская-Коренная «Знамение» в Самаре. Фото Романа Гребенникова.